

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

**Психология взаимоотношения этносов
в условиях многонационального региона Татарстан**

Казань 2006

Печатается по рекомендации редакционно-издательского совета Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета

УДК. 316.6 (072.8)
159.9 (075.83)
ББК Ю.95
Ю.983.7

Психология взаимоотношения этносов в условиях многонационального региона Татарстан / Под ред. Л.Р.Фахрутдиновой, Д.В.Вилькеева. - Казань: Изд-во ТГГПУ, 2006.

Коллективная монография является обобщающей и итоговой работой научного коллектива кафедры психологии ТГГПУ за истекшие 5 лет. Она посвящена этнопсихологическим исследованиям в условиях многонационального региона в области взаимоотношений этносов, проживающих на территории Татарстана. Монография содержит как фундаментально-теоретический раздел исследований, так и прикладной аспект этнической психологии в условиях многонациональной Республики Татарстан.

Монография предназначена преподавателям, аспирантам, соискателям, студентам психолого-педагогических факультетов, а также всем тем, кто интересуется проблемами взаимоотношений этносов в многонациональной среде.

Ответственный редактор: Л.Р.Фахрутдинова
доцент, кандидат психологических наук

Научный редактор: Д.В.Вилькеев
профессор, доктор педагогических наук

Рецензенты: Н.Ю.Хусаинова
профессор, доктор педагогических наук

А.Ф.Корниенко
профессор, кандидат психологических наук

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

Вилькеев Джаудат Валиевич – профессор,
доктор педагогических наук

Прохоров Александр Октябринович – профессор,
доктор психологических наук

Юсупов Ильдар Масгудович – профессор,
доктор психологических наук

Волчков Эдуард Григорьевич – доцент,
кандидат психологических наук

Фахрутдинова Лилия Раифовна – доцент,
кандидат психологических наук

Садретдинова Эльвира Асгамовна – старший преподаватель
кафедры психологии ТГГПУ

Хайдарова Миляуша Ренатовна – ассистент
кафедры психологии ТГГПУ

Шмелева Снежана Александровна – ассистент
кафедры психологии ТГГПУ

Юсупов Марк Геннадьевич – ассистент кафедры психологии ТГГПУ

Волчкова Елена Эдуардовна – аспирантка кафедры психологии ТГГПУ

**Психология взаимоотношения этносов
в условиях многонационального региона Татарстан**

130-летию университета посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Россия – не единая раса, и в этом ее сила.
Россия – это единство в разности,
полихромия, полифония ...

Николай Рерих

Научная актуальность и своевременность выхода в свет данной монографии обусловлена рядом причин. Мы коснемся лишь некоторых из них. Во-первых, в масштабе всей Российской Федерации идет процесс экономического, политического и культурного сближения народов России, все более тесного взаимодействия этносов. Этот процесс проходит не равномерно, а в ходе заострения различных противоречий, вызванных экономическими, политическими, социальными несоответствиями развития национальных регионов страны. Требуется четкое прогнозирование указанных противоречий и способов их разрешения.

Однако если экономические и социальные противоречия имеют тенденцию к их росту, то сильно проявлявшиеся совсем недавно, например, в 90гг. в России национальные противоречия стали заметно ослабевать. Проводимая в настоящее время в нашей стране политика сближения народов, их культурного сотрудничества, межконфессионального сближения получает все более широкое распространение. Особенно заметно проявляется тенденция к укреплению межэтнических связей в некоторых полиэтнических районах, например, в Татарии. Для народов, населяющих территорию Татарстана, характерны добрососедские отношения, дружественные связи, толерантность, межконфессиональная терпимость, тесные межкультурные связи.

Тесные дружеские связи, толерантность русского, татарского и других народов Татарии имеют свои глубокие исторические корни, а также

экономические и социальные причины. Однако несмотря на определенную общность исторических судеб русского, татарского, чувашского, башкирского и других народов, населявших с древних времен территорию нынешней Татарии, научных исследований и научных публикаций по данной проблеме крайне недостаточно. Особенно слабо освещены проблемы взаимоотношений этносов, их взаимовлияния, экономического и культурного сближения, а также общности их характеров.

В решении данных проблем первоочередная роль должна принадлежать этнопсихологии как науке об особенностях возникновения, развития и взаимодействия этнических групп и народов. Этнопсихология исследует закономерности формирования национального сознания, национального самосознания, национальной идентификации, развития национальных идей, движений. В центре внимания этнической психологии находятся также особенности языка, общения этносов, саморегуляция их психических состояний, причины межнациональных конфликтов и т.д.

На страницах данной книги читатель найдет более или менее полный ответ на некоторые из этих актуальных вопросов, требующих решения, как теоретическим путем, так и экспериментальными методами.

Системообразующим понятием, отчасти объединяющим содержание глав монографии, является понятие взаимоотношения этносов. Рассматривая взаимоотношения этносов, авторы глав учитывают особенности этноидентификации, коммуникабельности, проявления национальных характеров, взаиморегуляции у отдельных этносов. В центре этнопсихологического анализа взаимоотношения этносов становится толерантность, как морально-этическое качество, определяющее взаимодоброжелательность, взаимотерпимость групп людей друг к другу.

В процессе длительного совместного сосуществования русского и татарского народов, общих исторических и экономических их судеб развивалось и укреплялось их взаимное доверие, национальная и конфессиональная взаимотерпимость – толерантность.

В первой главе книги на основе привлечения обширного экспериментального материала, его тщательного анализа и обобщения автор (проф. И.М.Юсупов) раскрывает исторические предпосылки развития толерантных отношений русских и татар, указывает на современные экономические и социально-политические факторы, содействующие усилению толерантных отношений между этносами Татарии. Делаются оптимистичные прогнозы о дальнейшем укреплении дружественных отношений, толерантности и культурных связей разных народов Татарстана.

Вторая глава книги посвящена в основном межэтническому общению титульных народов Татарстана и формированию у них этнической идентичности (этноидентификации). Авторы главы (доц. Э.Г.Волчков и др.) раскрывают социально-психологические механизмы этноидентификации, влияние различных феноменов (этноцентризма, этноизоляционизма, этнопессимизма и т.д.) на характер формирующегося этносознания. Авторы отмечают, что сложившаяся к настоящему времени этнопсихологическая ситуация в республике Татарстан характеризуется как приемлемая для дружественного проживания малых этнических групп региона. На сегодняшний день межэтническая напряженность среди народов, населяющих Татарию, делают вывод авторы, отсутствует. Массовые деформации этнического самосознания, известные как феномены этнонигилизма и ксенофобии, не проявляются. Однако у некоторой части молодежи наблюдаются индифферентное отношение к своей национальной принадлежности, а также этнопессимизм.

Широким привлечением экспериментального материала и высоким теоретическим уровнем его анализа отличается глава, написанная проф. А.О.Прохоровым. Она посвящена этнокультуральным особенностям семантических пространств и саморегуляции психических состояний этносов.

Представленные результаты показывают сходство и различия семантических пространств состояний представителей разных этносов Европы Востока. Разные культуры, традиции и национальные особенности

обуславливают различия в осознании психических состояний. В то же время межкультурное взаимодействие приводит, считает автор, к определенной близости семантических пространств ряда психических состояний представителей того или иного этноса. Таким образом, психические состояния совместно проживающих в каком-либо многонациональном регионе, например, в Татарии, характеризуется близостью и это обусловлено длительным опытом межнационального общения. В то же время имеется определенная национальная специфика переживаний психических состояний у тесно общающихся между собой народов, обусловленная в частности и чертами характера этих народов.

Вопросу об особенностях переживаний психических состояний русскими и татарами посвящена глава, написанная доц. Л.Р.Фахрутдиновой. Целью ее исследования являлось изучить этнопсихологические особенности взаимоотношений сущностных структур и переживаний этносубъекта. Результаты исследования подвергались кластерному, факторному и корреляционному анализу. Для эксперимента применялся также Я-структурный тест Амона. Полученные экспериментальные данные позволили предположить автору, что пространственно-временные и энергетические характеристики переживаний у русских и татар являются более независимыми по отношению к национальности субъекта. Сделаны весьма обоснованные выводы: на развитие особенностей сущностных структур субъекта оказывает влияние социальная среда, национально-культурные особенности воспитания членов этноса. Переживание субъекта, являясь функцией восприятия, обнаружило свои особенности в зависимости от национально-культурных условий формирования личности.

В главе «Самосознание этноса и его формирование» рассматривается сущность этнического самосознания, генезис этого феномена в историческом развитии отдельных этносов. Раскрываются социально-психологические механизмы формирования коллективного национального самосознания в процессе интеграции индивидуального самосознания представителей

отдельного этноса. Показано взаимодействие различных объективных и субъективных факторов, влияющих на формирование как коллективного, так и индивидуального национального самосознания. Среди этих факторов особое место отводится национальным идеям. Они, по мнению автора главы, могут играть в национальном движении не только прогрессивную, но и регрессивную роль.

В главе «Этнические особенности взаимодействия психических состояний и произвольного внимания в ходе учебной деятельности» представлены результаты экспериментального исследования динамики взаимодействия психических состояний и процессов в учебных группах русской и татарской национальности. В обеих группах были выявлены сходные тенденции смены положительных психических состояний высокой степени интенсивности, характерных для начала занятий, отрицательными состояниями в конце занятий. Для обеих этнических групп характерны типичные состояния в начале, середине и конце учебного занятия, которые определяют динамику взаимодействия психических состояний и процесса внимания. Наблюдается значительное влияние неравновесных отрицательных состояний на динамические характеристики процесса внимания. Результаты исследования динамической структуры внимания и психических состояний позволяют выявить основные механизмы их взаимодействия.

В главе, написанной С.А.Шмелевой, рассматривается формирование межэтнических отношений в условиях современной России. Подчеркивается, что восприятие и понимание людьми одной этнической общности людей другой общности - явление весьма специфическое, обусловленное как социальными, так и этнопсихологическими факторами в их тесной взаимосвязи. В условиях взаимодействия людей разных этносов складывается своеобразная система восприятий и представлений, которая имеет большое значение для развития межэтнических отношений. Поэтому, подчеркивает автор, необходимо, рассматривая взаимодействие членов разных этносов,

учитывать и индивидуальные их этнопсихологические качества: закреплённые в памяти эталоны восприятия, установи, ценностные ориентации и т.д.

Проблеме формирования индивидуального стиля деятельности в этнокультурном образовании посвящена глава ... книги. Внимание автора уделено вопросам формирования индивидуального стиля деятельности в условиях этнокультурного образования в дошкольном возрасте. Этот период считается важным начальным периодом в развитии этноидентификации. Именно в дошкольном возрасте воспитание детей с позиций национальных, духовно-нравственных ценностей ожжет предотвращать возможное отчуждение детей от этнических идеалов.

Индивидуальный стиль деятельности формируется в процессе активного включения в деятельность ребенка факторов национальной культуры. Осознание этнокультурных особенностей национальной общности обуславливает этническую самоидентификацию с раннего детства. К осознаваемым ребенком факторам национальной культуры в первую очередь надо отнести устное народное творчество, традиции, обычаи народа, народную педагогику и т.д.

Экспериментальный характер носит и глава, посвященная соотношению духовно-нравственных качеств студентов русских татарской национальности. Основываясь на полученных данных, автор главы делает вывод, что личностные духовно-нравственные качества студентов русской национальности в своем развитии имеют более целостную форму, чем духовно-нравственные качества студентов татарской национальности. Однако необходимо отметить, что общий уровень духовно-нравственного развития студентов русской и татарской национальности можно характеризовать как средний.

Коллективная монография подготовлена следующим авторским составом:

Введение – профессор Д.В.Вилькеев.

Глава 1. Теоретические проблемы психологии взаимоотношений этносов в условиях многонационального региона.

Доцент Э.Г. Волчков – § 1. Межэтническое общение и дистанцированность титульных народов Татарстана.

Профессор И.М. Юсупов – § 2. Истоки менталитета народов Татарстана.

Профессор А.О. Прохоров – § 3. Этнокультуральные особенности семантических пространств и саморегуляции психических состояний.

Доцент Л.Р.Фахрутдинова – § 4. Особенности переживаний татар.

Профессор Д.В.Вилькеев – § 5. Самосознание этноса и этноидентификация.

Глава 2. Прикладные особенности этнопсихологии в условиях многонационального региона.

Ассистент М.Р. Хайдарова – § 1. Духовно-нравственные качества студентов ТГГПУ татарской и русской национальности.

Ассистент С.А. Шмелева – § 2. Формирование межэтнических отношений народов в условиях современной действительности.

Ассистент М.Г. Юсупов – § 3. Этнические особенности взаимоотношений психических состояний и произвольного внимания в ходе учебной деятельности.

Аспирантка Е.Э. Волčkова – § 4. Эмпирическое изучение культурно-ценностных ориентаций основных народов Татарстана, § 5. Эмпирическое изучение этнической идентичности основных народов Республики Татарстан.

Старший преподаватель Э.А. Садретдинова - § 6. Особенности взаимоотношений детей в этнокультурной среде на примере игровой деятельности

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЭТНОСОВ В УСЛОВИЯХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА

§ 1. МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ И ДИСТАНЦИРОВАННОСТЬ ТИТУЛЬНЫХ НАРОДОВ ТАТАРСТАНА

Процессы познания, понимания и взаимодействия носят диалогический характер. В этноконтактной ситуации они направлены на представителей иных этносов. Сущность этноконтактной ситуации заключается в субъект-субъектном взаимодействии этнических групп или конкретных их представителей (этнофоров), предоставляющих интересы своего этноса.

Имманентная цель любой этноконтактной ситуации - установление этнических границ, т.е. очерчивание собственного социально-психологического пространства по сходству и отличиям этнофоров. Этническая общность выделяет себя не столько в силу своего культурного содержания, сколько в силу массового осознания отличий от другой общности. Отрицательное отношение к субъектам как к этнофорам из аутгруппы (как к чужакам) означает разграничение менталитета по категориям интересов, ценностей, суждений и поведения. Этническая граница для индивидов более реальна и социально ощутима, чем границы административные. Выраженная этническая граница определяется снижением межнациональной толерантности и накладывает ограничения на межэтническое взаимодействие. Обострение интолерантности превращает этническую границу в отчетливую демаркационную линию между соседствующими народами даже в пределах единой территории проживания

Это происходит при дополнении психологического содержания этнического пространства лингвистическими, конфессиональными и территориальными эквивалентами. Наблюдающаяся в таких случаях оппозиционная тенденция поляризует этноконтактную ситуацию. При возникновении противоречий социально-экономического характера между национальными общностями этническая граница искусственно уплотняется и превращается из линии, носящей защитные функции этноса в политический инструмент этнической дезинтеграции в обществе, в линию столкновения этносов. Создается благоприятная почва для прорастания зерен этноцентризма - этнического самосознания, воспринимающего и оценивающего мир через призму ценностей традиций собственного этноса, где нет места толерантности, взаимоуважению и взаимопринятию других народов, населяющих данную территорию.

Для полиэтничного региона Среднего Поволжья, в едином политико-экономическом пространстве, которого многонациональный Татарстан занимает географически центральное место, вопрос взаимной этнокультурной толерантности, населяющих его народов на протяжении минувшего века не утрачивал своей актуальности. Особенно выпукло он обозначился в период "парада суверенитетов" распадающегося СССР.

Следует особо подчеркнуть, что в отличие от других регионов РФ в период «брожения умов» этнопсихологическая обстановка в РТ оставалась все же относительно спокойной. Ставится вопрос - почему. Одним из возможных ответов, требующих тщательного анализа и экспериментальной проверки является **специфичность** формирования этнической идентичности в РТ. Анализу формирования и функционирования этнической идентичности и посвящена данная статья. Отметим с самого начала, что этническая идентичность в самом ее общем определении это ощущение своего «Я», как носителя сущностных черт этноса формирование и укрепление своей этнической индивидуальности; это внутреннее субъективное понятие о себе, как представителе своего народа.

*Статья представляет собой краткое изложение исследования, выполненного по гранту №02-2.3-71 /2003 (Ф). Руководитель профессор Юсупов И.М. В работе принимал участие автор данной статьи.

Психологическими же детерминантами национального самосознания наряду с этнической идентичностью являются: этнические образы, этнические диспозиции, этнические ценности. Каждая психологическая детерминанта имеет свою особенность и специфику формирования и функционирования на территории РТ. Так, этническая идентичность актуализируется и формируется на индивидуальном, личностном уровне по следующим составляющим:

1. этнонигилизм
2. этноэгоизм
3. этноизоляция
4. национальный фанатизм
5. позитивная этническая идентичность
6. этническая индифферентность

Межэтнические установочные образования (стереотипы, предубеждения, предрассудки) содержат эмоционально-оценочное отношение к разным этническим группам и характеризуются готовностью к поведенческим реакциям в межэтническом взаимодействии. В неопределенных и конфликтно-генных социальных ситуациях, когда эмоциональный накал сторон повышается, установочные образования становятся регулятором поведения этнофоров в отношении соседствующего этноса. Здесь доминирующую роль играет не истинность или ложность когнитивного содержания установок, определяющихся традиционной культурой этноса, а их эмоциональное наполнение. Каждый субъект интерпретирует происходящее событие, исходя из собственного опыта контактов с противоположной стороной, придавая свой смысл мотивам и действиям соседа. Формируясь в пограничной зоне этнокультурных контактов, межэтнические установки закрепляют эмоционально-оценочное отношение к собственной этнической группе, другой этнической группе и к её отдельным представителям. В силу этого возникает пристрастность в оценках поведения как «своих», так и «чужих» этнофоров, и

на основе этих пристрастий формируются стойкие этнические образы, формируется взаимная этнопсихологическая приемлемость (ВЭП).

Как известно, этнические образы формируются на основе трех взаимосвязанных процессов:

1. Отождествление личности с этнической группой и её самоопределение через этническую группу (самоидентификация).

2. Дифференциация собственной и других этнических групп и осознание межэтнических различий (этническая идентификация и межэтническая дифференциация).

3. Осознание отношения к собственной и другим этническим группам.

Для определения ВЭП нами была использована следующая **методика**:

Каждому анонимному респонденту предлагалось лично для себя установить степень социально-психологического принятия представителя соседствующих народов, отдав предпочтение только одному из предлагаемых критериев. Критерии подавались в вербальном выражении. Работа проводилась индивидуально с каждым.

Инструкция респонденту: "Проранжируйте представителей указанной национальности, отмечая степень приемлемости их для себя лично только по одному из семи предложенных ниже критериев. Отвечайте по принципу: для меня лично возможно и желательно в отношении людей данной национальности (указывалось, какой именно) принять его:

- как близкого родственника, заключив с ним брачный союз;
- как личного друга, с которым разделит бы радости и тяготы жизни;
- как соседа по квартире, дому, даче;
- как коллегу по работе, имеющего такую же как у меня профессию;
- как гражданина моей республики со всеми гражданскими правами;
- только как туриста на территории моего проживания;
- предпочел бы не встречаться с ним в моей республике."

Осознавая политическую значимость этого вопроса, было проведено эмпирическое исследование, **цель** которого - установление степени взаимной

толерантности русских, татар и чувашей трех национальностей, наиболее представленных в Татарстане по своей численности. **Предмет** изучения - межэтническая дистанцированность тех же народов Татарстана.

В проведенном исследовании выборка составила в своей генеральной совокупности **846 человек** из разных районов республики Татарстан (в том числе пограничных с соседствующими областями) в возрасте от 20 до 60 лет.

На основании проведенного исследования, полученные эмпирические данные были сгруппированы по признакам социального статуса обследованных (возраст, национальность, социальный статус). Вычисленные значения были представлены в виде векторов, указывающих направление дистанцированности этноса к своему национальному соседу в республике.

При многоосевом анализе результатов обращает на себя внимание очевидный факт взаимопроникновения национальных культур в кругу городской интеллигенции. При этом тенденции к ассимиляции и интеграции сильнее выражены у чувашской интеллигенции. Это численно подтверждает наблюдения этнопсихологов, зафиксированных в национальных характеристиках чувашей, которые *"...отличаются стремлением строить взаимоприемлемые отношения с представителями других народов, заимствовать у них элементы культуры, миропонимания и образа жизни. Они ровны в своем поведении, слабоконфликтны, исполнительны, старательны в выполнении служебных и общественных обязанностей. Для них характерны высокая работоспособность, настойчивость в достижении поставленных целей. Интересы коллектива чувашки обычно ставят выше личных.»* (Крысько В.Г.).

Сельская интеллигенция Татарстана менее склонна к интеграции с соседствующими народами в республике, но тем не менее межэтнические отношения толерантны и не опускаются ниже уровня профессионального взаимодействия по шкале E.S.Vogardus. Более всех дистанцируются татарские интеллигенты села, стремясь сохранить национальную самобытность и культуру.

Для сравнения была взята студенческая выборка, представители которой в ближайшем пятилетнем, будущем пополнят ряды интеллигенции. Схожая картина обнаружилась - у студентов-татар, родившихся и до ранней юности проживших в сельской местности. Уже в юношеском возрасте наблюдается дистанцированность сельских татар от других народов Татарстана. Объяснение выявленному факту может быть найдено в онтогенезе человека, когда он до юношеского возраста проходит несколько этапов социализации.

Кроме того, на основании полученных данных, следует отметить, что ВЭП более рельефно выступает при взаимодействии татар с другими народами республики и сильнее проступает у тружеников села. Сравнивая численные значения их дистанцированности с тем же показателем татарской интеллигенции в селе, нетрудно заметить различия в сторону уменьшения толерантности первых к иным многочисленным народам Татарстана. Следует обратить внимание на то, что между разными возрастными группами различий практически не существует, чего нельзя сказать о рабочих производственной сферы городского населения. Обращает на себя внимание тенденция чувашской диаспоры промышленных городов Татарстана к сокращению межэтнической дистанции до дружеской близости с соседствующими этносами. Этот факт отражает позитивную направленность диаспоры на кросскультурное взаимодействие в полиэтническом пространстве городов. В совместной продуктивной деятельности категория "национальность", как правило, оказывается подчиненной. Ведущими становятся: социальный статус, профессионализм, возраст, личностные качества. В групповом взаимодействии негативные этнические стереотипы не актуализируются. Они откатываются в плоскость межличностных отношений, где может сказаться предубежденность к личности иноэтнического субъекта. Чем она выше, тем сильнее аффективный заряд отрицательного знака, а в поведении чаще встречаются акты дискриминации к члену этнической аутгруппы. Тогда это может проявляться в увеличении разрыва между декларируемыми принципами равенства и

реальным поведением, ограничивающим конкретного субъекта соседствующей этнической общности в его возможностях, правах, привилегиях.

При сравнении того же показателя по возрастным группам населения республики высветилась картина, которая в наблюдениях при межличностном общении не очевидна. Для наглядности межэтническая дистанцированность представлена в виде возрастных срезов полиэтнического состава обследованных. Видно, что старшее поколение, родившееся до и во время Второй мировой войны, не склонно породниться с иноэтничными соседями и взаимодействует с ними только в профессиональном плане. Родившиеся в 60-70-е годы XX столетия (в эпоху социализма) и прошедшие социализацию в многонациональной среде, сокращают дистанцированность до добрососедских отношений. Молодежь, появившаяся на свет в последней четверти ушедшего века, готова войти в отношения с этнофорами из аутгруппы ближе, чем просто дружеские.

Анализируя этническую идентичность современной молодежи РТ, для нас важной является та роль, которая играет моно - и - билингвальная среда, как часть этнокультуры, на формирования этнического самосознания и идентичности. Известно, что существуют определенные психологические особенности, характерные для членов той или иной культуры. Эти особенности касаются в частности, бессознательных комплексов, присущих каждому из членов общества, и сформировавшихся в процессе социализации. Эти бессознательные комплексы влияют как на поведение человека, так и на характер восприятия человеком окружающего его мира. Более того, они требуют себе определенного противовеса, компенсации в рамках той культурной системы, в которых находится человек. Так билингвы - горожане (татары и русские) обнаруживают у себя менее выраженными такие качества как этнонигилизм, этническая индифферентность, этноэгоизм, этноцентризм, чем монолингвы (сельчане). Это объясняется (как у татар так и у русских) культурой социализации, присущей городским жителям. В то же время, национальный фанатизм более всего выражен у монолингвов сельчан (как у

татар так и у русских). Кроме этого, у монолингвов (как сельских, так и городских) этноэгоизм, этнонигилизм, этноизоляционализм менее выражены по сравнению с соответствующей категорией билингвов. Такой разброс в значениях по основным составляющим этнической идентичности объясняется молодежным составом испытуемых, менее всего подверженных устоявшимся консервативным традициям.

Этническая идентичность молодежи свидетельствует о противоречивом ее характере. Это подтверждает тенденцию на невелирование, сближение и проникновение национальных культур и традиций у некоторой части молодежи, особенно социализировавшей в монолингвальной социальной среде. Известно, что в билингвально бикультурной среде заключен и зафиксирован гигантский общечеловеческий опыт. В нем присутствует многообразные соответствующие билингвам способы социализации: это верование, традиции, установки, культурные ценности, предметы искусства, тексты, языковые значения - все это определяет специфику этноидентичности молодежи в моно и билингвальной среде.

Так, анализируя анкеты, мы заметили, что молодежь, даже и не очень знакомая с национальной культурой своего народа, тепло принимает ее. Например, не согласны с утверждением: «я — такой человек, который не отдает предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную» 52% русских, 64% татар и 46,7 % чувашей; лишь 20% русских, 24% татар и 26,7% чувашей оказались на этой позиции, полученные результаты отражают не только собственное мнение человека, но и характеризуют его воспитание и значение для него мнения родителей, что свидетельствует об изначальной толерантности молодежи РТ.

Показательны также в этом плане полученные данные по вопросу необходимости сохранения «чистоты» нации. Оказалось, что на вопрос «Нужно ли пытаться сохранить чистоту нации?» 64% русских, 72% татар 73,3% чувашей ответили утвердительно, причем среди татар процент несогласившихся меньше всего, что, на наш взгляд, свидетельствует о

воспитании, полученном главным образом либо в деревнях, либо от бабушек и дедушек. Особенно высок процент респондентов (48%) среди татар (долгое время проживавших или проживающих в деревнях), не желающих вступать в межнациональные браки и определяющих свою нацию как доминантную в Татарстане, что свидетельствует о противоречивости самосознания, проявлении национального фанатизма, этноэгоизма и этноцентризма. Этноизоляционизм, по их мнению, основывается на любви к своему народу и культуре, а также на стремлении обеспечить безопасность себе и своей семье.

В то же время, несмотря на вышеизложенное, 68% русских, 44% татар и 53,3% чувашей не согласились с утверждением, что межнациональные браки разрушают народ, его культуру и традиции. При беседе они выделили следующие факторы, которые, по их мнению, способствуют формированию более консервативного взгляда на межэтнические отношения: воспитание, интеллигентность, образование, совместные проекты, что не является свидетельством доминирования показателя этноцентризма и этноэгоизма среди молодежи Татарстана.

Однако в Татарстане наряду с ростом позитивной этнической идентичности среди молодежи, как наиболее приемлемой в процессе межэтнического взаимодействия молодых людей, имеет место и гиперидентичность, причем этнонигилизм у респондентов в целом выражен высоко.

В процессе опроса было замечено, что среди молодежи, особенно русской национальности, преобладает малый процент респондентов (28%) стремящихся к этническому доминированию, что говорит о некой индифферентности этой части молодежи и является, на наш взгляд, еще одним доказательством противоречивости этнического самосознания и этнической идентичности.

Молодежь в повседневной жизни не видит потребности говорить о своей национальности и о принадлежности к этнической группе, к тому же она и не очень знакома с традициями, культурой, обычаями своего народа. Это

подтверждает следующий факт: на вопрос «Предпочитаете ли Вы образ жизни только своего народа?» 16 русских ответили «да», 52% «нет», среди татар — 28% «да» и 68% «нет», а среди чувашей — 26,7% согласились и 46,7% не согласились с вопросом. Такой малый процент в каждой выборке согласившихся можно объяснить лишь тем, что, во-первых, недостаточно времени уделяется культурному и этническому воспитанию молодежи в школе, семье, вузах, а во-вторых, многообразие титульных народов, проживающих с давних времен на территории Татарстана и их теснейшее взаимодействие. Это не могли не оставить своего отпечатка в смешении культур и традиций народов.

Эту же особенность развития этнической идентичности молодежи можно пронаблюдать в следующем опросе: на вопрос «Желаете ли Вы ближе узнать культуру, обычаи и традиции другого народа?» 60% русских, 20% татар и 13,3% чувашей ответили отрицательно. На наш взгляд, это связано как с активной работой СМИ и телевидения на русском языке, так и с требованиями современной жизни и ее перспективами.

Несмотря на вышеизложенные особенности развития этнического самосознания, и этнической идентичности титульной части молодежи, в то же время у них существует тенденция связывать себя со своей родиной, ее истоками, традициями, устоями и культурой, обеспечивают ему некоторую стабильность и опору в жизни, т.е. повышают его самооценку и веру в себя, что свидетельствует о толерантности.

В результате многоосевого анализа этнопсихологической приемлемости народов Татарстана, проведенного по национальным, возрастным и социальным признакам, можно сформулировать следующее:

1. На сегодняшний день межэтническая напряженность среди городского населения Татарстана отсутствует. Массовых деформаций этнического самосознания, известных как феномены этнонигилизма ксенофобии, у титульной национальности и соседствующих с ним народов не наблюдается.

2. Среди социальных слоев населения Татарстана этническая самоидентификация как защитный механизм сохранения своей национальной самобытности с тенденцией к этноцентризму проявляется у русских рабочих в городах и у сельских татар, работающих в производительной сфере экономики.

3. Наибольшую склонность к интеграции в межэтнических отношениях проявляет молодежь Татарстана в возрасте до 30 лет. Старшие возрастные группы населения республики (родившиеся в годы Великой отечественной войны и ранее) менее тяготеют к кросскультурному взаимодействию с соседствующими этносами и увеличивают дистанцированность с ними до уровня профессионального сотрудничества с соседями-инородцами.

4. Зафиксированная по состоянию на 2003 год максимальная дистанцированность сельских татар от других народов Татарстана в силу своей устойчивости и межпоколенной преемственности может рассматриваться в качестве потенциального источника межэтнической напряженности при возникновении социально-экономического кризиса, как это произошло осенью 1992 года.

5. Сложившаяся к 2005 году этнопсихологическая ситуация в Республике Татарстан характеризуется как приемлемая для проживания в ней многоликих этнических общностей и народов Среднего Поволжья.

6. Среди сельских жителей межэтническая дистанцированность проявляется ярче, чем среди горожан тех же национальностей. В количественном выражении статистические различия значимы.

7. Наибольшая тенденция к культурной интеграции и ассимиляции с народами Татарстана проявляется у чувашей, а наименьшая - у татар.

8. Чем плотнее коммуникации в деятельности, общении и быту между народами, проживающими на ограниченной территории, тем выше их взаимная этнопсихологическая приемлемость и ассимиляционные тенденции. Образовательный уровень населения на показатель межэтнической дистанцированности не влияет.

9. Этническое самосознание и этническая идентичность характеризуются изначальной толерантностью.

10. У некоторой части молодежи определяется индифферентное отношение к национальной принадлежности.

11. При наличии изначальной толерантности молодежи существуют определенные признаки нежелания молодежи знать историю, культуру, традиции других народов, что свидетельствует о противоречивом характере самосознания периферийной части молодежи Татарстана.

12. В целом опрашиваемая группа молодежи проявила себя как наиболее открытая к интеграции, взаимодействию с другими народами, как обладающая более высоким уровнем толерантности.

По сравнению с другими республиками, в Татарстане складывается благоприятная ситуация для роста и развития позитивной этнической идентичности и этнического самосознания в силу вышеназванных особенностей, и это дает нам возможность прогнозировать и контролировать общую тенденцию этнического самосознания всех народов Татарстана.

§ 2. ИСТОКИ МЕНТАЛИТЕТА НАРОДОВ ТАТАРСТАНА

Основой психоаналитического подхода к анализу глубинных мотивов политической активности масс может явиться модель коллективного бессознательного. Характерной чертой модели современной российской ментальности является четкое расслоение сферы мотивации деятельности людей на два конфликтующих между собой уровня. С одной стороны, россиянин воспроизводит поведенческие шаблоны, привитые ему в детстве в родительской семье. С другой – он вынужденно приспосабливается к резко изменившейся реальности, диктующей подчас прямо противоположные формы адаптационного поведения. Налицо болезненное расслоение психики, типичное для человека переходной эпохи, вынужденного ломать традиционные модели поведения. Отказ от воспроизведения поведенческих стереотипов, основанных на патерналистской схеме родительской семьи, их вытеснение в область личного бессознательного порождает тяжелый невротизированный конфликт.

С психоаналитической точки зрения произошло разрушение репродукции «сверх-я» общества, ответственного за контроль и сохранение сложившейся вековой морали и нравственности. Пришедшие на смену социальные стандарты для среднего и старшего поколений не оказались пропущенными через культуру их детства, а потому воспринимаются ими как навязанные и чужеродные. Здесь следует всмотреться в исторические корни формирования российского менталитета.

1. На протяжении веков границы российского государства были географически размыты на юг от Киева и восток от Москвы, нося условный характер. Они постоянно расширялись, поглощали просторы Евразийского континента с населявшими его народами Кавказа, Поволжья, Урала, Центральной Азии, Сибири. Гигантское геофизическое пространство позволяло экстенсивно и расточительно использовать ресурсы, по истощении которых

* Перепечатывается из «Вестника Казанского государственного педагогического университета», 2003. - № 1. – с.124-131.

происходило переселение на новые, еще не основанные земли. Это обстоятельство не стимулировало развития капитализма с его машинным производством, интенсивным использованием природных богатств, совершенствованием технологий их добычи и переработки.

Стремясь сохранить вековую вольницу (но не свободу), представители славянского этноса, перемещаясь на восток, дошли до Форт-Росса в Калифорнии. Развитие шло не столько по пути цивилизации с ее разрушающей природу моралью, сколько по пути сохранения культуры с ее нравственностью, опирающуюся на заповеди толерантного к другим конфессиям православия. При этом поглощение других этносов, населяющих Евроазиатский континент, качественно отличалось от притязаний европейских народов на занятые территории. Места хватало всем, и стратегия «огня и меча» трансформировалась в более лояльные формы сохранения относительных автономий в местах компактного проживания народов. Отсутствие коммуникаций не позволяло устанавливать жесткий централизованный контроль за ходом общественной жизни, а поставленные наместники следили лишь за своевременной и полной выплатой дани верховной власти. Это ассимилировало ментальность оседлых национальных меньшинств с ментальностью кочевника, не тяготеющего к обустройству своего временного пристанища. Россиянин веками как бы жил на колесах в состоянии перманентной передислокации: от подходов князя Олега к воротам Царьграда через освоение Сибири казаками Ермака до строительства БАМа в советское время. Отсюда, в отличие от переселенцев Северной Америки или Австралии, сложилось эксклюзивное российское отношение к экологии «пройденных» территорий с его бесхозяйственностью и расточительством.

2. Насаждение православия, если и носило принудительный характер, не приобретало черты истребительных войн, приводивших на других континентах Земли к уничтожению целых народов. В этом свете следы великодержавной политики, проводимой Россией с XVI в.? остались и поныне в виде мирно сосуществующих конфессий у народов Поволжья, Забайкалья, Казахстана.

Например, принудительная русификация тюркоязычных народов между Волгой и Уралом с присвоением им православных имен и фамилий не привела к уничтожению ислама. Немалая часть народа мира в конце XX столетия остается язычниками. Мигрировавшие из Европы в реформаторскую эпоху Петра I немцы, несмотря на разрушительную антирелигиозную политику большевизма, сумели охранить свое лютеранское вероисповедание. Все это не могло не наложить отпечаток на идею аморфного славянского единства, дававшую всплески только в критические периоды всеобщей опасности (формирование ополчений К.Минина и Д.Пожарского, отечественных войн 1812 г. и 1941-45 гг.). Этническая и религиозная неоднородность Среднего Поволжья привела к взаимопроникновению культур, ныне комплементарно сочетающихся в языках, именах, обрядах, нравах, обычаях. Родовые корни сплелись в тугой узел. В регионе уже трудно найти чисто русскую или чисто национальную семью. Отсюда берет начало специфическая черта ментальности, которая может быть характеризован как ригидно-толерантная в отношении инородцев и инноваций. Именно поэтому массовая эвакуация разноязычных народов из Белоруссии, Прибалтики и центральной России в 1941-42 гг. и переселение смешанных семей беженцев из Средней Азии и Северного Кавказа в 1992-94 гг. не была воспринята титульными национальностями Поволжья как угроза их национальной рафинированности, как покушение на сложившуюся веками эклектическую культуру.

3. Народам России присущ общинный уклад жизни. Он складывается как необходимая форма выживания в суровых климатических условиях Евразии. В то время, когда в Европе развивался капитализм, в крестьянской России продолжал преобладать ручной труд. Поэтому хуторское хозяйство не получило распространения. Приходилось работать экстенсивно с привлечением больших масс людей: всем миром строили избу молодоженам и погорельцам, всем миром, а не семьей осваивали новые земли, на деревенских сходах всем миром решали не только общинные, но и лично-семейные проблемы. Жизнь проходила у всех на виду. Утаить доходы, сколотить солидный капитал для

открытия своего крупного бизнеса в условиях крестьянской России было просто невозможно. Община немедленно требовала своей доли, пропорционально числу едоков.

Самые гипертрофированные формы принцип общинности приобрел в коммунах, которые не были изобретением большевиков, а уходили корнями в вековую экономическую отсталость России. С развитием капитализма он перекочевал в промышленные центры, оставив потомкам наследие в виде рабочих, а впоследствии студенческих общежитий, детских садов, пионерских лагерей, коммунальных квартир, субботников и воскресников. Не только реализация, но даже сама идея общинности с ее неизбежным атрибутами народам перенаселенной Европы не могла прийти в голову, ибо скученность требует четкого размежевания не только жизненного пространства, но и сохранения интимности в духовной жизни. Иллюстрацией тому могут служить интерьеры католических и лютеранских кирх, где прихожане во время службы находятся в символически ограниченных пространствах, разделенных партами, чего нет ни в православной церкви, ни в мусульманской мечети.

Специфика российской государственности состояла в ее опоре на идеологию: вначале на религию, а впоследствии на утопические идеи коммунизма. В этих условиях для общины маскулинная власть стала приемлемой для феминной ментальности россиян, архетипично сохранившейся по сей день. Народ всегда ждал и надеялся на справедливую власть символического отца: «Вот приедет барин (но не барыня!), барин нас рассудит». В этом афоризме народа закреплены корни российского домостроя, недифференцированного различиями обосновавшихся в стране религий.

В мусульманских семьях российских народов власть мужского начала очерчена даже более рельефно, чем в православных общинах. Непререкаемость мужского авторитета находится в иерархической подчиненности: аксакал-отец-муж-абый (старший брат). Попытки низвергнуть вековые традиции и ликвидировать архетипы личности в государственных переговорах 1917 и 1991 гг., т.е. совершить, выражаясь психоаналитическим языком, символическое

отцеубийство, к успеху не привели. Даже напротив, эти акции реактивно усилили притяжение народов к религии в поиске символического отца-защитника. Лишившись аксакала (царя, генерального секретаря, президента), российская провинция невротично восстановила нанесенный ей духовный ущерб замещением его оставшимися старшими братьями общины – бывшими секретарями областных или городских комитетов КПСС. Образовавшийся вакуум деидеологизации тотчас восполнила воспрянувшая религия, которая способствовала регрессии коллективного бессознательного народов к традиционно патерналистской схеме российского государственного устройства.

4. Специфический для российской ментальности фактор представляет пролетаризация культуры, образования, управления, начавшаяся после октябрьского переворота 1917 года. Свертывание НЭПа к 1927-1928 гг. последовавшей монополизацией экономической и политической власти привело к ликвидации наиболее предприимчивой части населения страны. Одновременно с этим была уничтожена прогрессивная часть потомственной интеллигенции – мозг нации. Приток во все сферы жизни крестьянской и люмпен – пролетарской массы, неспособной ввиду нарушенной преемственности поколений к ассимиляции культурных традиций, коренным образом изменил моральные и нравственные стандарты общества. Осколки пролеткультовского наследия в виде «шедевров» архитектуры, монументального искусства и бестселлеров литературы еще долго будут определять ментальность россиян.

5. Начиная с эпохи Ивана IV и особенно государственных реформ Петра I, российская ментальность формировалась под влиянием имперского мифа – социально-идеологического образования, поддерживающего идею метанационального коллективного бессознательного Имперский миф имеет свои особенности:

а) создает ситуацию искусственного сиротства ввиду принудительной социализации человека вне его семьи, поскольку отцы и матери находятся на обязательной государственной службе; ситуация пролонгируется по цепи; ясли

– детский сад – школьная «продленка» - пионерский лагерь – студенческое или рабочее общежитие – служба в армии; это возвращает архетип личности, неспособной идентифицироваться с родителем своего пола, и в порядке компенсации ищущей своего символического Отца; возвращает личность с неосознаваемой установкой пожертвовать жизнью ради имперской идеи (примером могут служить канонизированные имена Ивана Сусанина в опере М.И.Глинки «Жизнь за царя», Александра Матросова, Зои Космодемьянской, молодогвардейцев Краснодона и т.д.);)

б) имперский миф выстраивает футурологическую модель, обещающую всеобщее благоденствие в необозримом будущем, а в настоящем требующую от отдельного человека терпения и жертвенности. Имперский миф реализовался именно в России с ее православием, в котором идея смиренности (Христос терпел и нам велел) как нельзя лучше легла на исламские каноны (в переводе с арабского «ислам» буквально означает покорность), культивирующие раболепское отношение клана к его главе;

в) идеологические притязания имперского мифа носят глобальный характер, чего бы они не касались, что определяет сконцентрированность любых форм индивидуальной мотивации на достижение общей цели и выводят личность изпод влияния семейных, профессиональных и национальных ограничений (чего стоила идея мировой революции, идея строительства мирового социализма, дорогостоящее соперничество двух супердержав XX века за право быть первыми на Луне, старшее и среднее поколения соотечественников отлично помнят);

г) имперский миф создает условия для негативного переживания человеком эдипова комплекса в атмосфере материнской депривации, что, с одной стороны, порождает невиданную сублимационную активность энергии либидо (численность творческой и научной интеллигенции, число научных открытий и изобретений выросли неизмеримо именно в годы советской власти в сравнении с предшествующими историческими периодами), а, с другой, - порождает у личности серьезные проблемы в семейной и сексуальной жизни

(число пациентов, анонимно обращающихся в службы семьи и брака, а также к сексопатологам, несоизмеримо больше, чем это представляется на непросвещенный взгляд).

Веками культивировавшийся имперский миф вошел в глубинные слои коллективного бессознательного, защищая народы Среднего Поволжья от невротической тревожности, вызываемой обычно взаимно групповой конфронтационной дихотомией «мы – они», и превратился в их alter-ego. Он нашел себе благоприятную почву в регионе потому, что ни один из населяющих народов не сложил своего родового мифа. Все гипотезы о происхождении того или другого этноса, как впрочем и русского, не имеют веских, археологически подтверждаемых фактов. В силу этих причин попытки создать на протяжении новейшей истории национальные мифы увязали в топях безвестности.

Распад любой империи историческая всегда приводит к возникновению на ее территории ряда национально ориентированных образований с соответствующей национально окрашенной идеологией (мифом), естественно сменяющей миф имперский. Отличительными чертами национального мифа являются:

а) приоритет интересов социальной прослойки, объединенной единой территорией, языком, историческими традициями, перед любыми другими групповыми интересами;

б) стабильность элиты общества* с ориентацией на патерналистскую модель властвования;

в) сформированные устойчивые модели родовой (национальной) идентификации личности путем воспитания в семье, а не вне семьи;

г) психологическое освоение собственной территории через эмоционально

* Элита – совокупность конкретных личностей-творцов, призванных ценностно атрибутировать, адаптировать этнос, придавая ему свой культурно-этнический образ; элита всегда национальна, связана с обществом, а при распаде государства оказывается не у дел, идеи оказываются невостребованными, а ее представители подвергаются респрессиям;

окрашенное восприятие национальных традиций.

В быстротечный период «распада суверенитетов», явившегося следствием истощения имперской идеи**, попытки националистов (плебс, получивший гуманитарное образование в первом поколении) создать национальный миф встретили в регионе Поволжья организованный отпор со стороны властных структур и бессознательное отторжение со стороны межнациональных семей и метанационального истеблишмента. Образ врага, обязательный для консолидации неоднородных масс в кризисной ситуации [1], был смещен с внешнего на внутренний (на националистически ориентированное меньшинство), олицетворяющий собой источник деструктивности (в последующем военные события на территории Северного Кавказа, начавшиеся в августе 1999 года, подтвердили высказанные З.Фрейдом положения теории коллективного бессознательного). В Татарстане принятые властными структурами превентивные меры пробудили комплекс вины за низверженного Отца и породили потребность во взаимоидентификации на почве иллюзии равенства и братства. В идеологическом плане стал педалировать девиз «Народы Татарстана навеки вместе», прочно закрепившийся на хорошо обозримых транспортных магистралях. Истощившийся было социалистический миф коминтерновского проекта бальзамом лег на коллективное бессознательное этнически неоднородного населения республики, столетиями ориентированного на патерналистскую схему государственного устройства.

** Период существования имперского мифа, основанного на футурологическом прогнозе (мировая революция, победа коммунизма во всем мире и т.д.), ограничивается временем социальной активности не более, чем трех поколений, т.е. 70-75 годами; первое поколение, одурманенное иллюзиями, не может от них отказаться даже в старости, ибо это означало бы потерю смысла уже прожитой жизни; второе поколение психологический дискомфорт в служении неприняемой им идее и отреагирует невротическую тревожность диссидентским движением; третье поколение в своем социально зрелом возрасте отторгает имперский миф как недостижимый в реализации. Так произошло с коммунистическим движением на территории СССР в течение XX столетия. Идеологическое истощение государства закономерно вызвало потребность заполнения образовавшегося вакуума. Не случайно в августе 1996г. президент России поставил перед идеологическими службами страны задачу разработки новой общенациональной идеи, а его преемник в январе 2000г. утвердил новую военную доктрину державы, включающую 12 внешних и 6 внутренних потенциальных угроз для государства (образ врага).

В мировой истории известны два хорошо зарекомендовавших себя способа сохранения социальной стабильности в условиях кризиса империи: популяризация демократического мифа, оберегающая имперски воспитанную личность от шока при национальной переориентации общества; второй – авторитарная модель властвования с институтом президентства.

Сегодня мы являемся свидетелями разложения имперского мифа, которое неизбежно должно было произойти по причинам провала футурологического прогноза, потери привлекательности своей для третьего и четвертого поколений сограждан, родившихся в советский период и экономического истощения политико-территориальной экспансии.

Таким образом, в беглом описании коллективного бессознательного российской провинции на сегодняшний день можно выделить характерные признаки сложившегося менталитета:

- ориентация на патерналистскую схему государственного устройства с поиском персонифицированного «отца-защитника»;
- ригидно-толерантное отношение к взаимопроникновению культур и настороженность к инновациям, внешне выражающееся;
- инертность населения, в действительности являющаяся бессознательной потребностью в социальной стабильности;
- доминирование общинного начала над индивидуальным;
- чувство уверенности в могуществе и исходной правоте массы;
- склонность к уравниловке и ненависть к богатству;
- подавленная потребность в личных достижениях, компенсаторно провоцирующая завистливую неприязнь к личности, проявляющей инициативу.

С психоаналитических позиций демократический миф – вынужденная самоорганизация общества, лишившегося своей элиты, - это состояние коллективного невроза, демпфирующего индивидуальный невроз личности. Демократия – это инфантильный, регрессивный тип поведения невротизированных народных масс, выражающий младенческие стереотипы

сращенности с миром и другими людьми. Она может предстать как социальное заболевание по следующим признакам:

а) разрушается сложившийся принцип социальной стратификации общества, размывается правящая элита, нарушается естественно воспроизводящаяся статусная субординированность;

б) происходит массовая невротизация общества, теряется уверенность в завтрашнем дне, уверенность в своей личной безопасности;

в) на основе возрождающейся частной собственности происходит сепарирование личности от социума, провоцируется страх ближнего своего (число появившихся с началом «демократизации» зарешеченных окон, бронированных дверей, глухих заборов, ограждающих фешенебельные особняки, поражает самое буйное воображение);

г) в экстремальном течении эта социальная болезнь приводит к разложению государственности, получившем в России обозначение «беспредела», когда путем голосования избирают командиров в армии (так было в 1917 г.), самосудом определяют виновность или невинность преступника с последующими публичными казнями (так было в Чечне в 1996 г.).

При запущенности этой социальной болезни перечень ее симптомов резко возрастает, а ее протекание может закончиться летальным исходом (распадом государства). В период вспышки российской «демократии» патологическое развитие болезни было в Татарстане локализовано вмешательством скорой помощи:

а) не произошла ротация сложившейся в коммунистическую эпоху элиты, в первую очередь, партийной; президентом Татарстана стал бывший первый секретарь ОК КПСС, а мэром города – председатель горисполкома (то же самое случилось в отпавших от СССР союзных республиках);

б) харизматический окрас республиканского Отца-Президента не только не померк, но и получил еще больший контраст на фоне традиционно феминной

российской ментальности, всегда востребовавшей твердую маскулинную власть;

в) все институты государства (правоохранительные органы, служба безопасности, образование) сохранили контроль за политической жизнью и, более того, усилили свое воздействие на ультрапредприимчивую часть жителей в период «демократизации»;

г) разгул российской приватизации в республике был остановлен и ограничен предприятиями торговли, местной промышленности, жилища; к аграрным инновациям применены административно-экономические «контрацептивы»; класс мелких собственников родился малочисленным, недоношенным и хилым.

С позиций теории бессознательного институт президентства должен неизбежно возникнуть на стадии краха имперской идеи в силу востребования массой, испытывающей комплекс вины за «грех отцеубийства». Появление института президентской власти – это востребованность массой национального мифа, персонифицированного в общенациональном лидере-отце: национально организованное общество нуждается кроме идентификации с горизонтальными структурами (семейными, территориальными, религиозными, профессиональными и пр.) и в идентификации с вершиной власти по вертикали. От демократического президента общенациональный лидер отличается основанной на харизме несменяемостью, что практически подтвердилось в марте 1996 г. случаем безальтернативного избрания президента Республики Татарстан на второй срок.

Президент в условиях становления национальной государственности – это лицо, берущее на себя общую вину за «грех отцеубийства» и создающее психологическое пространство для трансформации коллективного бессознательного в сторону созидания естественных для человека горизонтальных форм групповой идентификации и подавляющее имперскую тягу к жертвенности во имя глобальных сверхидей. В этой ипостаси он исполняет несколько ролей:

а) роль спасителя нации, которая размывалась в условиях имперского существования;

б) подобно государственному гербу, флагу и гимну играет роль символа в психологической модели рационального властвования;

в) роль старшего брата-бунтаря в семейном клане, демонстративно противостоящего постимперскому центру и отстаивающего права субъекта федерации на самостоятельное использование своих доходов;

г) роль отца-лидера, любящего всех членов семейного клана отеческой любовью и не допускающего никаких сепаратистских поползновений на собственную власть.

С учетом социально-политических реалий, сложившихся в Татарстане к 2002 году, можно констатировать, что институт президентства – необходимый атрибут государственности. Наличие Первого лица, в каком бы качестве оно не выступало (Генеральный секретарь, Верховный главнокомандующий, Президент, Папа римский, наконец), консолидирует массу, коллективное бессознательное которой невротично отреагирует на нем свою амбивалентность (любовь и ненависть) и предохраняет массу от распада (трансформации в агрессивную толпу с деструктивной направленностью).

Все рассмотренные механизмы и феномены функционирования коллективного бессознательного принадлежат к общебиологическим и общесоциальным, а следовательно, могут использоваться для достижения любых целей. Чем невротизированнее масса, на которую проецируются эти законы, тем легче их реализация.

Литература

[1] Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Я и Оно. Тбилиси. 1991.

§ 3. ЭТНОКУЛЬТУРАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ И САМОРЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

Развитие и усложнение жизни человеческого общества, взаимопроникновение культур, традиций и стилей жизни, приводящие к лучшему пониманию национальных особенностей народов, с одной стороны, этнические конфликты и споры, с другой, ставят вопросы о наличии этнической специфики в содержании обыденного сознания. «...Психология сталкивается с феноменами, корнящимися не в индивидуальном сознании, а в сознании народа, ... существует нечто кроме индивидуального сознания, характеризующее психологию группы, и индивидуальное сознание в определенной степени задастся ею» [1, с. 33]. Это, прежде всего, относится к «значениям» - стереотипам, в которых закреплены типичные для данной этнической группы «понятия», «знания», «умения», «нормы поведения» и др. Люди не просто обмениваются значениями, а стремятся при этом выработать общий смысл.

Важное место в системе стереотипов-значений занимают представления человека об окружающей его действительности, о себе самом, о своих отношениях с этой действительностью. Также и полноценное овладение другим языком как средством общения не только включает усвоение определенного запаса слов и грамматических правил, но и предусматривает знание этикета, мимики, жестов, манеры поведения и даже того, как следует одеваться по случаю того или иного события. Эти навыки перенимаются при живом человеческом общении путем погружения в иную языковую культуру.

Кроме этого человеческое восприятие и осознание мира несет в себе тот общественный опыт, который присущ той или иной культуре. Многообразие языков, следовательно, ведет к множественности картин мира, характеризующих национальные культуры. «Различные языки - это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» - говорил Гумбольдт [3]. Об этом же писал и Э.Фромм: «Изучая реакции какой-либо социальной группы мы имеем дело со структурой личности членов этой

группы, т.е. отдельных людей; однако при этом нас интересует не те индивидуальные особенности, которые отличают этих людей друг от друга, а те общие особенности личности, которые характеризуют большинство членов данной группы» [5, с.24].

С другой стороны, по образу мира, понимаемому как наиболее общая структура, в рамках которой обобщаются отдельные процессы восприятия, памяти и мышления, представляется возможность индивидуальной психодиагностики, реализуемой психосемантикой. «Система образов и понятий, в которых обобщен опыт познания людей и выражены требования к их облику и поведению, складывается в основном под влиянием общества, членом которого он является, и вместе с тем несет на себе печать того неповторимого пути, который прошел человек как личность». [2 , с. 94]. Понимание поступка и высказывания человека другой культуры выходит за рамки чисто вербального или даже «поведенческого» текста и требует широкого рассмотрения представлений, ценностей и стереотипов обыденного житейского сознания, присущих человеку этой культуры.

В психосемантическом подходе личность рассматривается не как набор объективных характеристик, получаемых с помощью диагностических показателей, а как носитель определенной картины мира, индивидуальных значений и смыслов. Представление о модели мира, присущее обыденному сознанию людей, принадлежащих к тому или иному этносу, дают возможность анализировать все то, что относится к значениям, фиксирующим типичные для данного народа понятия, знания, умения и т.д.

В данном исследовании рассматриваются семантические пространства психических состояний лиц, проживающих на разных территориях (немцы, турки, французы, русские) и исторически длительное время, проживающих на одной территории (русские и татары). В исследовании принимали участие специалисты-переводчики данных языков.

Семантические пространства психических состояний лиц, проживающих на разных территориях (немцы, турки, французы, русские).

Основным экспериментальным приёмом являлся ассоциативный метод. В качестве слов-стимулов были предложены 15 состояний: *радость, депрессия, страх, раздумье, озарение, вдохновение, лень, решимость, собранность, симпатия, ненависть, сочувствие, утомление, спокойствие, бодрость.*

Исследование проводилось среди представителей разных национальностей: (турок, немцев, французов и русских), разного возраста, пола, образовательного уровня и профессии. В эксперименте приняли участие 50 человек: 15 турок, 10 немцев, 10 французов и 15 русских. На основе ассоциаций строились поля частотного распределения ассоциантов (слов-реакций) на каждое слово стимул. Мерой семантической близости (расстояния) являлось число одинаковых ассоциаций. Наиболее значимые (встречающиеся у большинства) ответы были отнесены к ядру или к околоядерному поясу, а единичные - к периферии семантического пространства. Таким образом, семантическое пространство каждого состояния делилось на несколько поясов (слоёв), уровень плотности которых постепенно снижался от центра к периферии семантического поля.

Рассмотрим полученные результаты. В табл. 1. представлены описания семантических пространств состояний турок, немцев и русских.

Таблица 1.

Количественные и качественные характеристики значений, входящих в семантические пространства психических состояний турок

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Представленность псих. процессов в семант. пр-ве	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	1,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Эмоциональный компонент	16	9	11	-	-	7	-	-	-	14	15	11	4	-	4
	30,2	31	39,2	-	-	28	-	-	-	60,9	71,4	50	14,8	-	14,8
Поведенческий компонент	3	5	-	1	-	-	13	-	-	2	-	-	1	-	2
	5,7	17,2	-	5,1	-	-	52	-	-	8,7	-	-	3,7	-	7,4
Интеллектуальный компонент	1	3	-	17	18	4	-	4	3	3	-	4	-	-	-
	1,9	10,3	-	85	100	16	-	18,2	12,5	13	-	18,2	-	-	-
Волевой компонент	6	1	1	-	-	-	2	14	19	-	-	-	-	-	-
	11,3	3,4	3,6	-	-	-	8	63,6	79,1	-	-	-	-	-	-

Продолжение таблицы

Мотивационный компонент	6	2	-	-	-	6	5	-	-	1	-	-	1	-	2
	11,3	6,9	-	-	-	24	20	-	-	4,3	-	-	3,7	-	7,4
Ситуативный компонент	13	6	5	2	-	6	5	4	2	3	6	6	3	7	3
	24,5	20,7	17,9	10	-	24	20	18,2	8,3	13,6	28,6	27,3	11,1	36,8	11,1
Физиологический компонент	7	3	11	-	-	2	-	-	-	-	-	1	18	12	16
	13,2	10,3	39,3	-	-	8	--	-	-	-	-	4,5	66,7	63,2	59,3
Количество ядерных образований	-	-	-	8	8	-	-	7	-	-	7	-	9	8	-
	-	-	-	53,3	53,3	-	-	46,7	-	-	46,7	-	60	53,3	-
Количество ядерных и/или окооядерных образований	18	10	13	14	14	10	12	10	13	14	15	12	19	13	15
	34	34,5	46,4	70	77,8	40	48	45,5	54,2	60,9	71,4	54,5	70,4	68,4	55,6
Периферия	35	19	15	6	4	15	13	12	11	9	6	10	8	6	12
	66	65,6	53,6	30	22,2	60	52	54,6	45,8	39,1	28,6	45,5	29,6	31,6	44,4
Суммарные данные по состоянию	53	29	28	20	18	25	25	22	24	23	21	22	27	19	27

Условные обозначения. По горизонтали: 1-радость; 2- депрессия; 3-страх; 4-раздумье; 5-озарение; 6-вдохновение; 7-лень; 8-решимость; 9-собранный; 10-симпатия; 11-ненависть; 12-сочувствие; 13-утомление; 14-спокойствие; 15-бодрость.

По вертикали: психологические компоненты.

В числителе: количество высказываний.

В знаменателе: процент высказываний.

Таблица 2

Количественные и качественные характеристики значений, входящих в семантические пространства психических состояний немцев

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Представленность псих. процессов в семант. пр - ве	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Эмоциональный компонент	11	12	4	-	1	-	-	-	-	7	17	9	3	4	1
	17,2	30	7,8	-	4	-	-	-	-	28	41,5	28,1	7	13,3	3,1
Поведенческий компонент	5	2	3	-	-	-	2	-	-	2	1	8	-	1	7
	7,8	5	5,9	-	-	-	7,1	-	-	8	2,4	25	-	3,3	21,9
Интеллектуальный компонент	3	5	2	12	12	9	-	8	4	-	1	2	3	3	1
	4,7	12,5	3,9	35,3	48	36	-	30,8	17,4	-	2,4	6,3	7	10	3,1
Волевой компонент	-	-	2	1	1	-	-	8	7	-	-	-	-	-	-
	-	-	3,9	2,9	4	-	-	30,8	30,4	-	-	-	-	-	-
Мотивационный компонент	-	2	-	-	-	3	14	-	-	-	1	-	1	1	2
	-	5	-	-	-	12	50	-	-	-	2,4	-	2,3	3,3	6,3
Ситуативный компонент	41	16	36	18	10	9	8	10	10	16	21	12	18	9	11
	64	40	70,6	52,9	40	36	28,6	38,5	43,5	64	51,2	37,5	41,9	30	34,3

Продолжение таблицы

Физиологический компонент	4	3	4	3	1	4	4	-	2	-	-	1	18	12	10
	6,3	7,5	7,8	8,8	4	16	14,3	-	8,7	-	-	3,7	41,9	40	31,3
Количество ядерных образований	-	-	6	-	-	-	6	-	-	-	-	5	5	-	-
	-	-	60	-	-	-	60	-	-	-	-	50	50	-	-
Количество ядерных и/или окооядерных образований	36	21	21	11	6	15	13	10	10	8	18	12	26	12	17
	56,2	52,5	41,2	32,4	24	60	46,4	38,5	43,5	32	43,9	37,5	60,5	40	53,1
Периферия	28	19	30	23	19	10	15	16	13	17	23	20	17	18	15
	43,8	47,5	58,8	67,6	76	40	53,6	61,5	56,5	68	56,1	62,5	39,5	60	46,9
Суммарные данные по состоянию	64	40	51	34	25	25	28	26	23	25	41	32	43	30	32

Условные обозначения.

По горизонтали: 1-радость; 2- депрессия; 3-страх; 4-раздумье; 5-озарение; 6-вдохновение; 7-лень; 8-решимость; 9-собранный; 10-симпатия; 11-ненависть; 12-сочувствие; 13-утомление; 14-спокойствие; 15-бодрость.

По вертикали: психологические компоненты.

В числителе: количество высказываний.

В знаменателе: процент высказываний.

Таблица 3.

Количественные и качественные характеристики значений, входящих в семантические пространства психических состояний русских

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Представленность псих. процессов в семант. пр-ве	1	8	3	-	8	2	4	2	4	1	2	-	-	1	1
	1,2	7,5	3,2	-	11,9	2,4	4,6	2,9	6,5	1,2	2,5	-	-	1,5	1,4
Эмоциональный компонент	17	29	11	2	17	22	17	7	3	33	25	22	3	16	21
	19,8	27,4	11,7	3,5	25,4	26,2	19,5	10,3	4,8	40,2	30,9	30,1	3,8	23,9	28,4
Поведенческий компонент	4	7	6	-	7	5	14	10	9	7	8	12	5	7	5
	4,7	6,6	6,4	-	10,4	6	16,1	14,7	14,5	8,5	9,9	16,4	6,3	10,4	6,8
Интеллектуальный компонент	1	8	8	24	20	14	2	14	10	7	3	6	4	10	1
	1,2	7,5	8,5	42,1	29,9	16,7	2,3	20,6	16,1	8,5	3,7	8,2	5,1	14,9	1,4
Волевой компонент	1	1	10	6	-	-	11	15	19	-	3	2	1	1	3
	1,2	0,9	10,6	10,5	-	-	12,6	22,1	30,6	-	3,7	2,7	1,3	1,5	4,1
Мотивационный компонент	17	15	6	4	4	13	15	1	1	10	21	18	22	4	13
	19,8	14,2	6,4	7	6	15,5	17,2	1,5	1,6	12,2	25,9	24,7	27,8	6	17,6
Ситуативный компонент	28	19	24	7	6	12	6	9	9	21	9	9	14	15	10
	32,6	17,9	25,5	12,3	9	14,3	6,9	13,2	14,5	25,6	11,1	12,3	17,7	22,4	13,5
Физиологический компонент	17	19	26	14	5	16	18	10	7	3	10	4	30	13	20
	19,8	17,9	27,7	24,6	7,5	19	20,7	14,7	11,3	3,7	12,3	5,5	38	19,4	27

Продолжение таблицы

Количество ядерных образований	-	-	-	-	8	-	9	-	-	-	-	9	9	-	7
	-	-	-	-	53,3	-	60	-	-	-	-	60	60	-	46,7
Количество ядерных и/или околоядерных образований	40	54	30	24	41	44	42	22	23	49	46	45	48	28	47
	46,5	51	31,9	42,1	61,2	52,4	48,3	32,4	37,1	59,8	56,8	61,6	60,8	41,2	63,5
Периферия	46	52	64	33	26	40	45	46	39	33	35	28	31	39	27
	53,5	49	68,1	57,9	38,8	47,6	51,7	67,6	62,9	40,2	43,2	38,4	39,2	58,2	36,5
Суммарные данные по состоянию	86	106	94	57	67	84	87	68	62	82	81	73	79	67	74

Условные обозначения.

По горизонтали: 1-радость; 2- депрессия; 3-страх; 4-раздумье; 5-озарение; 6-вдохновение; 7-лень; 8-решимость; 9-собранный; 10-симпатия; 11-ненависть; 12-сочувствие; 13-утомление; 14-спокойствие; 15-бодрость.

По вертикали: психологические компоненты.

В числителе: количество высказываний.

В знаменателе: процент высказываний.

Как следует из результатов, представленных в табл. объем семантических пространств русских и турок больше (особенно, у русских), чем у немцев – семантические пространства психических состояний турок и русских состоят из трёх околоядерных поясов, а семантические пространства немцев и французов – только из двух. Наличие ядра наблюдается не во всех семантических пространствах. Ядро, формирующееся из наибольшего числа повторяющихся значений, турок и русских обладает плотностью 9 – 7, у немцев 6 – 5, у французов – 3 – 4. У русских выраженным ядром обладают состояния *озарения и лени/лености*; у турок: *раздумья, озарения, решимости, ненависти, утомления и спокойствия*; у немцев: *страха, лени/лености, сочувствия и утомления*, у французов: *утомления, спокойствия, бодрости*.

В своих высказываниях русские более эмоциональны, чем турки, французы и немцы. Последние более кратки и сдержаны в своих высказываниях. Русские отличаются богатым воображением и разнообразием

форм ощущений, представлений и др., которые проявляются как характеристики психических процессов в семантических пространствах состояний. При описании психических состояний русские дали очень большое количество высказываний. Семантические пространства турок отличаются низкими количественными показателями, а для семантических пространств немцев характерны средние и низкие показатели.

Семантические пространства русских богаче в содержательном плане, насыщеннее. Они более полно и развернуто описывают свои переживания, чувства и проявления. Семантические пространства русских практически всегда включают в себя характеристики физиологических составляющих. Интересной особенностью описаний семантических пространств русских является равномерное количество оперантов в секторах пространства состояний: психических процессах, переживаний, поведения и физиологической реактивности. Иная картина характерна для немцев, французов и турок, где большая часть семантического пространства может быть обусловлена какой-то отдельной стороной психического. Например, у немцев 50% семантического пространства состояния *лени* «занято» мотивационными составляющими, 64% семантического пространства состояния *радости*, а также 70.6% состояния *страха* занимает ситуативный компонент. У турок 85% семантического пространства состояния *раздумья* занято интеллектуальными составляющими, 100% пространства состояния *озарения* также занято интеллектуальными составляющими, семантические пространства состояний *решимости* и *собранности* на 63.6 и 79.1%, соответственно заняты волевыми оперантами, а состояния *симпатии*, *ненависти* и *сочувствия* преимущественно состоят из эмоциональных оперантов (60,9%, 71.4% и 50%, соответственно). Подобная зависимость характерна и для психофизиологических (функциональных) состояний – *утомления*, *спокойствия*, *бодрости*. У французов 60% состояния бодрости «заняты» физиологическими составляющими, 70% семантического пространства состояния *утомления* представляют собой мотивационные

характеристики. Результаты показывают, что семантические пространства состояний русских многокомпонентны, характеризуются равномерной распределенностью психологических оперантов, тогда как у немцев, французов и турок семантические пространства часто неравномерны и акцентированы какой-либо одной психологической составляющей. В целом, семантические пространства психических состояний турок представлены менее разнообразно в содержательном плане.

Представители немецкой национальности во всех описаниях дают очень большое количество ситуативных высказываний и ассоциаций, подчеркивая либо причины возникновения состояния, либо конкретную ситуацию его переживания. У русских наблюдается во многих семантических пространствах большое количество физиологических проявлений, возникающих при переживании состояний, у французов – мотивационных и физиологических.

Выявлена идентичность в высказываниях между испытуемыми национальных групп, однако чаще высказывания совпадают между какими-либо двумя группами, причём замечено, что совпадаемость характеристик турок и немцев меньше, чем турков и русских, русских и немцев. Наиболее часто совпадают семантические пространства состояний *раздумья, утомления, ненависти, озарения и др.* Отдельно можно отметить довольно высокий уровень совпадения семантических пространств состояний французов и русских, особенно состояний *депрессии, лени, утомления, раздумья, бодрости, страха, радости*, т.е. это неравновесные состояния низкого и высокого уровня психической активности. При этом русские, в отличие от французов, переживают данные состояния более остро, интенсивнее. Различия в семантических пространствах состояний французов и русских характерны для относительно равновесных состояний (*спокойствие, симпатия* и др.), где французы демонстрируют большую эмоциональность, интенсивность проявлений состояний.

В качестве примера рассмотрим семантические пространства состояний *раздумья и утомления*. Состояние раздумья, описанное турками,

характеризуется наличием ядра высокой плотности – 53,3 % испытуемых ответили, что *раздумье* – это «мысли». В околоядерных поясах семантического пространства *раздумья* отмечено интеллектуальное определение – «размышление». У турок так ответили 13,3 % испытуемых, у немцев – 20 %, у русских – также 20 %. У французов *раздумье* представлено концентрацией внимания «я сконцентрирован», «я не замечаю ничего, что происходит вокруг меня» и интеллектуальной деятельностью «я много думаю». Ядро в *раздумье* у французов отсутствует. У русских и турок встречается высказывание «обдумывание» – 13,3 % испытуемых в обоих случаях. В околоядерных поясах испытуемых турок также наблюдается высказывание «рассуждения» – 13,3 %.

К околоядерным поясам *раздумья* у немцев относятся: «попытка найти решение проблемы/задачи» – 30 %; «сосредоточенность мыслей» – 20 %; «когда нужно найти какой-либо ответ» – 20 % и «наличие проблемы/причины» – 20 %. Русские дали большое количество ассоциаций повторяющихся более одного раза. Более того, если в околоядерных поясах состояния *раздумья* представителей турецкой и немецкой национальностей наблюдается одна-две составляющие, то в семантическом пространстве *раздумья*, описанного русскими, околоядерные проявления встречаются практически во всех секторах пространства: переживаниях, физиологической реактивности и др. К околоядерным поясам относятся интеллектуальные характеристики – «умственный процесс» – 20 % испытуемых; «анализирую/анализ» – 13,3 %; «поток мыслей» – 13,3 %. В состоянии *раздумья* русские обнаруживают похожие переживания и психофизиологические проявления – «умиротворённость» – 20 % и «напряжение» – 13,3 %, а также мотивацию «хочется побыть одному/уединиться» – 20 %. 13,3 % испытуемых отмечает также «трудность выбора» в момент *раздумья*. Отметим, что и турки, и немцы, и русские дали наибольшее количество интеллектуальных высказываний.

Периферия наиболее ярко представлена в семантическом пространстве *раздумья*, описанном русскими. В результате всё семантическое пространство представлено намного ярче и разнообразнее, чем семантические пространства

испытуемых турок и немцев. Наименее выражено на периферии семантическое пространство *раздумья* у турок и французов, поскольку оно включает в себя только три составляющих – интеллектуальную, ситуативную и поведенческую.

Отметим, что в семантическом пространстве очень ярко как в количественном, так и в содержательном плане представлен интеллектуальный компонент, подчёркивающий принадлежность состояния *раздумья* к интеллектуальной группе. При этом немцы дали большое количество ситуативных определений - 52,9 % всех высказываний, а русские обнаруживают большое количество разнообразных психофизиологических проявлений. Они составляют 24,6 % всех высказываний. Отметим, что для турок характерна высокая степень типичности проявлений в момент *раздумья*. Ядерные и околядерные образования составляют 70 % всех высказываний, что свидетельствует о высоком сходстве переживаний, их идентичности. Немцы и русские, напротив, переживают состояние *раздумья* более индивидуально, разнообразно, неординарно. При описании состояния *раздумья* у немцев было 67,6 %, у русских – 57,9 % индивидуальных определений.

Состояние утомления. Во всех четырех семантических пространствах состояния *утомления* представителей турецкой, немецкой, французской и русской национальностей наблюдается ярко выраженное ядро, которое свидетельствует о типичности проявлений у испытуемых в состоянии *утомления*. 60 % турок и 60 % русских отмечают – «усталость» в ядре. 40 % немцев также отмечают усталость. У французов – «желание спать» - 70%, далее идет «плохое самочувствие» – 20% и «желание закрыть глаза» – 20%. Ядром семантического пространства *утомления* выступает ситуативное определение, указывающее на причину утомления – «долгая, тяжелая работа» – 50 % испытуемых. 13,3 % турков, 40 % немцев и 20 % русских отмечают сонливость – «сон/сплю». 26,7 % турков обнаруживают в состоянии *утомления* «изнеможение», а также 13,3 % испытуемых отмечают «скуку» и «все надоело». 20 % немцев и 13,3 % русских отмечают бессилие; 20 % немцев также отмечают «потерю энергии», «необходимость в отдыхе», 30 %

подчеркивают «умственное напряжение» и «физическая деятельность», которые является причиной *утомления* для 20 испытуемых немецкой группы.

Русские отмечают «опустошенность» – 13,3 % испытуемых, неспособность что-либо делать – «не в состоянии что-либо делать - 13 %; «физическое утомление» – 20 %. 13 % русских отмечают, что в момент *утомления* они испытывают «удовлетворение от проделанной работы»; 13 % испытуемых «валяются на кровати», «читают»; 20 % русских отметили, что чувствуют *утомление* «после работы». У 13 % испытуемых состояние *утомления* ассоциируется с креслом. Отметим, что в состоянии *утомления* у 20 % наблюдается «желание отдыхать»; у 27 % испытуемых – «желание уснуть»; 13 % отмечают «желание обо всем забыть» и «желание лежать. У испытуемых также наблюдается отсутствие мотивации в состоянии *утомления*: «ничего не хочу делать» – 20 % и «не хочу ни с кем говорить» – 13,3 %.

Периферия семантического пространства *утомления* представителей турецкой национальности представлена не очень ярко. Большая часть единичных ответов сконцентрирована в психофизиологическом и ситуативном компонентах: по одному выражению наблюдается в поведенческом и мотивационном компонентах. Наиболее ярко представлен психофизиологический компонент. Он составляет 66,7 % всех высказываний и подчёркивает принадлежность состояния *утомления* к психофизиологической группе. У французов периферия представлена в основном поведенческими, физиологическими и мотивационными составляющими - по 40 %. Периферия семантического пространства *утомления* немцев выражена не намного ярче. Наибольшее число индивидуальных определений обнаружено в ситуативном компоненте, одно – в мотивационном и три-четыре характеристики в эмоциональном и психофизиологическом. Наиболее ярко в семантическом пространстве *утомления* немцев представлены ситуативный и психофизиологический компоненты. Каждый из них составляет по 42 % всех высказываний. Периферия семантического пространства *утомления* русских представляет широкий спектр проявлений. Она включает в себя практически

все психологические компоненты: психофизиологические, мотивационные и ситуативные единичные характеристики и др. В целом в семантическом пространстве *утомления*, описанном русскими, наиболее ярко выражены физиологический (38 %) и мотивационный (27,8 %) компоненты.

Отметим, что для испытуемых всех четырех национальных групп характерна типичность проявлений и переживаний. У турок ядерные и околядерные образования составляют 70,5 % всех высказываний, у французов – 70%, у немцев – 60,5 %, у русских – 60,8%.

Таким образом, представленные результаты демонстрируют сходство и различия семантических пространств состояний представителей Европы и Востока. Разные культуры, традиции и национальные особенности обуславливают различия в осознании состояний. В тоже время межкультурное взаимодействие приводит к определенной близости семантических пространств ряда состояний, близости их осознания.

Особенности семантических пространств психических состояний лиц, исторически длительное время, проживающих на одной территории (русских и татар).

Русские и татары длительное время проживают на одной территории. За время долгой совместной истории многое переплелось в жизни этих народов. Татарская и русская культуры имеют между собой много общего, что связано с их взаимным влиянием друг на друга. По Л.Н.Гумилеву, например, эти два этноса можно отнести в один суперэтнос [4]. Исторически сложилось так, что основным средством общения служил русский язык. В силу этих причин взрослое население страны различных национальностей хорошо владело русским языком, используя язык как средство межнационального общения. Отсюда можно предполагать, что лексические пласты обыденного сознания представителей разных этнических групп несут на себе отпечаток межэтнического взаимодействия, сохраняя при этом своеобразие.

Испытуемые (носители русского и татарского языка, т.е. те, кто считает язык родным, - думает, пишет и говорит на языке) в ходе ассоциативного

эксперимента описывали психические состояния: *печаль, утомление, лень/леность, жалость, спокойствие, заинтересованность, страх, ярость, счастье, злость и радость.*

В эксперименте приняли участие подростки (12-13 лет), старшеклассники (16-17 лет) и взрослые (старше 25 лет), русские и татары мужского и женского пола. В каждой группе было по 30 чел., а в группе взрослых по 40 чел. Всего – 200 чел.

Рассмотрим результаты. Экспериментами было установлено, что семантические пространства слов, обозначающих психические состояния человека (*радость, страх, злость, заинтересованность, утомление и др.*), у русских и татар во многом совпадают. Это объясняется длительной историей совместного проживания, взаимопроникновением и обогащением культур, единым средством общения, каковым является русский язык.

В то же время, несмотря на совпадения в понимании значений психических состояний у русских и татар, присутствуют и различия. Так, при описании состояний татары в большей степени используют слова и выражения, обозначающие действия, поведенческие проявления, тогда как русские – переживания. То есть вектор проявлений состояния у татар в большей степени «внешний» (различные формы поведенческой активности: акты, действия, поступки и пр.), тогда как у русских – «внутренний» («уход в себя, в переживания»), во внутреннюю жизнь разной степени глубины и т.п.).

В ядерных образованиях у татар чаще присутствуют физиологические реакции и, как отмечалось, совсем нет переживаний, тогда как у русских наоборот переживания, можно сказать, доминируют, а физиологические реакции представлены в меньшей степени. То есть, если судить по ядерным образованиям, то можно предположить, что татары объясняют психические состояния при помощи описания физиологических реакций или поведения, а русские через переживания и физиологические реакции.

В качестве примера рассмотрим операнты семантического пространства состояния *страха* (Табл. 4).

Таблица 4.

Татары		Русские	
Учащение пульса	- 6	Желание исчезнуть, спрятаться	- 4
Дрожь	- 5	Стремление найти выход	- 4
Повышение давления	- 5	Боязнь потери близких	- 3
Поиск причины	- 4	Дрожь	- 3
Поиск выхода	- 3	Учащение пульса	- 3
Двигательная активность	- 3	Волнение	- 2
Глубокое частое дыхание	- 3	Раздражительность	- 2
Напряжение в мышцах	- 2	Желание переделать	- 2
Невозможность найти место	- 2	Притупление желаний	- 1
Отвлекаемость	- 2	Зависть	- 1
Невнятная речь	- 2	Отвлекаемость	- 1
Потемнение в глазах	- 2	Бросает в жар	- 1
Ухудшение здоровья	- 2	Напряженность	- 1
Замкнутость	- 1	Бледность	-1
Волнение	-1	Краснота	-1
Раздражение	- 1	Невнятная речь	- 1
Скрытность	- 1	Возбужденность	- 1
Внимание	- 1	Дискомфорт	- 1
Активность мозговой деятельности	-1	Нервный тик	-1
Поседение	-1	Трудн. четк. излож. мысли	-1
		Чувство обреченности	- 1
		Нет мыслей	-1
		Потоотделение	- 1
		Чувство неудовлетворенности	-1

Примечание. Справа представлены количество оперантов, входящих в семантическое пространство (в семантическое пространство включены также единичные высказывания).

Выявлены различия и по количеству составляющих, использованных при описании состояний. Так, если у татар удалось выделить в среднем около 20 оперантов, то у русских таких признаков в среднем около 25. Есть различия и внутри этнических групп. Например, у татар более широко описаны положительные состояния (*счастье, заинтересованность, спокойствие*) и менее - отрицательные состояния (*ярость, печаль, утомление, страх*). У русских

в количественном отношении меньше описано состояние *спокойствия*. У русских в количественном отношении чаще, чем татары используется заграничная лексика. То есть люди, думающие на русском языке, несколько полнее описывали состояния.

Описания неравновесных состояний татарами отличаются по эмоциональности выражений, - она более умеренна, сглажена, по сравнению с эмоциональными оперантами русских. У русских состояния в значительно большей степени дифференцируются по психической активности (энергетической составляющей), т.е. лексические наполнители семантического пространства больше связаны с энергетическим уровнем (высоким, средним или низким) психических состояний и их словесными эквивалентами. Эта зависимость характерна и для физиологических проявлений. Вероятно, эти различия обусловлены разной направленностью проявлений состояний: у татар связь семантики переживаемого состояния с поведением, действиями обуславливает «уравновешивание» активности (энергии) состояния (любое действие как «заряжает», так и «разряжает»), что выражается в «сглаженных» лексических составляющих семантического пространства состояния, тогда как у русских доминирование переживаний связано с большей рефлексией переживаемого состояния, а отсюда большая «привязка» лексических оперантов к состоянию и большая выраженность границ между ними.

Выявлены возрастные особенности семантических пространств состояний русских и татар. Установлено, что выделенные ранее закономерности наиболее характерны для подросткового возраста, в дальнейшем различия между семантическими пространствами состояний русских и татар сглаживаются, что, по-видимому, обуславливается опытом взаимодействия этносов.

Обнаружено, что различия семантических пространств русских и татар наиболее выражены для состояний, характеризующихся средним и низким уровнем психической активности и к тому же достаточно длительных (*спокойствие, усталость, лень/леность, жалость, печаль*). Семантические

пространства состояния высокого энергетического уровня (*страх, злость, радость*) мало отличаются друг от друга – при переживании состояний высокого уровня психической активности, как у русских, так и татар актуализируются практически одни и те же операнты в лексических слоях сознания.

Существует определенная этнопсихологическая специфика в проявлениях отдельных состояний. В частности, у татар относительно равновесные состояния более близки к состояниям высокого уровня психической активности, например, *радости*.

Таким образом, семантические пространства психических состояний народов, проживающих совместно (русских и татар) характеризуются значительной близостью, что обусловлено длительным опытом межнационального общения, взаимопроникновением и взаимообогащением национальных культур. Это проявляется в том, что семантические пространства состояний татар и русских ближе, чем русских и татар с представителями Европы и Азии (даже при близости языка татар и турок семантические пространства состояний отличны). В то же время имеется определенная национальная специфика переживания психических состояний, проявляющаяся в различном «весе» отдельных лексических составляющих семантических пространств состояний, их выраженности и интенциях. Эти различия обусловлены психологическим складом этноса, особенностями исторического развития и спецификой национального самосознания.

Этнокультуральные особенности саморегуляции психических состояний

Целью исследования являлось изучение сложившихся функциональных структур саморегуляции состояний в большой социальной группе – национальной, в которой влияние культуральных и этнических факторов через психологический склад, традиции, обычаи, нравы и др. должны, на наш взгляд, привести к формированию и закреплению специфических функциональных структур саморегуляции.

Респондентами в нашем исследовании являлись представители разных национальностей: русские, татары, чувашаи и этнические субгруппы – кряшени, мишары. В исследовании участвовала 172 человека: русские –51, татары –50, кряшени – 23, мишары – 25, чувашаи – 23 чел.

Все опрашиваемые - работающее население: врачи, мед.сестры, санитарки, фельдшера, лаборанты, преподаватели, воспитатели детских садииков, помощники воспитателей, инженера, водители, электрики, операторы ЭВМ, электромонтёры, трактористы, плотники.

В исследовании использовался разработанный нами опросник «Саморегуляция психических состояний в быту и на производстве», основным содержанием которого являлся предварительно полученный в обследовании список наиболее часто переживаемых негативных состояний и наиболее часто применяемых способов саморегуляции. Испытуемые должны были осуществить выбор их типичных собственных состояний и способов саморегуляции в быту и на производстве.

Обратимся к результатам.

Рассмотрим особенности саморегуляции психических состояний лиц татарской национальности в быту и на производстве (Табл. 5).

Таблица 5.

Саморегуляция психических состояний татар в быту и на производстве

	Отрицательные состояния	В быту	В произво дстве	Доминирующие способы саморегуляции состояний	В быту	В произво дстве
1	Тревога	38	22	Курение	2	2
2	Агрессия	5	2	Вкусная еда	12	5
3	Депрессия	4	1	Занятие спортом	3	1
4	Гнев	9	5	Слезы (пасс.разрядка)	14	5
5	Обида	20	26	Прогулка	13	6
6	Страх	5	3	ТВ	22	8
7	Одиночество	10	2	Бассейн, баня	4	5
8	Тоска	9	2	Интересная книга	18	7
9	Печаль	6	1	Речевая разрядка (крик на подчинённых)	11	3
10	Грусть	8	2	Быстрая езда на машине	4	2

11	Беспомощность	3	5	Любимая музыка	20	9
12	Шок	2	1	Отъезд из дома	4	1
13	Возмущение	17	25	Анализ ситуации, выяснение причин	37	41
14	Подавленность	5	2	Уединение	8	6
15	Разочарование	11	17	Деятельность, заглушающая эмоциональные переживания	16	19
16	Злость	6	7	Алкоголь	5	0

Примечание. Здесь и далее цифры в столбцах – количество респондентов.

Сравнивая результаты, отметим, что татары испытывают в быту отрицательные состояния *тревоги, обиды, возмущения*, тогда как на производстве - *обиду, возмущение, тревогу, разочарование*. В быту чаще всего отрицательные состояния регулируются у татар при помощи анализа и выявления причин, слушанием любимой музыки, ТВ, чтением книг, а на производстве: при помощи анализа ситуаций и выявления причин, а также с помощью занятия деятельностью, заглушающей эмоциональное пережитое.

Особенности саморегуляции психических состояний лиц русских в быту и на производстве. Анализ результатов показывает, что для русских в быту, также как и у татар, чаще всего характерны переживания состояний *тревоги, обиды, возмущения*, на производстве - *тревоги, обиды, возмущения и разочарования*. Эти состояния регулируются преимущественным использованием следующих способов: в быту – просмотром ТВ, анализом ситуации, выполнением деятельности, которая заглушает эмоциональные переживания. Эти же способы также характерны и для регуляции состояний и на производстве, за исключением – просмотра ТВ.

В свою очередь у мишар в быту доминируют *тревога, обида*, а на производстве - *возмущение, разочарование*. Чаще всего отрицательные состояния регулируются при помощи анализа и выявления причины на

производстве, а в быту – прогулкой, просмотром телепередач и анализом, выявлением причин отрицательных состояний.

Крещенные татары (кряшени) в быту чаще всего испытывают состояния - *тревоги, обиды*, а на производстве *тревоги, обиды и возмущения*. Для регуляции отрицательных состояний в быту кряшени стараются уехать из дома, на производстве – проанализировать, выяснить причину отрицательного состояния.

У чуваши в быту доминируют – *тревога*, а на производстве – *тревога и возмущение*. Чаще всего отрицательные состояния регулируются в быту при помощи чтения интересных книг, прослушивания музыки, а на производстве - при помощи анализа и выявления причин, а также занятия деятельностью, которая заглушает неприятные переживания.

Сравнительный анализ полученных данных позволяет прийти к следующим обобщениям: независимо от национальности люди на производстве и в быту испытывают практически одни и те же психические состояния: *тревогу, обиду, возмущение и разочарование*. Только у чуваш нет *обиды* в быту и на производстве, они также не испытывают на производстве и *разочарования*. Что касается способов и приемов саморегуляции состояний, то и в этом случае способы саморегуляции лиц разных национальностей практически одни и те же. К ним относятся: при регуляции состояний в быту - анализ ситуации, просмотр ТВ, чтение книг, переключение внимания на деятельность, которая заглушает эмоциональные переживания, прослушивание музыкальных произведений. На производстве состояния регулируются преимущественно благодаря анализу ситуации, переключению внимания на деятельность, которая заглушает эмоциональные переживания. Только чувашки уезжают из дома в случае переживания неприятных состояний. Малое число приемов саморегуляции, как показывают наши данные, применяют для саморегуляции кряшени и мишары.

В целом, выявленные тенденции свидетельствуют о том, что длительное совместное проживание этносов в течение многих веков, совместная

деятельность, межкультурные связи и браки практически привели к единообразию в способах саморегуляции психических состояний, что может свидетельствовать о близости адаптационных процессов в ходе социализации и культурализации представителей разных национальностей, проживающих в средней полосе России.

Наши предположения могут быть подкреплены следующим фактом. В другом, проведенном нами исследовании, изучались особенности саморегуляции психических состояний русских (30 чел.), татар (30 чел.) и турок (30 чел.). Исследование позволило установить, что способы саморегуляции отрицательных состояний русских и татар практически одинаковы, чего не скажешь о способах саморегуляции у лиц турецкой национальности (Табл. 6).

Таблица 6.

Способы саморегуляции психических состояний русских, татар и турок

Ранг	Русские	Татары	Турки
1	Речевая разрядка	Пассивная разрядка (слезы)	Поисковая активность
2	Пассивная разрядка (слезы)	Речевая разрядка	Уход в себя
3	Двигательная разрядка	Общение	Самовнушения
4	Самоконтроль	Двигательная разрядка	Пассивный отдых
5.	Рационализация	Самовнушение	Самоконтроль
6	Перенесение тревоги на слушателя	Перенесение тревоги на слушателя	Общение

Как следует из результатов, представленных в таблице, русские и татары имеют сходство в 4 из 6 регуляторов психических состояний, русские и турки - один, татары и турки (несмотря на то, что они когда-то считались одним народом и имеют похожий язык, общие религиозные корни) – один.

Эти результаты свидетельствуют о том, что близость народов в пространстве (территориальная близость), информационный и межкультурный обмен в рамках единого государства, а также совместная жизнедеятельность приводят к формированию близких или одинаковых регуляторных комплексов психических состояний и, соответственно, отражают схожие адаптационные процессы в социуме, связанные с включенностью человека в большие этнокультуральные группы. Обнаруженные тенденции - свидетельство тому.

Заключение

Семантические пространства психических состояний народов, проживающих совместно (русских и татар) характеризуются значительной близостью, что обусловлено длительным опытом межнационального общения, взаимопроникновением и взаимообогащением национальных культур. Это проявляется в том, что семантические пространства состояний татар и русских ближе, чем русских и татар с представителями Европы и Азии (даже при близости языка татар и турок семантические пространства состояний отличны). В то же время имеется определенная национальная специфика переживания психических состояний, проявляющаяся в различном «весе» отдельных лексических составляющих семантических пространств состояний, их выраженности и интенциях. Эти различия, по-видимому, обусловлены психологическим складом этноса, особенностями исторического развития и спецификой национального самосознания.

Установлено, что в малых и больших группах (семья, производственный коллектив, этнокультуральные группы) саморегуляции психических состояний опосредуются социально-психологическими особенностями и спецификой группы, в которой осуществляется жизнедеятельность субъекта. Сложившиеся способы саморегуляции психических состояний и особенности их проявлений отражают процессы и результаты адаптации человека в той или иной социальной общности, они типичны для субъектов в одних видах деятельности и отличаются, в других.

В больших социальных группах под действием общих культуральных факторов, межнационального взаимодействия совместно проживающих народов, общей деятельности, обучения и пр., в социальной среде возникают схожие адаптационные процессы. Последнее находят свое выражение в близости способов саморегуляции психических состояний представителей разных национальностей.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. - М., 1996
2. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. –М., 1987
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 1993
5. Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1990

§ 4. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЙ ТАТАР

В современном изменяющемся обществе остро стоит вопрос межнациональной толерантности, уважения и согласия. Кросс-культуральные исследования должны способствовать выявлению общего, особенного и единичного в психологии наций. Наше исследование способствует выявлению этнопсихологических особенностей переживаний представителей татарской национальности.

В основе данного исследования лежит цель: изучить этнопсихологические особенности переживаний субъекта.

В основе данной работы лежит представление Г. Аммона о структуре личности [1]. Г. Аммон понимает личность как сложное многоуровневое структурное образование, выделяя первичные органические структуры, которые охватывают нейрофизиологические и биологические функции человека, *центральные бессознательные функции*, такие как агрессия, страх, нарциссизм, сексуальность и т.д. и *вторичные, сознательные функции*, к которым относятся переживания субъекта, его поведение, способности, навыки.

Основопологающим понятием личности для Г. Аммона является Я-идентичность, представляющая собой ядерное психологическое образование, обеспечивающее целостность личности и теснейшим образом связанная с центральными психическими функциями. Деятельность центральных функций опосредуется идентичностью и опосредует ее. Вторичные функции представляют собой поведенческую реализацию центральных Я-функций, опосредованную телесными (биологическими, соматическими, физиологическими и нейрофизиологическими) особенностями индивида.

В концепции Ф.Е. Василюка дано два определения переживания: переживание-созерцание и переживание–деятельность. Понимание переживания как непосредственной внутренней субъективной данности психического явления в отличие от его содержания и модальности было дано С.Л. Рубинштейном [3]. Ф.Е. Василюк определил его как традиционное в

отечественной психологии понимание переживания, и дал ему название «переживания-созерцания». В своей работе «Психология переживания» Ф.Е. Василюк вводит понятие переживания-деятельности и связывает его с внутренней работой, которая позволяет человеку перенести те или иные (обычно тяжелые) жизненные события, восстановить душевное равновесие, то есть справиться с критической ситуацией [4]. Главная функция переживания-деятельности в смыслопорождении, смыслообразовании, смыслотворчестве в ситуациях невозможности жить, то есть в критических ситуациях.

Нами *переживание понимается как психическое явление, в форме которого дана внутренняя жизнь человека, через которое осуществляется связь личности с ядерными структурами психики субъекта.* В ходе такого взаимодействия осуществляется смысловая переработка внутренней и внешней ситуации, изменяется система внутренних отношений, установок, мироощущения, мировоззрения и мировосприятия, перегруппируются, перестраиваются, развиваются и изменяются ядерные психические структуры. Способность переживать, проживать жизненные ситуации, не защищаясь от них, а, находясь в контакте с действительностью, реальностью обуславливает не только личностное развитие, но и развитие ядерных, сущностных структур субъекта.

Под сущностью мы понимаем ядерное, центральное психическое образование, находящееся во взаимодействии с личностью, тесно связанное с индивидуальными качествами человека, проявляющееся в субъективной жизни человека через его переживания. В наиболее яркой форме сущность проявляется в индивидуальности человека, в его креативности, свободном проявлении воли, в его неповторимости, уникальности и позволяет, в конечном счете, выйти человеку на уровень универсума.

Сущность человека очень тесно связана с центральными Я-функциями по Г. Аммону, особенно с такими как нарциссизм, агрессивность, креативность, сексуальность и пр.

В аналитической психологии центральная психическая инстанция обозначается термином «Я» или «самость» (self) [5-8].

В психосинтезе для обозначения данного центра психики, скрытого за скорлупой личности» и составляющего «сердце психики человека» (Р. Ассаджиоли), используется термин «Высшее Я»: «Высшее Я в психосинтезе определяется как онтологическая реальность, как бытие (Я ЕСМЬ), выступающее на своем уровне неизменным Центром Жизни, источником излучаемых ею энергий» [9, с. 185].

В рамках гуманистической психологии данную инстанцию обозначают термином «внутреннее Я». М. Боуэн пишет: «Изменение личности в процессе психотерапии является результатом нашего контакта с нашей собственной сущностью, следствием успокоения и укрепления неконтролируемого рассудка (mind), посредством чего мы можем почувствовать наше внутреннее Я (Inner Self) и действовать с опорой на этот источник силы и мудрости» [10, с.24].

Цель исследования: изучить этнопсихологические особенности взаимоотношений сущностных структур и переживаний субъекта.

Для эксперимента применялся Я - структурный тест Аммона, опросник пространственно-временных и энергетических характеристик переживания, опросник когнитивной составляющей переживания. В эксперименте участвовало 250 студентов Казанского государственного педагогического университета.

Результаты исследования подвергались кластерному, факторному, корреляционному анализу.

Исследование *энергетических* характеристик переживания показало следующие результаты.

Была выявлена достоверная обратная корреляционная связь уровня энергетической характеристики переживания с уровнем ригидности внутренних границ Я ($k=-0,271$, $p < 0,001$). Конструктивное внутреннее отграничение представляет собой коммуницирующий барьер, отделяющий и связывающий сознающее Я и внутреннюю среду индивида с его неосознаваемыми чувствами,

инстинктивными побуждениями, образами интериоризованных объектов, отношений и эмоциональных состояний. Функциональное значение внутренней границы определяется как необходимостью защиты развивающегося Я от подавляющей неизбежности внутренних потребностей, так и важностью представленности последних в целостной психической жизни человека. Для интегрированной идентичности чрезвычайно важно, чтобы бессознательное, как бы оно не понималось, будь то отраженный телесный процесс, архаичный инстинктивный импульс или вытесненный интерперсональный конфликт, могло сообщать о себе, не нарушая актуального взаимодействия с реальностью [1].

Эксперимент показал, что наличие ригидно фиксированного «барьера», отделяющего область осознаваемых переживаний от остальных интрапсихических структур, лишение естественной связи с бессознательным, ориентация на рациональное постижение действительности, не допускающее интуитивных и чувственных решений, связано с уменьшением интенсивности осознаваемых переживаний. Усиление отгороженности человека от собственной эмоциональной сферы, насущных потребностей, приводит к уменьшению силы осознаваемого переживания. Данное явление может быть связано с включением мощных психологических защит, скорее незрелого, а значит разрушительного для внешней и внутренней адаптации характера, с нарушением контакта центральных психических образований с личностными структурами через переживание субъекта, а значит сопровождающееся нарушением личностного роста, персонализации.

Обнаружены особенности развития внутренних границ Я у представителей татарской национальности. Рис. 1. показывает два пика показателей развития внутренних границ Я русских студентов, что позволяет предположить наличие двух независимых выборов. Один из пиков лежит ближе к верхним границам нормы (норма – 30-56 ед.).

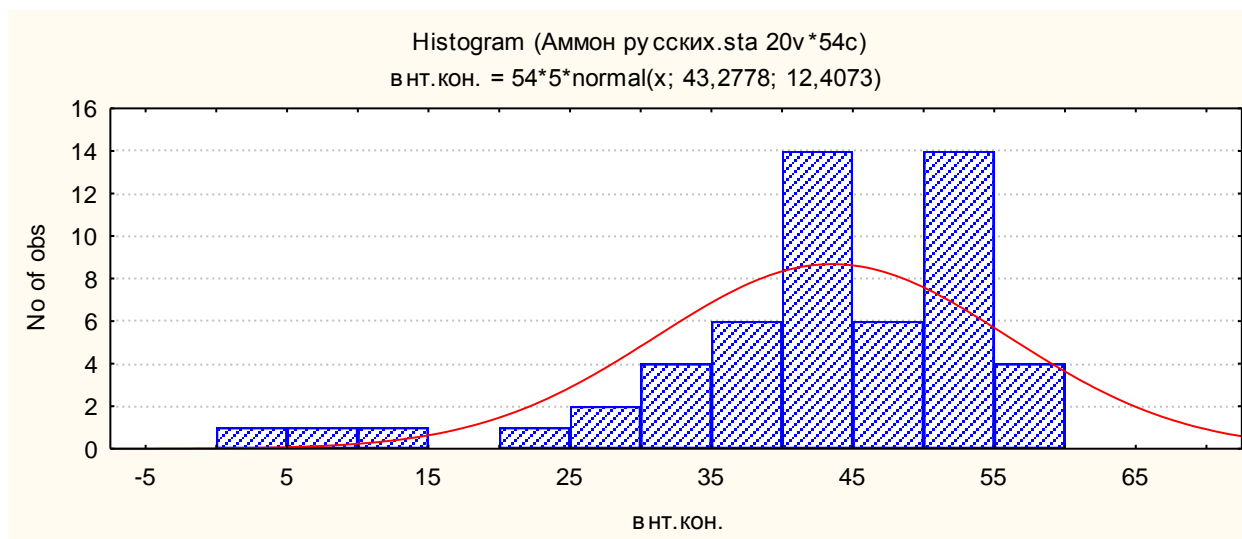
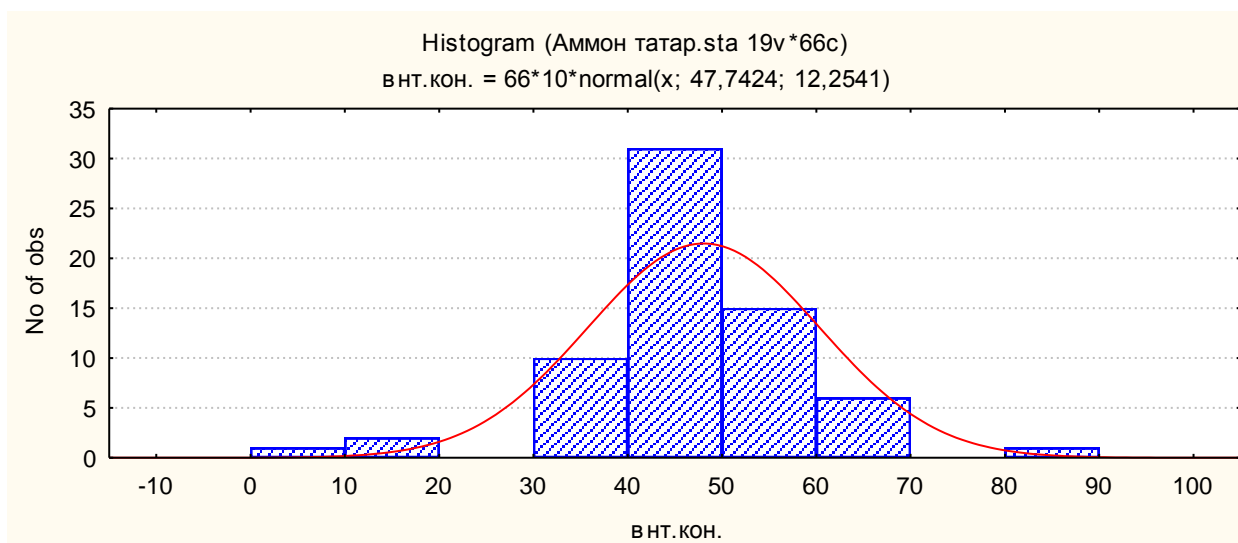

Рис. 1. Гистограмма показателей развития конструктивных внутренних Я-отграничений субъектов русской национальности.

Выборка студентов татар показала более однородный результат (рис.2).

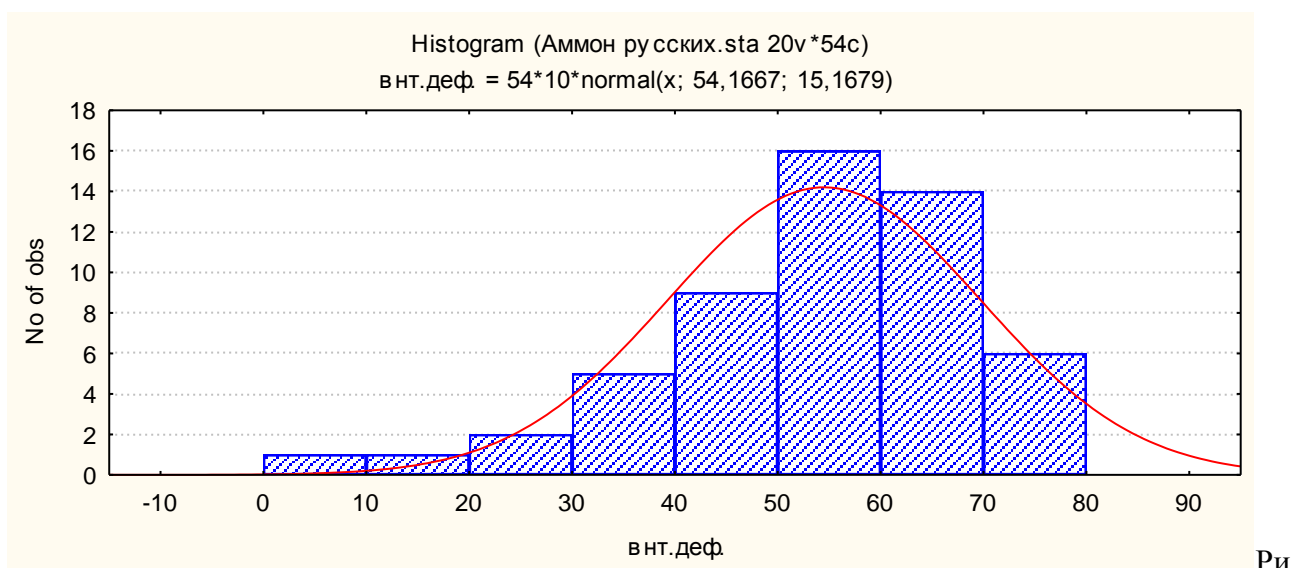
Ри

с.2. Гистограмма показателей развития конструктивных внутренних Я-отграничений субъектов татарской национальности.

Анализ гистограмм дефицитарности внутренних Я-отграничений показал, что тенденцию к недостаточной сформированности внутренних границ Я у субъектов как русской, так и татарской национальности (рис.3,4). Эта граница возникает в процессе структурной дифференциации психического и знаменует собой возможность формирования подлинно автономного Я.

Недостаточность внутренней границы представляет собой в определенном смысле базисное недоразвитие личностных структур, тормозящее развитие других интрапсихических образований. В поведении слабость внутренней

границы Я выражается склонностью к чрезмерному фантазированию, при котором воображаемое едва может быть отделено от реальности. Переживания субъекта не дают возможности дифференцировать собственные слабо контролируемые образы, чувства, эмоции от внешних объектов, ситуаций и отношений с ними связанных. Такое слабый контакт с реальностью не позволяют субъекту преобразовывать свой внутренний опыт в личностный и сущностный рост, а только механически пополняться, не осмысливая ситуацию. А лишь находясь в тесном соприкосновении с конкретными ситуациями и пережитыми в них эмоциями и чувствами. Таким образом, данные эксперимента позволяют предположить, что культурно-социальные условия воспитания молодежи русской и татарской национальности дают схожие результаты дефицитарности внутренних Я-отграничений, что позволяет наблюдать некоторые тенденции к импульсивности, слабости эмоционального контроля, склонности к экзальтированным состояниям, непоследовательности в интерперсональных отношениях.

с. 3. Гистограмма показателей развития дефицитарности внутренних границ Я субъектов русской национальности.

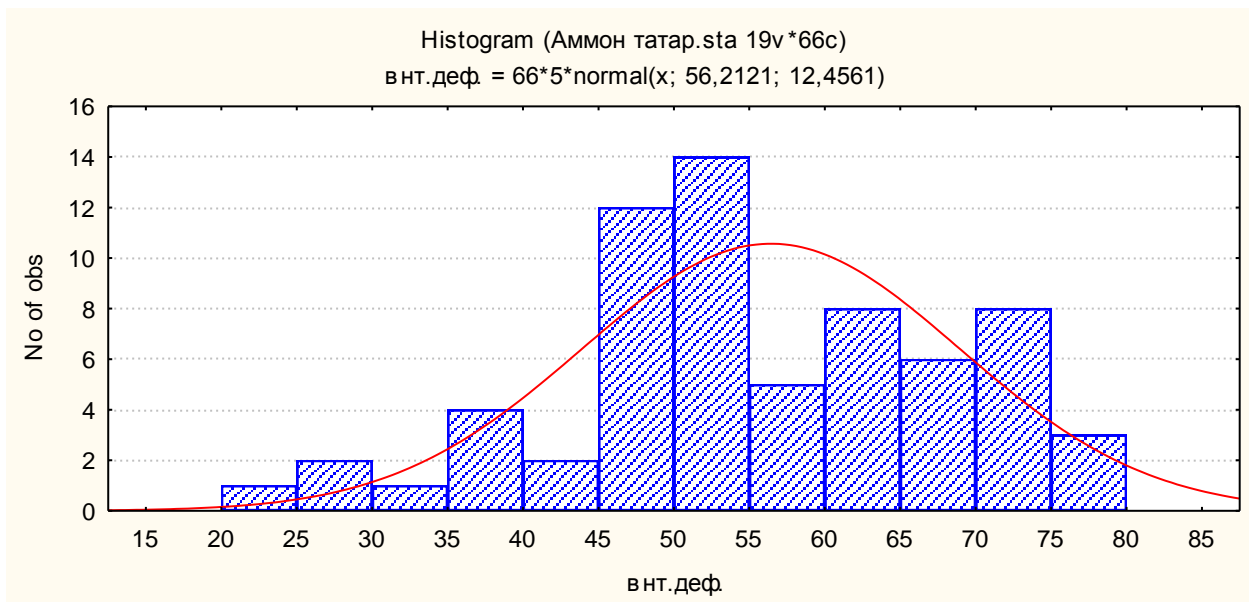

Рис. 4. Гистограмма показателей развития дефицитарности внутренних границ Я субъектов татарской национальности.

Была обнаружена достоверная обратная корреляционная связь уровня энергетической характеристики переживания с уровнем дефицита нарциссизма ($k=-0,328$, $p < 0,05$). Г. Аммон рассматривает нарциссизм как изначальный потенциал развития индивида, на основе которого происходит формирование других центральных Я-функций. Именно нарциссизм формирует границы человеческого Я, фактически исполняя роль регулятора основных энергетических процессов, в качестве энергетического принципа [1]. Дефицитарность развития нарциссизма ведет к полной неспособности воспринимать неповторимость и единственность собственного существования, придавать значение собственным желаниям, целям и поступкам, отстаивать собственные интересы и иметь самостоятельные взгляды, мнения и точки зрения. Низкая интенсивность переживаний человека с высоким дефицитом нарциссизма, возможно, связана с неспособностью к целостному восприятию себя, недостаточностью дифференцированного представления о собственной личности, способностях и возможностях, невозможности реалистично оценивать себя. Общий эмоциональный фон такого субъекта – безрадостность, пустота, скука и забытость приводят к обеднению переживаний и снижению их интенсивности.

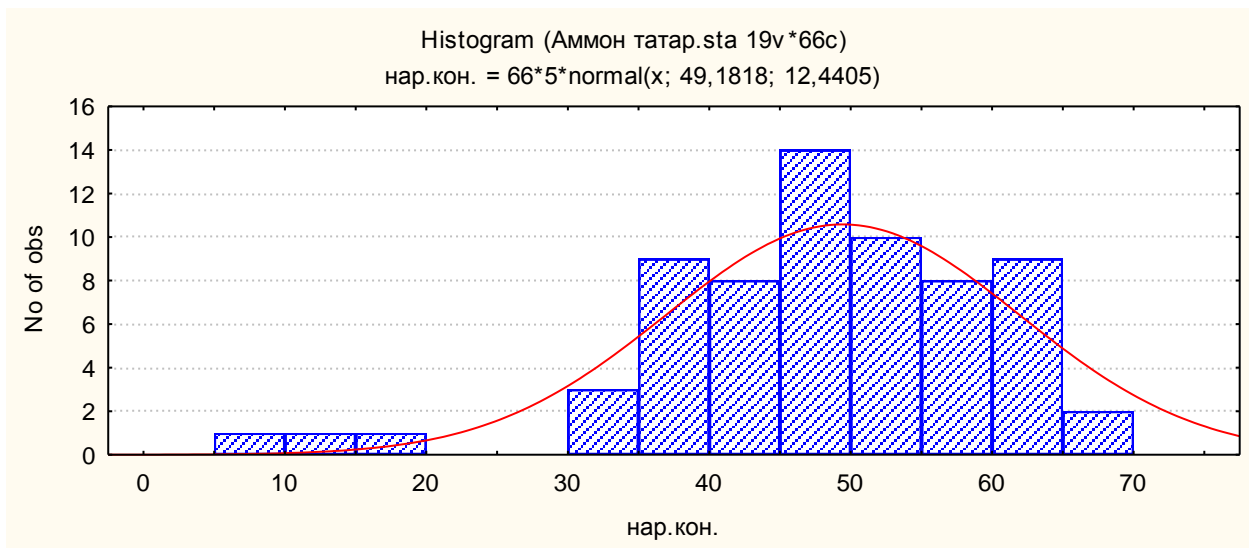

Рис. 5. Гистограмма значений конструктивного нарциссизма субъектов татарской национальности

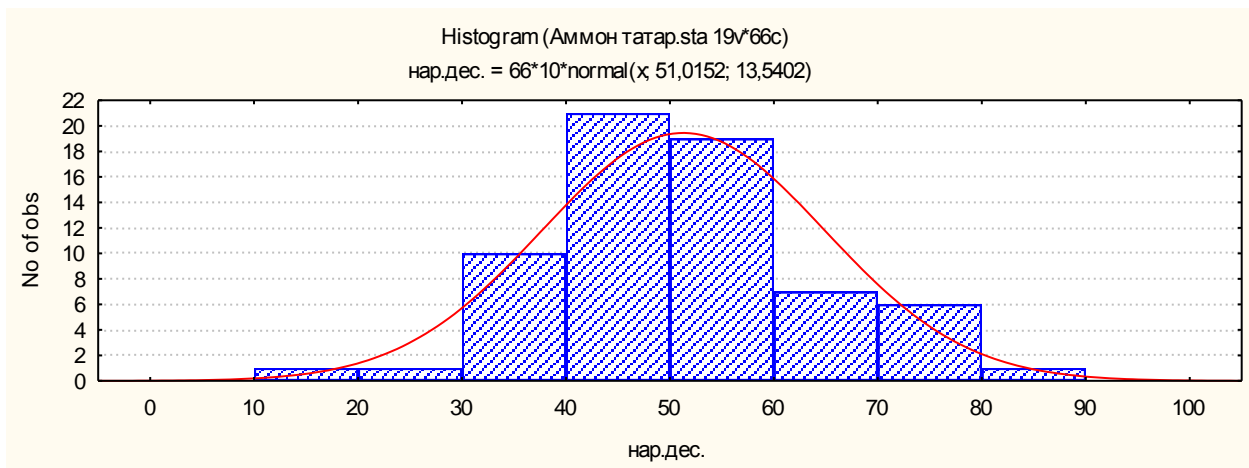
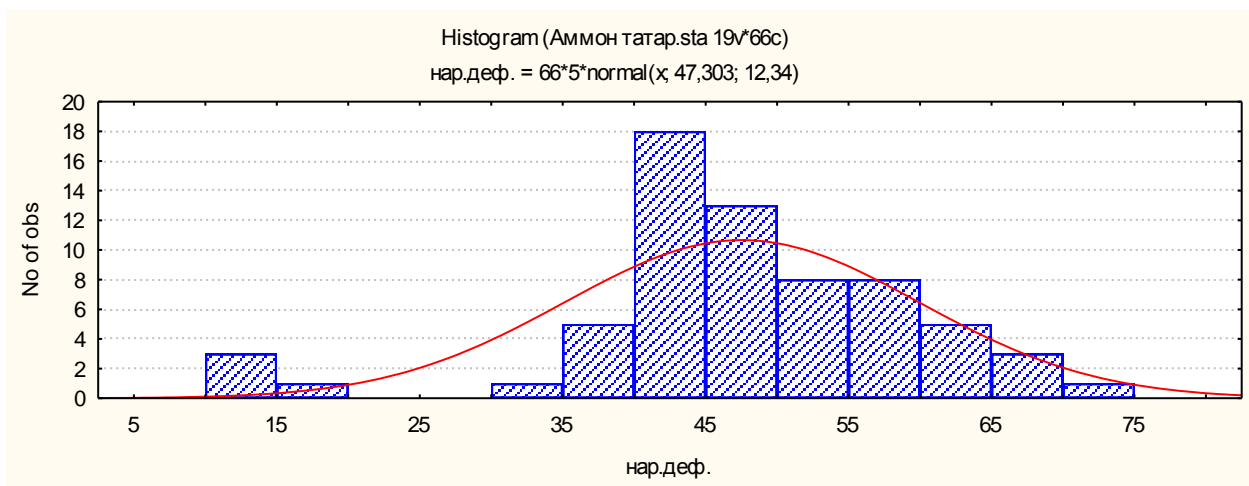

Рис. 6. Гистограмма значений деструктивного нарциссизма субъектов татарской национальности

Ри

с. 7. Гистограмма значений дефицитарного нарциссизма субъектов татарской национальности.

Рис. 5-7 показывают, что такая центральная функция, как нарциссизм, показывающая принятие себя, ощущение самооценности, неповторимости, уникальности у субъектов татарской национальности развит гармонично. Дефицитарность и деструктивность не выходят за пределы нормы (40-60 ед.), конструктивность также развита и находится в пределах нормы и даже выше ее, что показывает возможности конструктивного переживания субъектом внутренней и внешней реальности и на основе этого гармоничного развития личностных и сущностных структур человека.

Обнаружена достоверная обратная корреляционная связь величины энергетической характеристики переживания и уровня дефицита сексуальности ($k = -0,33$, $p = 0,004$). Сексуальность является одной из важнейших центральных Я-функций и представляет собой способность устанавливать живой контакт на телесном, душевном и духовном уровнях. Она переживается как свободное от страхов и вины зрелое единение личностей. Высокий дефицит сексуальности показывает неприятие своей и чужой телесности, недостаточной представленностью телесного аспекта в осознаваемой части Я, нарушению телесной представленности центральных Я-функций. По Г. Аммону именно телесный аспект опосредует взаимодействие первичных и вторичных Я-функций [1].

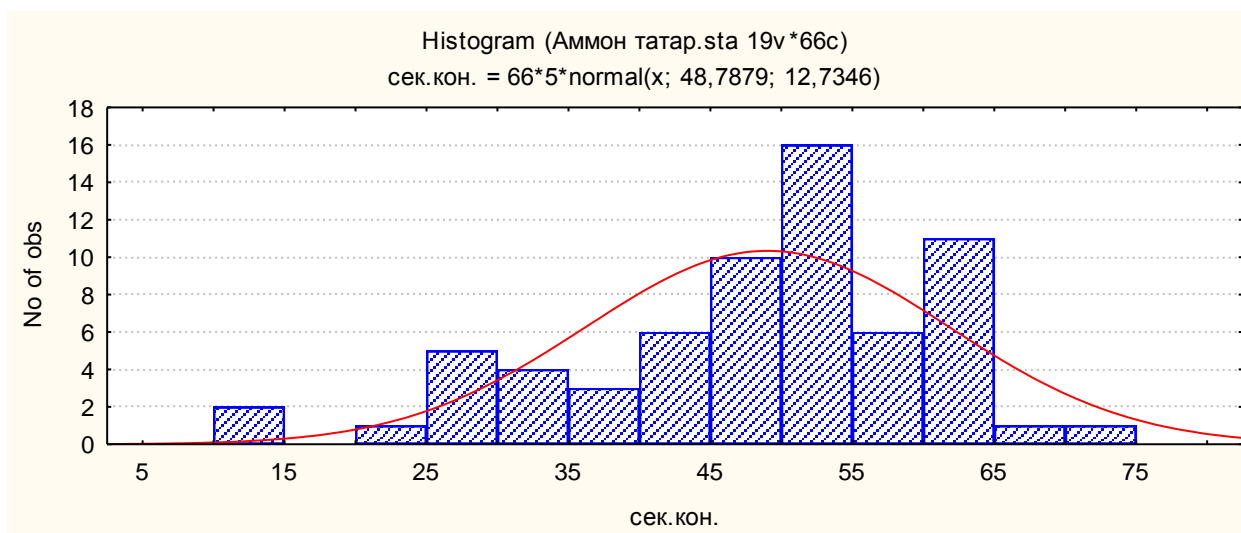

Рис. 8. Гистограмма значений конструктивной сексуальности субъектов татарской национальности.

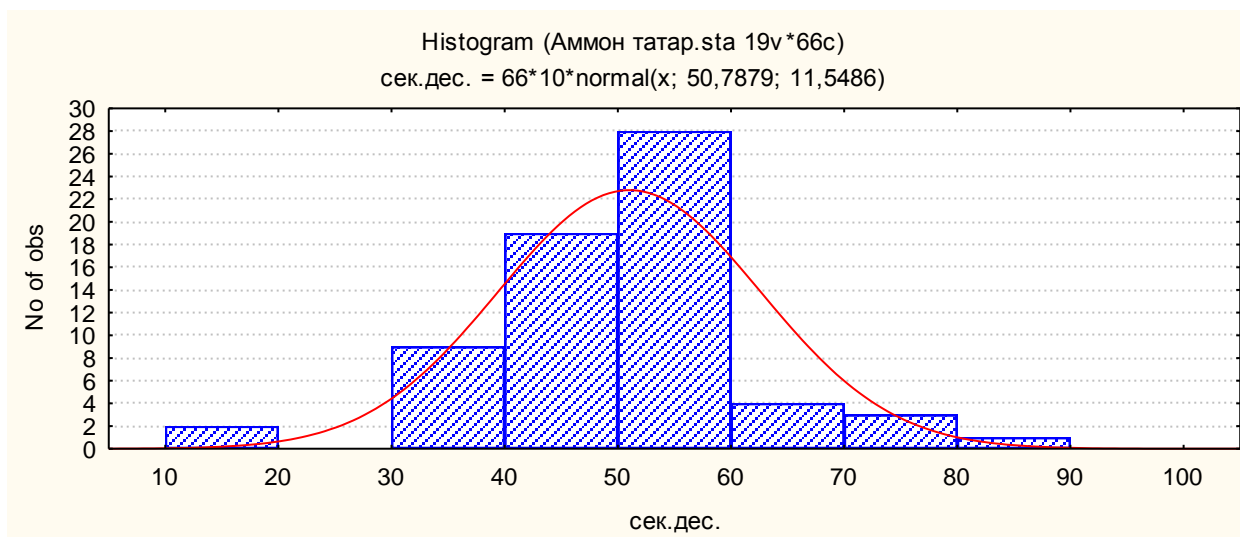

Рис. 9. Гистограмма значений деструктивной сексуальности субъектов татарской национальности.

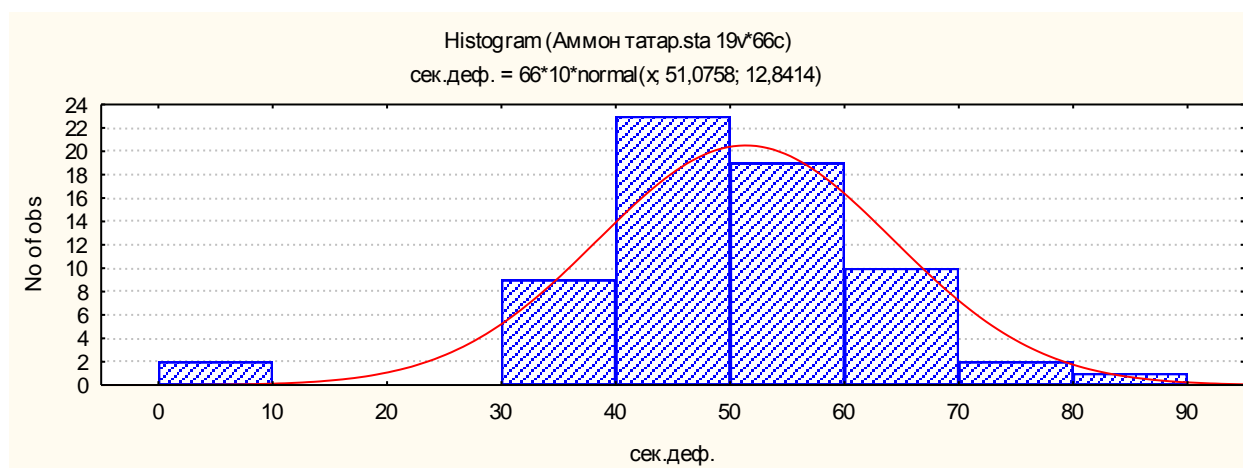

Рис. 10. Гистограмма значений дефицитарной сексуальности субъектов татарской национальности.

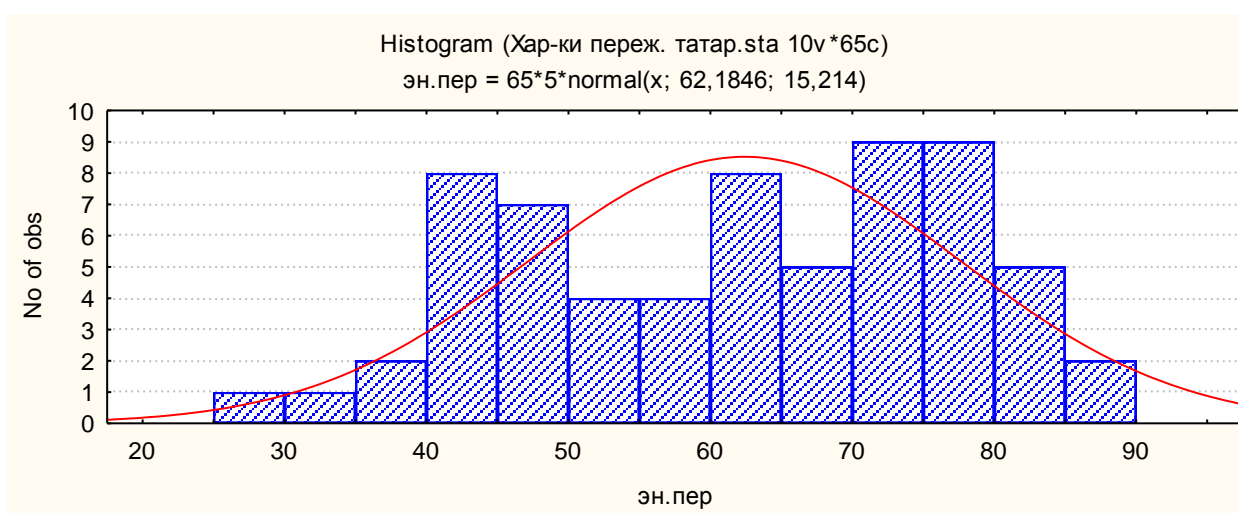
Анализ экспериментальных данных показывает, что у татарской молодежи в целом сформирована способность к взаимному удовольствию от физического сексуального взаимодействия, к переживанию зрелого единения личностей без страха и чувства вины, испытывать радость взаимного обогащения, способность ощущать ответственность и проявлять теплоту, заботу и преданность в сексуальных партнерских отношениях.

Деструктивная сексуальность не выходит за пределы нормы (рис. 9). Но рис. 10 показывает тенденцию к дефицитарной сексуальности у некоторой части татарской молодежи (норма 40-60 ед.). Дефицитарность сексуальности предполагает максимально возможный отказ от реальных сексуальных

контактов, которые могут быть лишь под нажимом внешних обстоятельств (супружеский долг, необходимость продолжения рода и др.). Здесь речь идет о неприятии своей и чужой телесности. Физический контакт воспринимается как недопустимое вторжение, как бессмысленное механическое взаимодействие, как нечто «грязное», греховное, недостойное человека и заслуживающее отвращения. Для лиц с высокими показателями дефицитарной сексуальности характерна обычно низкая сексуальная активность, тенденция заменять реальные сексуальные отношения фантазиями, неспособность испытывать радость от собственного тела, недостаточная эмоциональность в межличностных отношениях, застенчивость в ситуациях, требующих сексуальной идентификации, «слишком серьезное» отношение к жизни, плохое понимание людей и нарушенный контакт с реальностью.

Проведенный эксперимент показывает, что энергетический аспект переживаний связан как с уровнем развития центральных психических образований, так и с преградами к их контакту с осознаваемой частью Я.

Следовательно, *способность к энергетически выраженным переживаниям может быть мерой гармоничного развития сущности индивида и ее гибкой, проницаемой, большей частью осознаваемой связи, контакта с личностью, с осознаваемой частью Я.*

Ри

с 11. Гистограмма значений энергетических характеристик переживаний субъектов татарской национальности.

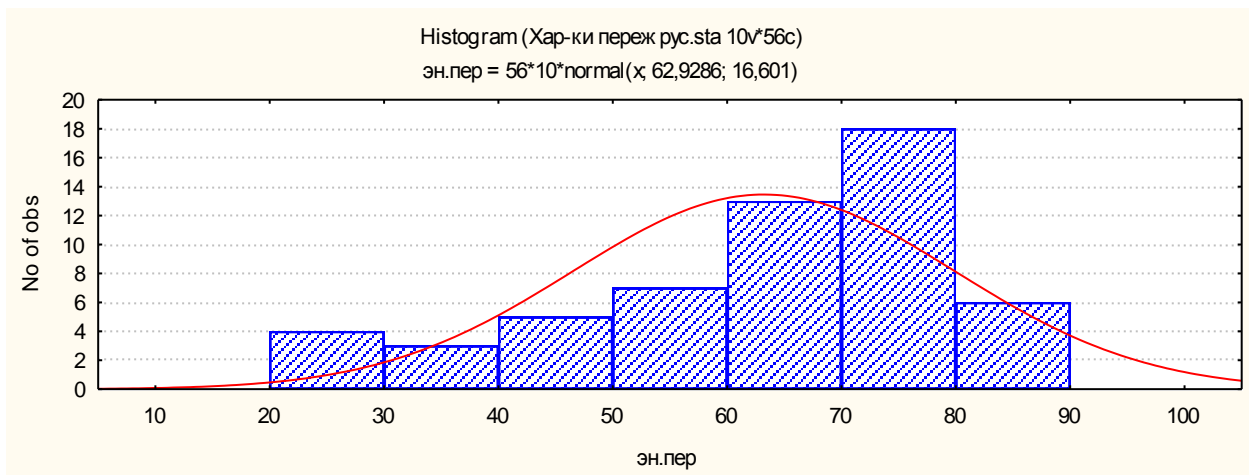

Рис 12. Гистограмма значений энергетических характеристик переживаний субъектов русской национальности.

Из рис. 11,12 следует, что в ходе эксперимента у студентов-татар более широкое распределение величины интенсивности испытываемых ими переживаний, причем наблюдается три пика распределения. Студенты русской национальности описали проявление энергетически более выраженных переживаний.

Исследование *пространственных* характеристик переживаний показало следующее.

Была проявлена достоверная обратная корреляционная связь пространственных характеристик переживания и величины дефицита внешних границ Я ($k = -0,27$, $p = 0,021$). Дефицитарное внешнее отграничение в самом общем смысле понимается как недостаточность внешней границы Я, сверхпроницаемости этой границы, приводящая к нарушению внутреннего формообразования. В поведении неразвитость внешней границы приводит к гипердаптации к внешней среде, неспособностью отделять свои чувства и переживания от чувств и переживаний других, отслеживать и отстаивать собственные потребности, интересы и цели, устанавливать и контролировать межличностную дистанцию [1]. Неразвитость внешних границ приводит к снижению уровня пространственных характеристик переживания, что ведет к их деструктивному характеру, сужению диапазона поиска принимаемых решений, преобладанию негативного эмоционального фона переживаний,

сопровождающихся ощущением стесненности, безвыходности, одиночества, неуспеха.

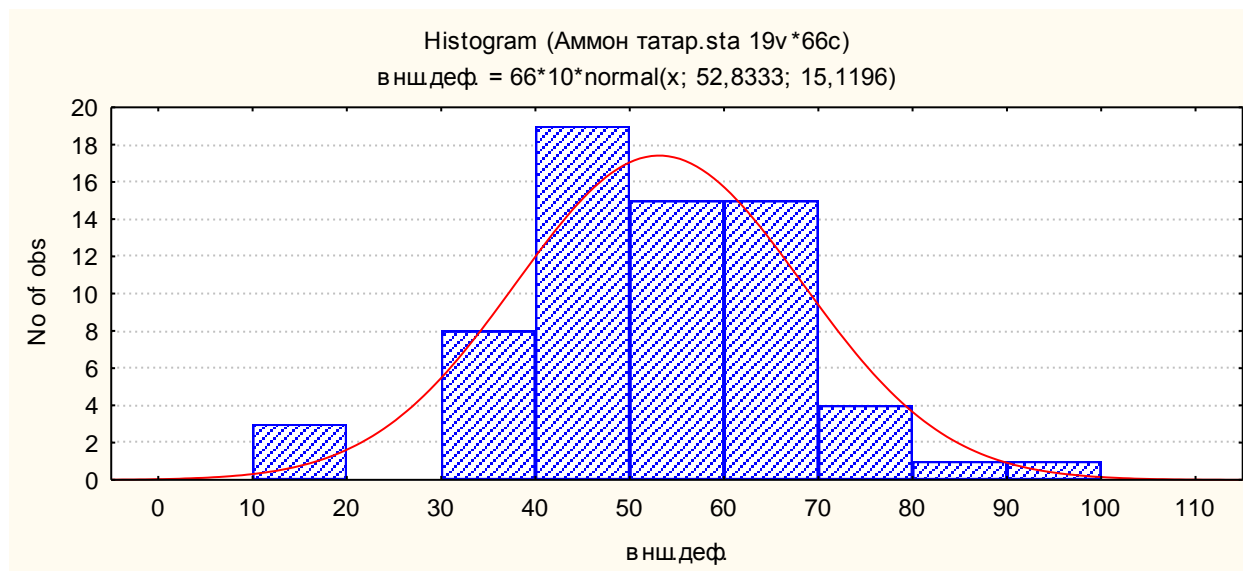

Рис. 13. Гистограмма значений дефицитарности внешних Я-отграничений субъектов татарской национальности.

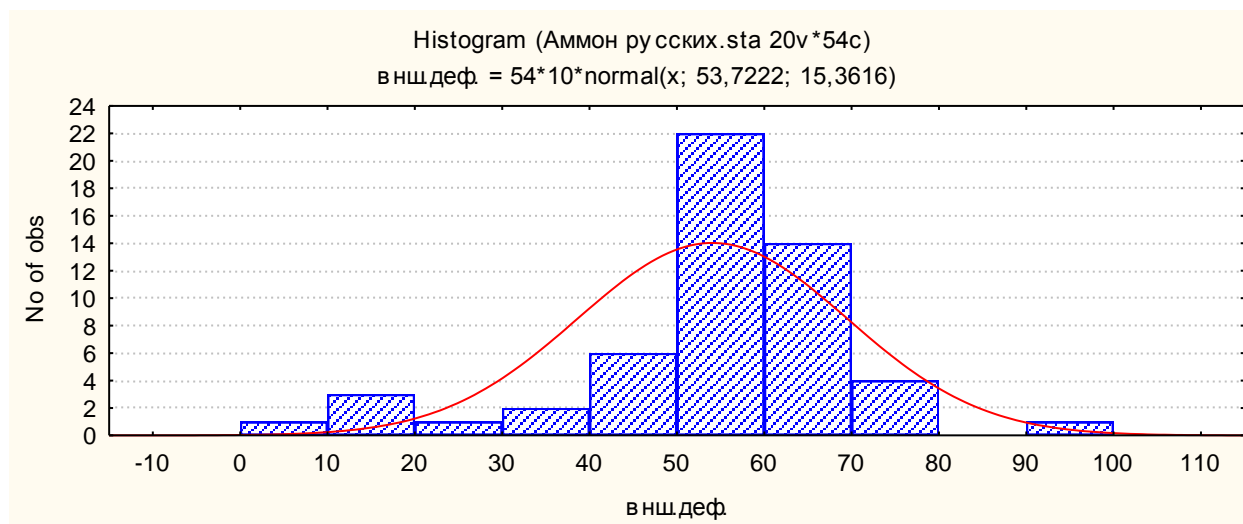

Рис. 14. Гистограмма значений дефицитарности внешних Я-отграничений субъектов русской национальности.

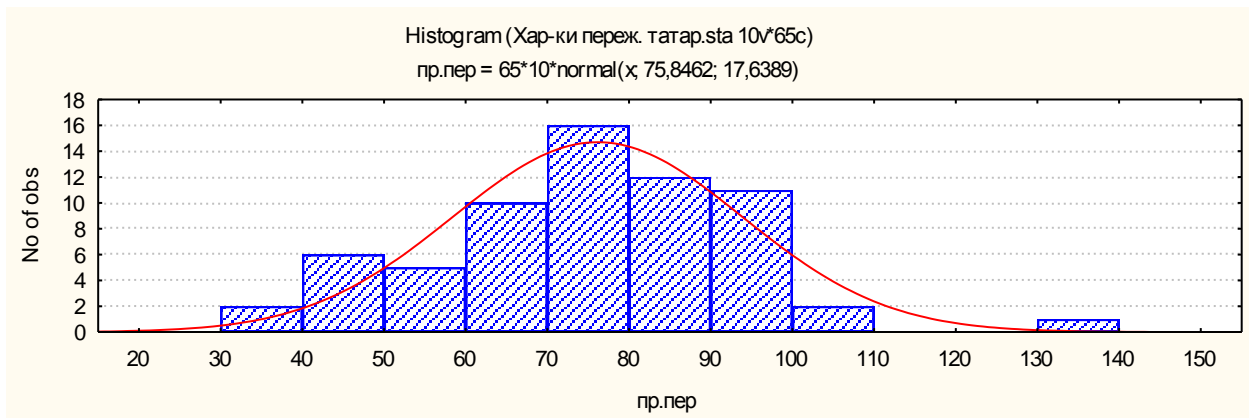
Анализ гистограмм по рис.13, 14 показывает, что часть исследуемого контингента студентов обнаруживает дефицитарность внешних Я-отграничений (норма 40-60 ед.). Причем у студентов–татар значения дефицитарности обнаруживают тенденцию к низким величинам, что свидетельствует о том, что способность устанавливать и контролировать межличностную дистанцию, отслеживать и отстаивать собственные интересы, потребности, цели, четко отделять собственные чувства и переживания от чувств

и переживаний других, самостоятельно принимать решения были сформированы в достаточной степени.

Изучение *временных характеристик* переживания позволило обнаружить следующие результаты исследования.

Была показана достоверная обратная корреляционная связь временных характеристик переживания и уровня деструктивности внешнего отграничения Я ($k = -0,268$, $p = 0,022$), а также уровнем дефицитарности внешнего отграничения Я ($k = -0,24$, $p = 0,04$). Данные результаты свидетельствуют о тесном взаимодействии временных характеристик переживания с функционированием внешних границ Я, которые являются «периферическим органом восприятия снаружи» (P.Federn'om, 1952). Данные границы загружены свойственной Я нарциссической энергией, и именно они позволяют переживать чувство и сознание собственной идентичности [1]. Низкий уровень временной составляющей характеризует переживание как очень обедненное событие, с ощущением вяло текущего времени, затянутости происходящего, внутренней пустоты, тягостности.

Данные исследования показывают взаимосвязь пространственно-временных характеристик с внешними границами Я, которые формируются в процессе разрешения симбиотических отношений и позволяют осуществлять обособление развивающейся идентичности при сохранении способности и возможности к жизненно важному обмену и продуктивному личностному взаимодействию. Тем самым Я оформляется как место непрерывного психического переживания, формируется хорошее «чувство реальности», способность вступать в контакты, в том числе и симбиотические без угрозы переидентификации и выходить из них без последующего чувства вины [1].

Ри

с.15. Гистограмма значений пространственных характеристик переживаний субъектов татарской национальности.

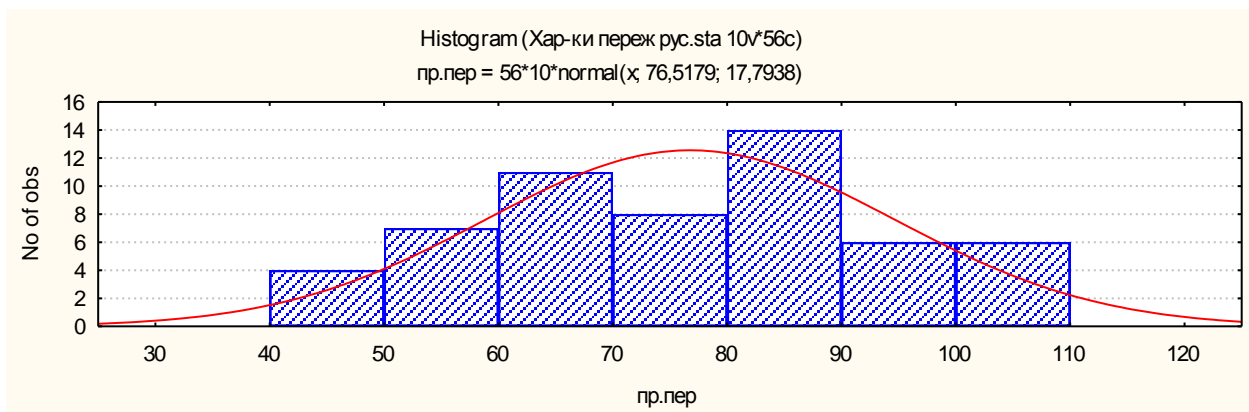

Рис.15. Гистограмма значений пространственных характеристик переживаний субъектов татарской национальности.

Неразвитость или ригидность внешних границ Я нарушает пространственно-временную реальность переживаний, нарушается основная функция переживания по осуществлению связи с центральными, сущностными структурами психики и осознанию, переработке наличной жизненной ситуации в точку личностного и сущностного роста.

Кластерный анализ показал близость временных характеристик с показателями страха как центральной Я-функции по Г. Аммону (рис. 1).

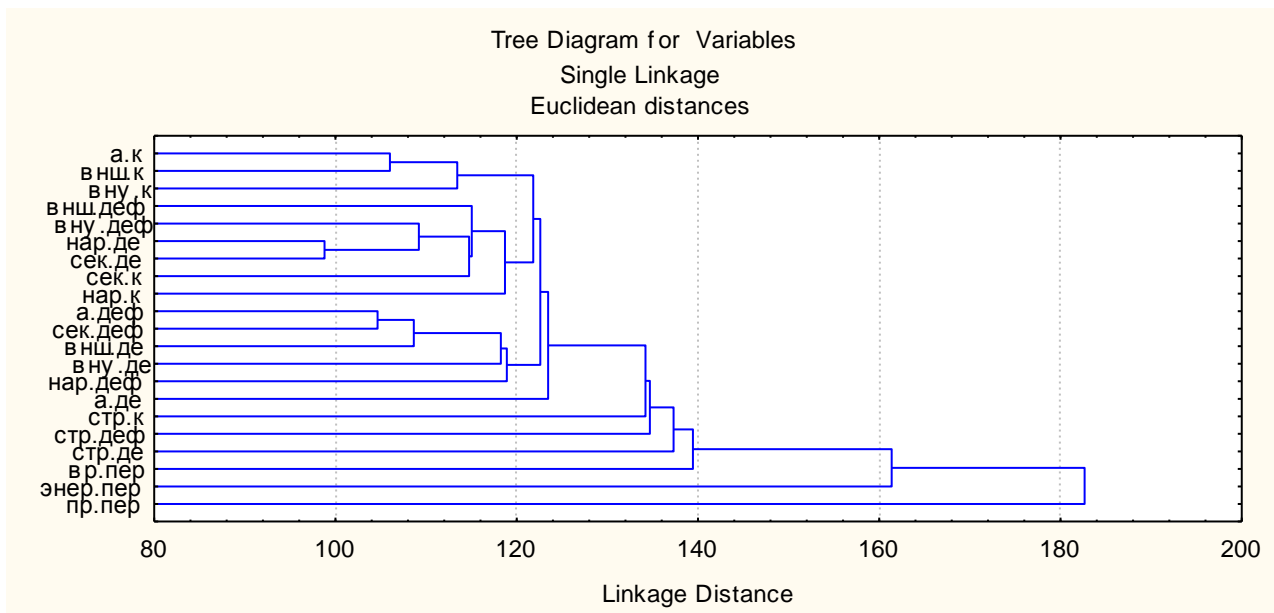

Рис.16. Кластерный анализ взаимоотношений пространственных, временных, энергетических характеристик переживания и центральных Я-функций по Г. Аммону.

Страх представляет собой важнейший регулятор взаимоотношений индивида и среды. По всей видимости, временные характеристики переживаний особенно тесно связаны с внешними взаимоотношениями.

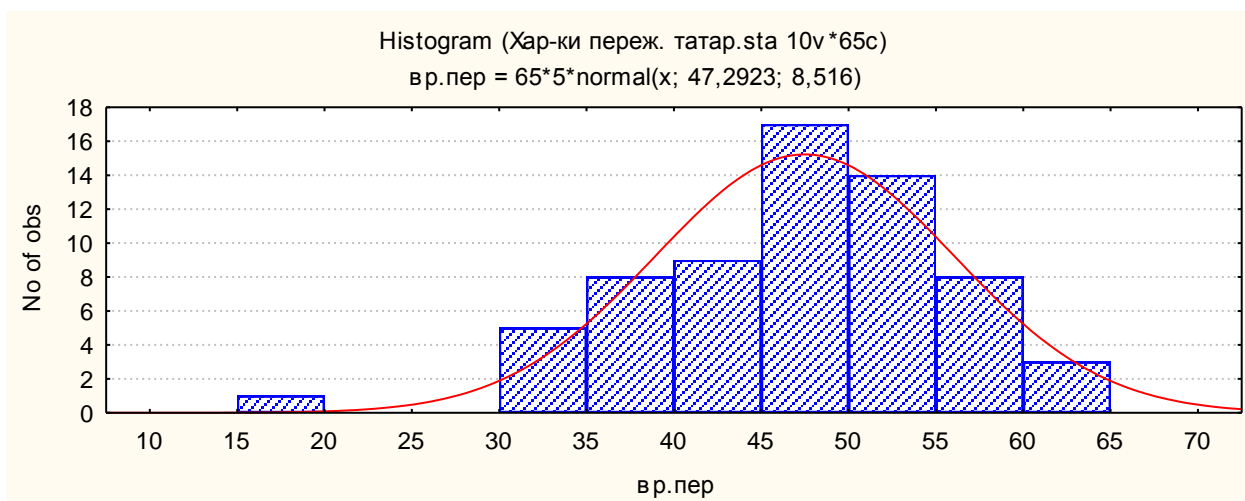
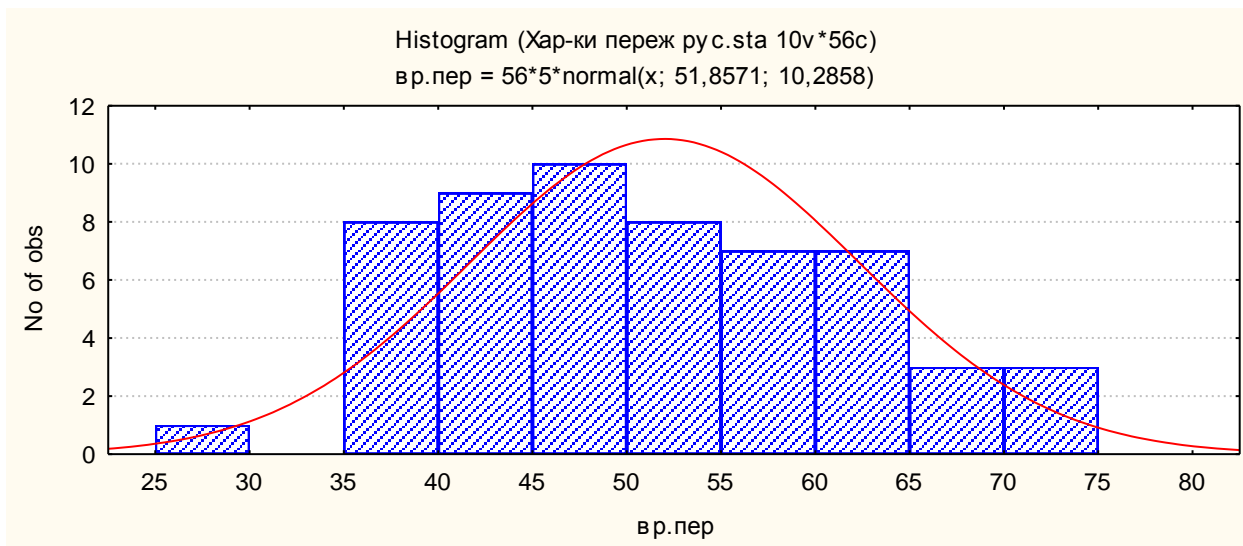

Рис. 17. Гистограмма значений временных характеристик переживаний субъектов татарской национальности.

Ри

с. 18. Гистограмма значений временных характеристик переживаний субъектов русской национальности.

Анализ рис.17, 18 показывает, что в ощущении времени студентов-татар отсутствует тенденция к излишнему ускорению внутренних и внешних событий. Ощущение времени внутреннего и внешнего более сбалансировано.

Психические состояния не показали такую тесную связь с центральными Я-функциями по Г. Аммону, что подтверждает его представление о вторичном характере психических состояний индивида.

Можно отметить, что переживания субъекта тесно связаны с центральными Я-функциями и осуществляют их связь со вторичными Я-функциями, в частности с психическими состояниями субъекта. Особенно выражена связь энергетических характеристик переживания с сущностью человека. Способность к энергетически выраженным переживаниям может отражать степень развитости и функциональность сущностных структур. На актуализацию пространственно-временной составляющей переживания оказывает влияние степень развития, гибкость, пластичность, проницаемость внешних границ Я. Временные характеристик переживаний показали особую взаимосвязь с отношениями индивида с внешней средой.

Был проведен кластерный анализ взаимоотношений пространственных, временных, энергетических и информационных составляющих переживаний национальности субъектов татарской и русской субкультур.

Кластерный анализ показал, что *когнитивная (информационная)* составляющая переживания связана с национальностью человека. На пространственно-временные и энергетические составляющие переживания субъекта национальность влияние не оказывает (рис.19).

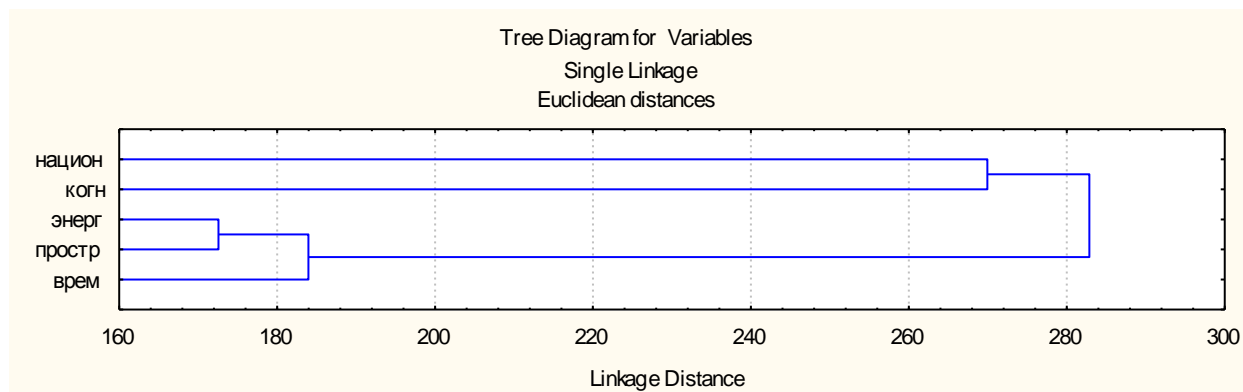

Рис. 19. Кластерный анализ отношений пространственно-временных и информационно-энергетических составляющих переживания и национальности субъекта.

Схожие результаты показал и факторный анализ. Данные показывают что, культуральные факторы оказывают влияние на информационную составляющую переживания. По всей видимости, здесь имеет значение психолингвистический аспект информационных отношений, так как система языковых значений разных культур сильно отличаются. К тому же гистограмма значений когнитивной составляющей переживания показала два пика значений у студентов татарской национальности (рис. 20).

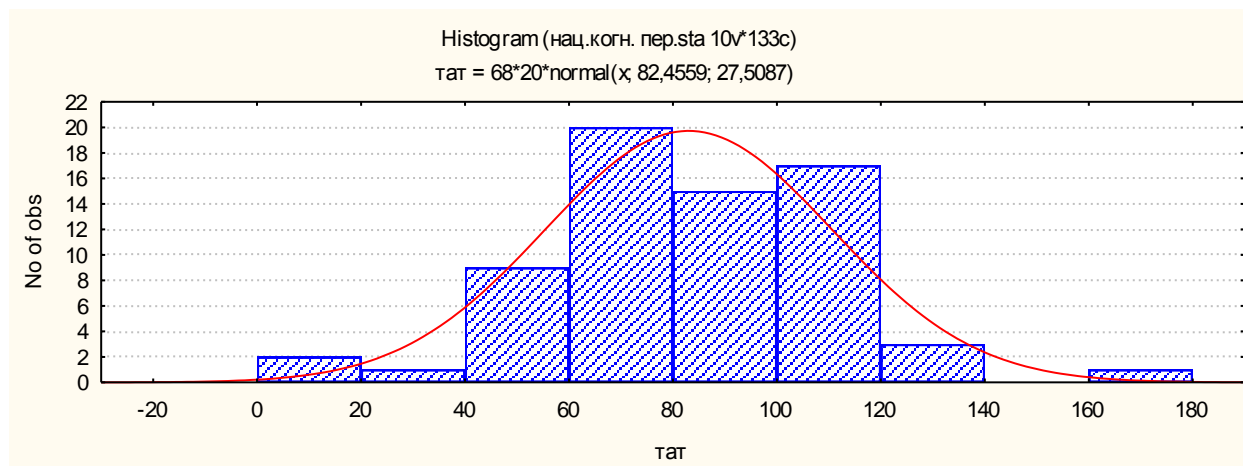

Рис. 20. Гистограмма значений когнитивной составляющей переживаний у студентов – татар.

Данные свидетельствуют о наличии двух относительно независимых выборок студентов татар, большая часть которых показала когнитивную составляющую переживаний на сравнительно низком уровне. Когнитивная составляющая

показывает меру осознанности переживаний. Вторая часть выборки соответствует высокому уровню функционирования когнитивной составляющей переживания. Студенты русской национальности показали один пик значений, промежуточный по отношению к показателям первой и второй выборки студентов-татар (рис. 21).

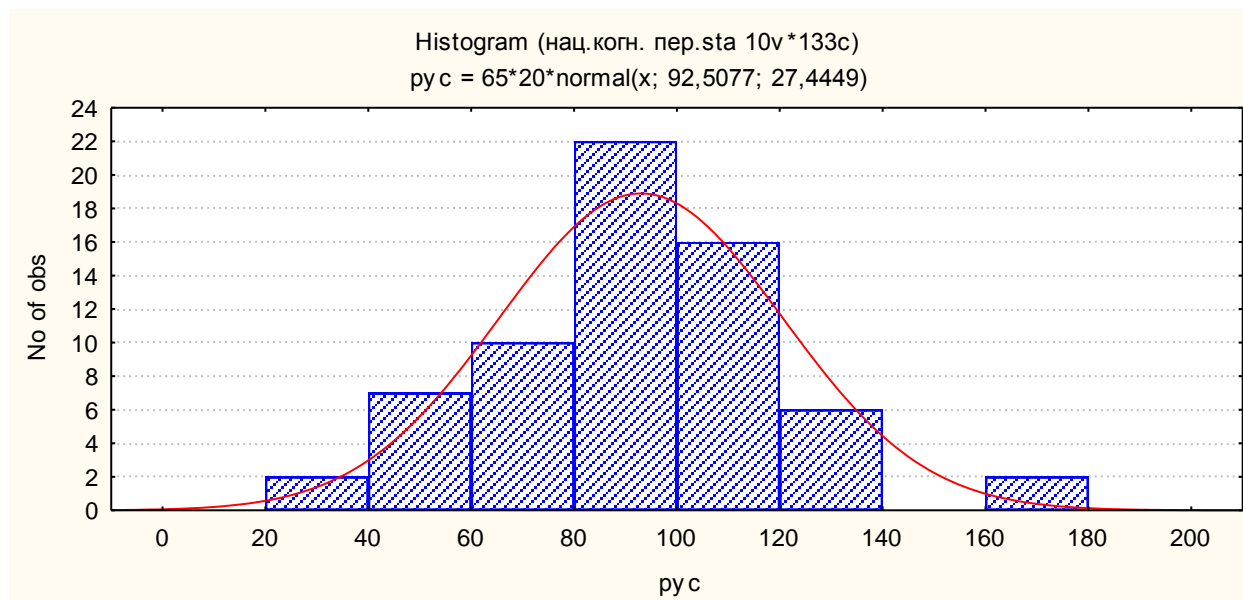

Рис. 21. Гистограмма значений когнитивной составляющей переживаний у студентов русской национальности.

Таким образом, можно предположить, что пространственно-временные и энергетические характеристики переживаний являются более универсальными и независимыми по отношению к национальности субъекта. Когнитивные составляющие переживаний, связанные с переработкой, оценкой, интерпретацией переживаемой информации больше подвержены воздействиям культурной принадлежности индивида.

Подводя итоги исследований, можно сделать следующие выводы: на развитие особенностей сущностных структур субъекта оказывает влияние социальная среда, в том числе национально-культурные особенности воспитания. Переживание субъекта, являясь функцией, органом восприятия, плотью сущности человека, обнаружило свои особенности в зависимости от национально-культурных условий формирования личности. В то же время, были выявлены общие тенденции в формировании границ Я и в процессе переживания субъектов татарской и русской национальности. Данные

исследования показывают, что нахождение в едином пространстве России и в едином континууме исторического времени, проявило схожее развитие многих личностных особенностей представителей обеих национальностей.

Литература:

1. Дмитриева Т.Б. Я-структурный тест Амона. Опросник для оценки центральных личностных функций на структурном уровне. Пособие для психологов и врачей. Санкт-Петербург, 1998.
2. Прохоров А.О. Психические состояния и их функции. Казань, Изд-во Казанского педагогического института, 1994.
3. Василюк Ф. Е Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. - М., Изд-во МГУ, 1984.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии, т. 1 - М., «Педагогика», 1989.
5. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.
6. Юнг К.Г. Феномен духа в искусстве и науке. М., 1992.
7. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994.
8. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1994.
9. Ассаджиоли Р., Ферутто П, Йоуменс Т., Крэмpton М. Психосинтез: Теория и практика. М., 1994.
10. Боуэн М. В.-Б. Духовность и личностно-центрированный подход//Вопросы психологии. – 1992.- №3-4.

§ 5. Самосознание этноса и этноидентификация

В психологической литературе самосознание рассматривается как «неотъемлемая сторона, аспект или грань сознания общественно развитого 'человека» (4, с. 149). Если сознание есть субъективный механизм ориентировки человека в окружающем мире, то самосознание есть ориентировка его в собственной личности. «Самосознание - это осознание и оценка человеком своих действий и их результатов, мыслей, чувств, морального облика и интересов, идеалов и мотивов поведения, целостная оценка самого себя и своего места в жизни» (4, с. 148-149).

В генетическом плане процессу формирования, самосознания индивида в родовом обществе предшествовал процесс формирования самосознания всего рода. Сущность родового самосознания заключалась в том, что каждый член рода мысленно не выделял себя из той родовой группы, к которой принадлежал, а, наоборот, отождествлял себя со всей группой. В результате групповое самосознание членов рода не только формировалось раньше индивидуального, но принималось и усваивалось каждым членом рода как свое собственное самосознание, как свое «Я». Подобным образом позднее, в процессе появления племенных союзов, а затем и этносов формирование самосознания всего племени и этноса предшествовало формированию самосознания отдельных его членов. Коллективное племенное и этническое самосознание определяло самосознание каждого члена племени и этноса. «Следовательно, самосознание может носить не только личный, но и общественный характер. Мы говорим, например, о классовом и национальном самосознании» (4, с. 169). Однако следует иметь в виду то, что в процессе смены общественных формаций и ослабления под влиянием социальных факторов родовых, племенных и этнических связей и отношений происходило ослабление и коллективного самосознания членов рода, племени, этноса, эмансипирование индивидуального самосознания от коллективного.

«Каждая исторически сложившаяся нация, - пишет А.Г.Спиркин, - в лице наиболее передовых представителей поднимается до осознания своих общенациональных интересов, особенностей своей культуры, традиций и перспектив развития» (4, с. 169). Осознание нацией самой себя есть одновременно и процесс осознания каждым представителем этой нации своей принадлежности к данной нации, своих национальных особенностей и достоинств. **Такое осознание индивидом своей этнической принадлежности и национальных достоинств происходит путем идентификации индивидом своего субъективного «Я» с идеальным обобщенным представлением о своем народе, с идеальным образом человека своей национальности.**

Каждый народ создает свой собственный обобщенный образ - идеал своего народа. Выдающийся педагог прошлого столетия А.В.Луначарский писал, что каждому народу приходилось определять то, каким должен быть представитель этого народа, каждый народ создавал свой собственный идеал человека (2, с. 194). Этот образ - идеал того или иного народа находит творческое отражение и развитие в образах устного народного творчества (сказках, легендах, былинах, сказаниях, поэмах и т.д.). В них, т.е. образах воплощаются исторически сложившиеся у отдельного народа представления о лучших, идеальных качествах данного народа, дух народа.

Идеал человека у каждого представителя отдельного народа формируется с детских лет под сильным воздействием национальной культуры, народного эпоса, семейного воспитания и постепенно приобретает общенациональный характер.

Образ личности, объединяющий в себе все лучшие качества представителей отдельного народа и создаваемый этим народом, в сущности является образом коллективного идеального «Я» (рис.1). **Образ коллективного**

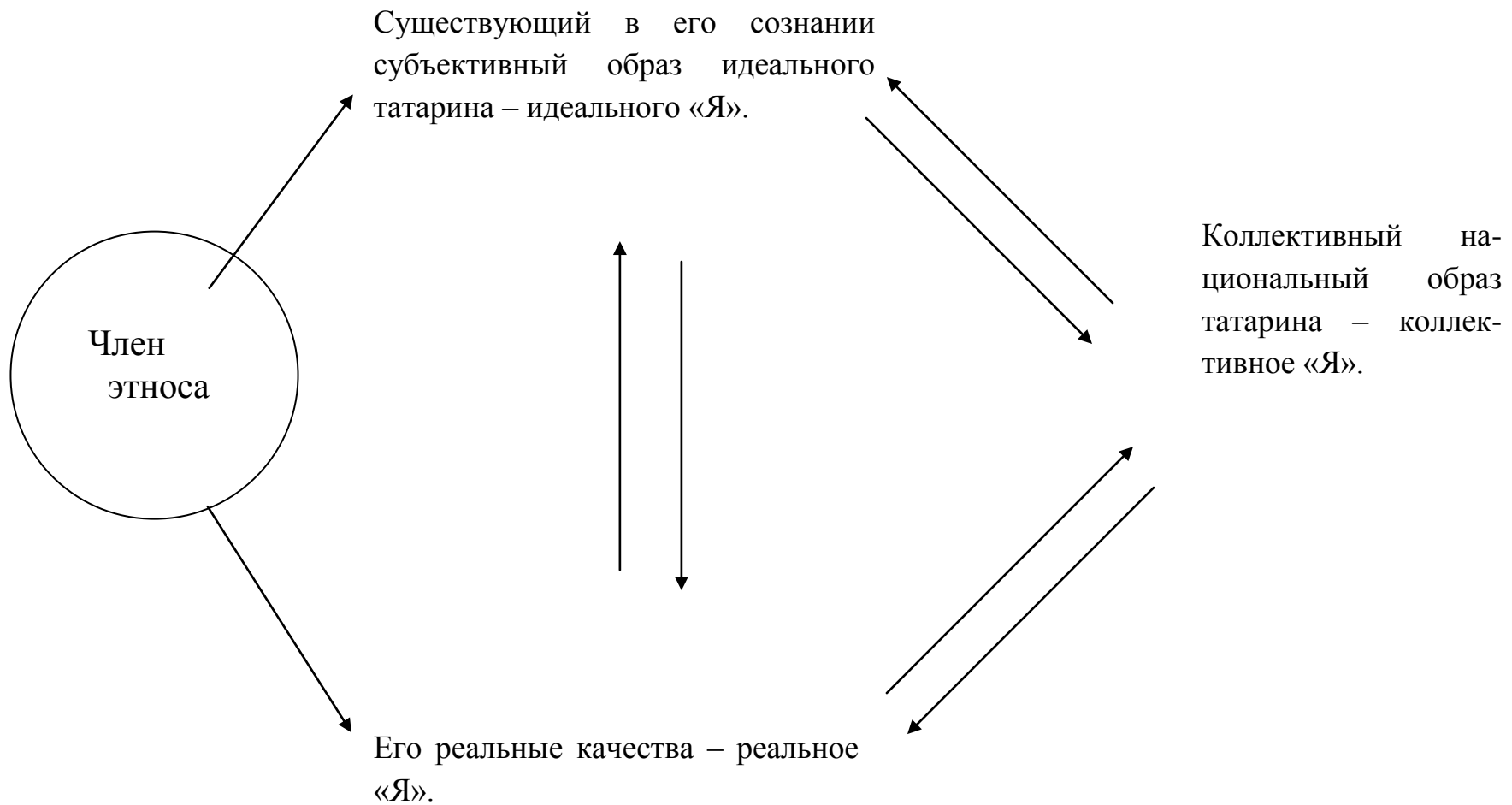

Рисунок 1. Формирование образа «Я» этносов.

идеального «Я» возникает и исторически формируется в сознании отдельного народа и он является центральным компонентом, ядром национального самосознания, трансформируемым в понятие «Мы».

Этот компонент национального самосознания этноса оказывает сильное влияние на формирование национального самосознания каждого члена этноса. В зависимости от степени духовной приобщенности индивида к своему этносу он, во-первых, в той или иной мере идентифицирует себя, свои реальные качества с субъективным образом идеального носителя личностных и национальных качеств своего народа, во-вторых, идентифицирует свои реальные качества и свое идеальное этническое «Я» с коллективным национальным образом «Я». Безусловно, результаты такого идентифицирования во многом будут зависеть от уровня притязаний, адекватности самооценки, способности к рефлексии и других качеств субъекта. В зависимости от уровня притязаний, самооценки, развитости рефлексии, критичности и характера мотивации каждый человек совершенно в разной степени идентифицирует себя со своим идеальным этническим «Я» и коллективным этническим «Я».

В одних случаях, когда национальное самосознание и национальная свобода какого-либо народа подавляются другим народом, обладающим имперскими правами в многонациональном государстве (как в России), у представителей этого народа могут развиваться национальный пессимизм, ощущение своей неполноценности, неверие в возможность национального возрождения, заниженная самооценка. Подобное психическое состояние отдельного народа, получившее, название этнонигилизм, может быть длительным и устойчивым. Этнонигилизм был характерным и длительным психическим состоянием многих народов и народностей, исторически обреченных на существование в рамках Российской империи, не случайно прозванной тюрьмой народов.

В последнее время в связи с усилением имперских амбиций России по отношению к малым народам, населяющим территорию России, эти народы, в

частности народ Татарстана, теряют завоеванное в 90-е годы право на суверенитет, национальную независимость. Данная ситуация порождает у населения, особенно татарского, состояние пессимизма, неверие в возможность решения проблем национального возрождения. Можно констатировать сейчас у определенной части татар, живущих в республике, наличие негативного настроения национального пессимизма и нигилизма.

Совершенно иную природу имеет этнопсихологический феномен, получивший название этноизоляционизм. Стремление какой-то национальности изолироваться от других национальностей имеет географические, исторические, экономические и социально-психологические предпосылки. Этноизоляционизм объясняется стремлением национальной общности сохранить свою независимость, избежать ассимиляции, не утратить своей самобытности, национальной культуры.

Этноизоляционизм обусловлен также национальным складом характера народа. Так, стремление китайской нации на протяжении столетий изолировать себя от проникновения европейской цивилизации объясняется, во-первых, настойчивыми попытками европейских стран превратить Китай в их колониальный придаток, во-вторых, особенностями национального характера китайцев, а именно их консерватизмом и чувством самодостаточности. Особенности национального характера, в частности обостренные чувства свободы и независимости, воинственный нрав и консерватизм, являются причиной изолированного образа жизни некоторых народов и племен, проживающих в труднодоступных географических районах (горных районах, джунглях) земного шара. Между национальным складом характера, этнонигилизмом и этноизоляционизмом, несомненно, имеется причинно-следственная связь. Этноизоляционизм является не в малой степени и проявлением национального характера.

В обыденном сознании допускается отождествление стереотипного образа какого-либо народа, сформированного у других народов, и характера этого народа. Образ какого-либо народа в нашем сознании, как уже говорилось

выше, есть не что иное как наше коллективное представление, то есть обобщенный образ, о данном народе, о его наиболее существенных чертах. Такой образ формируется вначале в индивидуальном сознании представителей одного народа, затем по мере синтеза этих образов формируется обобщенный образ, отражающий духовный склад и вместе с тем склад характера народа, который является предметом сравнения. Обобщенный образ, формируемый таким путем у одного народа о другом народе есть результат идентификации себя, одного народа с другим народом. Образ одного народа, возникающий в процессе идентификации в сознании другого народа является безусловно, субъективным образом, результатом синтеза множества субъективных мнений об особенностях определенного народа.

В отличие от такого субъективного образа **национальный характер – это совокупность объективно присущих какому-то народу качеств, проявляющихся в его отношениях к окружающей действительности, в деятельности, общении, в способах поведения, а также в обычаях, традициях, привычках и в эмоциональной сфере.** Таким образом, надо отличать национальный характер как совокупность устойчивых исторически сложившихся качеств отдельного народа, проявляющихся в отношениях к окружающему, в деятельности, общении, в способах поведения и т.д., и образ этого народа, формирующийся в обыденном сознании других народов. «Стереотипный образ той или иной этнической группы, существующий в массовом обыденном сознании, всегда отражает характер взаимоотношений с этой группой» (З, с. 149). Так, характер взаимоотношений русского и татарского народов, сложившийся в историческом прошлом, до сих пор проявляется в стереотипном образе русского, формирующемся в сознании современных татар, и образе татарина, формирующемся в обыденном сознании почти каждого русского. Взаимоотношение этих двух народов имело в прошлом и драматические периоды, связанные с колониальной руссификаторской политикой Российской империи по отношению к татарам и

другим малым народам. Вместе с тем в исторических судьбах и характере русского и татарского народов немало общего. Этим, видимо, можно объяснить толерантность русских и татар по отношению друг к другу в регионе Татарии.

Формирующиеся в обыденном сознании стереотипные обобщенные образы - представления о духовном облике и характере какого-либо народа «всегда имеют ценностный, оценочный характер и соотносятся, осознанно или неосознанно, с какими-то представлениями об особенностях своего собственного народа» (3, с. 144). «Эти представления являются психологическими образованиями массового сознания в виде конкретизированных упрощенных образов своего народа, щедро наделенных положительными чертами в количествах, которые намного превосходят аналогичные черты в представлениях о других народах» (3, с. 145).

Склонность создавать образ, рассматривать и оценивать качества другого народа сквозь призму ценностей и особенных качеств своего народа называется этноцентризмом. Суть этноцентризма сводится к тому, что собственная этническая общность рассматривается как центр, вокруг которого группируются и которому должны подчиняться все другие этнические общности. Мнение о достоинствах своего народа при этом оказывается намного завышенным, а о достоинствах другого народа намного заниженным. Этноцентризм наиболее выражено проявляется у тех народов, которые в процессе своего исторического развития становились поработителями других народов, превращаемых в подданных и рабов колониальных империй. Такими многонациональными империями были в свое время Римская империя, Британская империя, империя Габсбургов, Российская империя и др. Хорошо известно, насколько возвеличивали свои достоинства римляне по сравнению с завоеванными ими другими народами - "варварами". Английские колонизаторы также непомерно возвеличивали свою нацию, относя завоеванные огнем и мечом ими народы к низшим неполноценным существам. Такое же отношение к нерусским народам было

традиционным и в Российской империи, где великорусский шовинизм был возведен в ранг официальной идеологии. В Германии в период нацизма национальный эгоцентризм проявился в крайне гипертрофированной форме – форме пропаганды расового превосходства немецкой нации над всеми другими народами мира.

Обращение к историческому прошлому своего народа было характерно для немцев и в период начавшейся в середине XIX в. идейной и политической борьбы за воссоединение немецких земель и создание единого германского национального государства. Обращение в настоящее время к историческому прошлому татарского народа, к героическим событиям и личностям истории татар, сильно проявляющееся в сфере исторических исследований, этнографии, литературе и искусстве, **имеет целью духовно консолидировать татарский народ вокруг национальных идей, активизировать развитие национального самосознания и усилить стремление, особенно молодежи, к завоеванию национальной независимости. Однако чрезмерное акцентирование внимания на героической истории татарского народа и допускаемая в этих случаях идеализация истории могут привести к развитию национального фанатизма и отвлечению молодежи от решения современных проблем.**

В истории того или иного этноса бывают периоды застоя, национального упадка и поражений, что порождает национальный пессимизм и заниженную оценку этносом своих возможностей, своего "Я". Ослабевают чувство национальной принадлежности, национальное самосознание. Вместе с тем бывают исторические периоды национального, духовного и экономического подъема этноса, периоды пробуждения национального самосознания, сопровождаемые ростом общественно-политической активности, национального оптимизма, самовозвеличиванием этноса, национальным фанатизмом и эйфорией. В эти периоды члены этноса, особенно молодежь, устремляющаяся к большим национальным и политическим идеям, склонны идентифицировать себя с идеализированными

образами национальных героев, как романтического прошлого, так и настоящего своего этноса. Тенденция идеализировать историческое прошлое своего народа и идентифицировать себя с образами из истории своего народа, характерная сейчас для определенной части татар, имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Национальный фанатизм надо рассматривать как психическое заражение определенной части граждан, стимулируемое распространением интенсивно пропагандируемых идей национальной независимости, свободы и национального возрождения. Национальные идеи, например, национального объединения, национальной независимости и другие, всегда являлись неременным компонентом национального сознания и самосознания того или иного народа. Национальные идеи активизировали национально-освободительное движение угнетенных народов в разные исторические эпохи. **В зависимости от конкретной исторической ситуации и характера национального движения национальные идеи играли или прогрессивную роль, способствуя национальному прогрессу, завоеванию независимости, свободы, или, наоборот, регрессивную роль, затормаживающую национальный прогресс.** Если национальная идея заключается главным образом в идеализации исторического прошлого народа, непомерном возвеличивании этого исторического прошлого, то такая идея может отвлечь данный народ от насущных современных проблем его развития. Стремление возродить историческое прошлое своего народа в настоящее время в России приобретает нередко характер идеализации и восхваления древних традиций, обычаев, эпических героев, отдельных исторических событий и правителей прошлого. Жестокие и бездарные цари, реакционные политики и авантюристы возводятся в ранг национальных героев, канонизируются церковью в качестве «святых». Так, национальными героями и «святými» были объявлены Екатерина II и Николай II, хотя Екатерина II была известна жестоким подавлением крестьянских восстаний, укреплением крепостнической эксплуатации, своим распутством и

лицемерием, а Николай II еще при жизни получил прозвище «кровавого Николашки».

Кампания возвеличивания исторического прошлого России, наблюдаемая сейчас, имеет реальную цель - возрождение былого величия Российской империи, что позволит расширить ее имперские притязания по отношению к другим народам. Стремление же официальной идеологии повернуть интерес и активность молодежи в сторону «великого исторического прошлого» России должно помочь отвлечь молодое поколение от насущных социальных проблем современности.

Помимо национальной идеи величия исторического прошлого своего народа есть и другие идеи, которые тоже являются органическими компонентами национального самосознания. К числу их надо отнести в частности следующие:

1. Идея национальной независимости и свободы.
2. Идея национального возрождения.
3. Идея национального единства.
4. Идея национального превосходства, избранности нации.

Эти идеи могут играть как прогрессивную роль, так и регрессивную. В одних исторических ситуациях отдельные из них становятся движущими силами национального движения, в других ситуациях - становятся тормозящим общественный прогресс и даже реакционным фактором. Так, во второй половине XIX в. идея воссоединения разрозненной на множество герцогств и княжеств Германии в единое государство имела, безусловно, прогрессивное значение. Однако идея воссоединения немецких земель и германского возрождения в XX в. была использована идеологами фашистской Германии в агрессивных и реакционных целях. В XIII - XIV вв. идея объединения многочисленных русских княжеств в единое централизованное русское государство была очень прогрессивной идеей, когда же такое централизованное государство было создано, то сама идея стала использоваться для присоединения к Русскому государству других

народов (татар Поволжья, народов Сибири и т.д.). Притом «присоединение» сопровождалось нередко расправой над целыми народами.

Идея национального превосходства исторически развивалась у некоторых европейских народов, относящих себя к избранной, высшей расе в отличие от неевропейских, азиатских и африканских народов, относимых к "низшим" расам. Эта идея с начала возникновения Британской империи стала характерной чертой национального самосознания англичан.

Для этнопсихологии очень важным является тот факт, что всякая национальная идея в своем развитии проходит несколько более или менее длительных этапов.

Первый этап. Он характеризуется тем, что национальная идея вначале осознается отдельными представителями этноса, а затем и всем этносом. Так возникает общенациональная идея.

Второй этап. После осознания национальной идеи у каждого отдельного представителя этноса возникает более или менее выраженное стремление осуществить эту идею. Это стремление отдельных людей постепенно перерастает в общенациональное стремление и **оно становится движущей силой национального освободительного процесса и национального единения.** Активизирующая и революционизирующая роль национальных идей (национальной независимости национального возрождения и т.д.) достаточно сильно проявляется сейчас в ряде национальных регионов России, ведущих борьбу за свой суверенитет.

Третий этап. Он характеризуется тем, что стремление какого-либо народа осуществить ту или иную национальную идею в условиях обострения борьбы за эту идею приводит к психическому заражению целого народа. Такое психическое заражение спонтанно возникает в ситуациях стихийных коллективных выступлений националов, представляющих из себя нередко националистически настроенную толпу. В социальной психологии толпа рассматривается как временная неорганизованная общность, спонтанно

возникающая под воздействием психического заражения какой-то общей идеей и одинаково реагирующая на внешние воздействия.

Психическое заражение группы людей, например, толпы, имеет тенденцию быстро распространяться, охватывая все более широкий круг людей. В какой-то момент психическое заражение идеей, например, идеей свободы и независимости, внутри этнической общности достигает кульминации, высшей точки и тогда создается взрывоопасная ситуация в регионе. Взрывоопасная ситуация может привести к взрыву национального недовольства. Такая взрывоопасная ситуация под влиянием психического заражения идеей национального суверенитета сложилась в 80-е годы прошлого века в Татарии. Однако дальнейшее развитие событий привело к ослаблению и частичному снятию национального конфликта и психическое заражение постепенно стало спадать. Это не значит, что идея национальной независимости потеряла свою значимость и актуальность для татар. Идея национальной независимости или другая национальная идея включается в национальное самосознание личности и постепенно становится неременным компонентом самосознания личности.

Четвертый этап. На этом этапе стремление к осуществлению национальной идеи, которое надо рассматривать как устойчивое мотивационное состояние, постепенно трансформируется в личностное качество и, как было сказано выше, становится компонентом национального самосознания личности.

Судя по охарактеризованным выше этапам развития национальной идеи, можно сделать заключение, что любая подобная объективно существующая общенациональная идея, осознаваемая и принимаемая субъектом, вызывает стремление последнего осуществить эту идею. Далее субъективная идея объективизируется в коллективное стремление большей или меньшей части людей одной национальности. Коллективное стремление в условиях обострения национального конфликта приводит к психическому заражению целого народа национальной идеей. Коллективное стремление к

идее и спонтанно возникающее в определенных условиях состояние массового психического заражения национальной идеей оказывает сильное влияние на сознание и самосознание каждого члена этноса. В этом случае происходит обратный процесс субъективации объективно существующей в коллективном сознании идеи в личностные качества членов этноса, в определенные этнопсихологические взгляды, убеждения, стремления, цели, идеалы и т.д.

Рассмотрение компонентов национального самосознания было бы неполным, если бы мы ограничились о данных компонентах лишь вышеизложенным. Есть еще один компонент национального самосознания - **это осознание себя как носителя культуры, духовного наследия своего народа**, осознание ответственности за сохранение и развитие данной культуры. Некоторые исследователи считают это качество главным и единственным показателем сформированности национального самосознания. «Национальное самосознание личности следует рассматривать как результат ее самореализации на уровне осознания себя (самоидентификации) как носителя культуры своей нации, что выражается в знании, чувстве привязанности и уважении к родному языку, национальным обычаям и традициям, к родине, месторасположению своих предков, к природе родного края, этикету, национальному искусству и т.п.» (1, с.12). Осознание личностью себя как носителя культуры своего народа, бесспорно, весьма существенный, хотя не единственный признак сформированности национального самосознания. **Наличие в самосознании личности идеального образа человека его национальности, потребность идентифицировать себя с этим образом и стремление осуществить национальные идеи и идеалы являются не менее важными компонентами национального самосознания.**

Осознание себя как носителя культуры своего народа - это сложный процесс духовного саморазвития личности, самореализации себя путем приобщения к языку и духовному наследию своего народа. Данный процесс

состоит из нескольких последовательных уровней творческого освоения личностью культуры своего народа. **Первый уровень**, начинающийся с дошкольного детства, связан с творческим восприятием и усвоением художественных образов и идей (нравственных, эстетических и др.) устного народного творчества, формированием на этой основе представлений и понятий о прошлом и настоящем своего народа, о его самобытном искусстве, о национальных идеалах, традициях, о национальном характере и т.д.

Второй уровень, являющийся органическим продолжением первого, связан с формированием отношения личности в процессе ее самореализации к своей национальной культуре, к родному языку, историческому прошлому и искусству своего народа. В зависимости от ряда факторов и в первую очередь этносоциальной среды и семейного воспитания отношение человека к культуре и языку своей национальности может быть положительным, активным и творческим или, наоборот, безразличным и даже отрицательным. При активном творческом отношении человека к культуре и языку он становится основой творческого саморазвития личности. Усваивая с детских лет язык и культуру своего народа человек постепенно развивает в себе присущее данному народу мировосприятие и миропонимание, постигает философию своего народа, вырабатывает национальные взгляды и убеждения, определяет свои личностные позиции и, наконец, пытается найти свое "место" в современной для него культуре.

Третий уровень. По мере осознания своего отношения к национальной культуре, к овладению родным языком человек определяет свое «место» в этой культуре и включается в виды деятельности, связанные с развитием национальной культуры. В результате процесса «вхождения» в национальную культуру человек сам становится более или менее активной и деятельной частью этой культуры. В его самосознании индивидуальное «Я» в какой-то мере вытесняется коллективным образом «Мы», олицетворяющим принадлежность индивида к культуре определенной нации.

Проведенные нами наблюдения и диагностические эксперименты позволили установить то, что уровень национального самосознания студентов, в частности татар, оставляет желать лучшего. Правда, большинство студентов идентифицируют себя со своим народом, выражают чувство принадлежности к татарскому народу, мыслят и говорят по татарски, увлекаются современным татарским искусством. Однако, некоторые существенные компоненты национального самосознания при обследовании у студентов не проявились. Во-первых, у большинства студентов оказался несформированным образ идеального человека татарской национальности - идеальное «Я». Не было у них представления и о том, какими идеальными качествами наделяет татарский народ личность настоящего интеллигентного татарина, то есть не было представления о коллективном идеальном «Мы». Во-вторых, национальные идеи татарского народа студенты сводили лишь к идее национальной независимости. О других идеях многие студенты ничего сказать не смогли. В-третьих, отношение к национальной культуре в большинстве случаев ограничивалось интересом к современной эстрадной музыке и массовым развлекательным программам.

Рассмотрим результаты одного из проведенных анкетных опросов студентов факультета татарской филологии Казанского государственного педагогического университета. Студентам II и III-го курсов общей численностью около 200 человек было предложено в письменной форме ответить на три вопроса:

1. Какие качества должны воспитывать у детей в татарской семье?
2. Какие качества воспитывали родители у Вас?
3. Какие качества личности должны быть сформированы у настоящего татарского интеллигента?

Анализ ответов на 1-ый вопрос показал, что студенты, в большинстве своем выросшие и воспитанные в сельских татарских семьях, не видят существенного различия между тем, какие качества должны воспитываться у детей в татарской семье и какие качества воспитывали родители у них.

Однако при ранжировании этих качеств в зависимости от степени значимости различия все же проявились.

Какие качества должны воспитывать у детей в татарской семье:

1. Знать родной язык.
2. Знать историю, обычаи и традиции своего народа, следовать этим обычаям и традициям.
3. Уважать и почитать старших.
4. Любить свой народ и свой родной край.
5. Быть культурным и воспитанным.
6. Стремиться к знаниям, к получению образования.
7. Быть терпеливым и выдержанным.
8. Быть верующим.
9. Быть честным.
10. Быть трудолюбивым.

Какие качества воспитывали родители у Вас?

Последовательность ответов студентов на этот вопрос была несколько иной:

1. Трудолюбие.
2. Уважать и почитать родителей и старших.
3. Быть культурным и воспитанным.
4. Стремиться к знаниям, к получению образования.
5. Любить свой народ и свой родной край.
6. Знать хорошо свой родной язык.
7. Знать национальные обычаи, традиции и обряды, соблюдать их.
8. Быть верующим.
9. Быть честным.
10. Быть терпеливым и выдержанным.

Как видим, студенты татфака указали на одни и те же качества, отвечая на вопросы, какие качества должны воспитывать у детей в семье и какие качества воспитывали родители у Вас? Однако, отвечая на 2-ой вопрос,

студенты указали в первую очередь на качества, которые являются наиболее почитаемыми в татарских семьях. Отвечая на 1-ый вопрос, студенты вообще упустили некоторые личностные качества, которые должны воспитывать родители у детей в татарской семье. Так, никто почти не указал на весьма важные личностные качества:

- а) осознание своей принадлежности к определенной национальности, идентификация себя со своим народом,
- б) наличие национального человеческого идеала,
- в) чувство близости к своему народу, сопереживание с ним его судеб и проблем,
- г) стремление к осуществлению национальных идей,
- д) чувство долга и ответственности перед народом,
- е) развитие с ранних лет национальной эстетической культуры,
- ж) вера в будущее своего народа.

В своих ответах на 3-й вопрос «Какие качества личности должны быть сформированы у настоящего татарского интеллигента?» студенты в большинстве своем указали на качества, перечисленные при ответе на 1-ый вопрос анкеты. Притом, в первую очередь выделили такие личностные качества, необходимые для татарского интеллигента:

- а) быть образованным,
 - б) быть культурным и воспитанным,
 - в) знать хорошо родной язык,
 - г) знать историю, обычаи и традиции своего народа,
 - д) уважать и почитать родителей и старших,
 - е) иметь и развивать духовные потребности,
 - ж) знать и любить национальную литературу и искусство,
8. Уважать религию
 9. Быть выдержанным, тактичным.
 10. Быть честным и правдивым.

Сравнивая ответы студентов на 1-ый и 3-ий вопросы, можно легко убедиться в том, что студенты почти отождествляют личностные качества, которые должны воспитываться у детей в татарской семье, и личностные качества, которые должны быть сформированы у татарского интеллигента. Преемственность между воспитанием детей в семье и формированием интеллигента, безусловно, должна быть, однако понятие интеллигентность включает личностные качества, которые формируются не столько в семье, сколько в процессе духовного саморазвития, нравственного самоусовершенствования и самовоспитания. К этим качествам, которыми должен обладать интеллигент любой национальности, следует в первую очередь отнести:

1. Широкая эрудированность и образованность.
2. Наличие разносторонних духовных потребностей.
3. Высокий уровень культуры поведения (вежливость, тактичность, скромность и т.д.).
4. Нравственная чистоплотность и порядочность.
5. Уважение к личности другого человека, эмпатийная интенция.
6. Наличие идеалов (общественно-политических, национальных, нравственных, эстетических) и стремление их осуществить.
7. Знание родного языка, национальной культуры и любовь к своему народу.
8. Соблюдение национальных обычаев, традиций и обрядов.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

Национальное самосознание является сложным системным компонентом самосознания личности, имеющим свои особенности и структуру. Ядром национально самосознания является идеал человека, представляемый данным народом и объединяющий лучшие качества этого народа. Подобный идеал человека, являющийся в сущности образом коллективного идеального «Мы», существует в сознании каждого народа и оказывает сильное влияние на формирование самосознания членов этноса, а именно формирование образа

идеального «Я». Каждый член этноса идентифицирует свое идеальное «Я» с коллективным общенациональным «Мы». В результате такого идентифицирования общенациональный идеал человека, существующий в коллективном сознании, творчески преобразуется в индивидуальном сознании членов этноса. Происходит своеобразный синтез коллективного общенационального «Мы» и индивидуально-личностного «Я». В процессе идентификации и синтеза общенационального «Мы» и индивидуального «Я» у членов этноса развиваются определенные отношения как к своему народу, так и к другим народам, а также определенные настроения: этнопессимизм, этноизоляционизм, этноцентризм, национальный фанатизм и т.п. Эти более или менее устойчивые отношения и настроения обусловлены историческими условиями развития этноса, а также характером возникающих в обществе конкретных социально-политических ситуаций.

Важнейшим компонентом национального самосознания являются национальные идеи. В зависимости от конкретной исторической ситуации и характера национального движения национальные идеи играют или прогрессивную роль, становясь революционизирующей, движущей силой национального движения, или, наоборот, регрессивную роль, затормаживающую национальный прогресс. Национальная идея проходит несколько этапов в своем развитии: от осознания и "принятия" идеи личностью к стремлению ее осуществить и далее к психическому заражению этой идеей членов этнической общности, которое может оказаться весьма длительным и устойчивым.

Есть еще один далеко не последний компонент национального самосознания - это осознание себя как носителя культуры своей нации, осознание своей ответственности за сохранение и развитие культуры своего народа. Осознание себя как носителя культуры своей нации является сложным процессом духовного саморазвития индивида, самореализации себя путем приобщения себя к языку, творческому наследию, литературе и искусству народа. Данный процесс состоит из нескольких последовательных

уровней: а) творческое усвоение национальной культуры путем познания истории ее развития, восприятия и понимания ее идей, содержания и форм, включения в виды культурной деятельности, б) формирование активного личностного отношения к национальной культуре, эстетических взглядов, убеждений, потребностей, ценностных ориентации и т.д., в) определение своего "места" в развитии культуры и включение в деятельность, связанную с развитием национальной культуры. В процессе и результате подобной деятельности человек сам постепенно становится частью этой культуры.

Литература:

1. Гизатуллина Н.М. Традиции татарской народной педагогики как средство формирования национального самосознания у учащихся подростков. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Казань, 1999. С. 12.
2. Луначарский А.В. Что такое образование? Хрестоматия по истории советской школы и педагогики. - М.: Просвещение, 1972.
3. Социальная психология /Под ред. Г.П. Предвечного и Ю.А.Шерковина. М.: Политиздат, 1975.
4. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972.

ГЛАВА 2

ПРИКЛАДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОПСИХОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА

§ 1. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА СТУДЕНТОВ ТГГПУ ТАТАРСКОЙ И РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

В настоящее время проблема духовно-нравственного развития личности занимает одно из основных мест в системе научно-психологического и педагогического знания [1], [7], [15], [18], [19], [22]. В основе различных психологических и социальных направлений лежит поиск путей духовно-нравственного развития человека.

Особенно остро стоит проблема духовно-нравственного развития человека в современном обществе, где преобладающей является тенденция приоритета материального обеспечения над духовным развитием. Приоритет материальных ценностей над духовными в мировоззрении молодых людей ведет к тому, что в обществе царят преступность, невежество, антигуманность, эгоизм и др. [1]. Все большее распространение получают конфликты на национальной почве, в основе которых лежит нетерпимость к духовно-нравственной культуре нации, отличной от собственной.

К сожалению, современное образование не в полной мере готово к решению вышеперечисленных проблем. В литературе слабо представлены новые идеи и подходы к проблемам развития духовно-нравственной культуры современного общества.

Необходимость исследования проблемы духовно-нравственного развития современного человека продиктована также потребностью осмысления

жизненного пространства молодых людей, особенностей их социализации в современном высококомобильном, полиэтническом и поликультурном обществе.

Возникает потребность формирования человека, который сочетает в себе системные знания в области духовно- национальной культуры (собственной и культуры других наций), позитивное эмоциональное отношение к ней, ориентацию на общечеловеческие культурные духовные ценности, толерантность. Все это требует целенаправленных действий по организации и практической реализации процесса формирования и развития человека.

Особенно важным представляется формирование духовно-нравственных качеств молодых людей – будущих учителей. Согласно В.И.Андрееву [4], учитель должен представлять собою духовно богатую личность. Его духовное богатство проявляется в щедрой любви к детям, в высокой нравственности и совестливости, в его стремлении понять смысл и цель жизни, свое профессиональное предназначение. Духовное богатство личности учителя проявляется в том, что он обладает повышенной чувствительностью к красоте мира, человеческих взаимоотношений, у него развита эмпатия и рефлексия. Эмпатия – это постижение эмоционального состояния, проникновение - вчувствование в переживания другого человека [12]. Это качество профессионально значимо для будущего педагога. Как заметил выдающийся советский педагог В.А.Сухомлинский, «учителю следует начинать с элементарного, но вместе с тем и наитруднейшего – с формирования способности ощущать душевное состояние другого человека, уметь ставить себя на место другого в самых разных ситуациях» [23, С. 58].

Духовность – это весьма сложное многомерное качество человека, которое проявляется [1]:

- в восхождении к высшим человеческим идеалам и ценностям;
- в единстве эмоционального и рационального, материального и идеального;
- в стремлении постичь истину, осознании самого себя как части космического, единении с миром природы;

- в гармонизации взаимоотношений в семье, в школе со сверстниками, педагогами, с любым человеком;
- в переживаниях доброты, совестливости, любви, гуманности и др..

Существует четыре направления в поисках психологической природы духовности, которые представлены В.В.Знаковым [7].

Согласно первому направлению, *духовность* субъекта рассматривается как *продукты жизнедеятельности субъекта*, которые возникли в результате приобщения субъекта к общечеловеческим ценностям, духовной культуре, запечатленные в памятниках старины, произведениях искусства и науки. Они становятся результатом активной творческой деятельности субъекта, получая свое развитие и накладывая определенный отпечаток на структуру его личности. В рамках данного направления духовность субъекта - это его черта, характеристика, которая складывается в результате взаимодействия субъекта с миром накопленной человечеством культуры. В процессе взаимодействия происходит овладение ею, т.е. присвоение и производство культуры. В свою очередь степень овладения богатством культуры и уровень успехов по ее воспроизводству, творчеству зависят от уровня развития интеллекта и духовных способностей.

Согласно второму направлению исследований, *духовность* проявляется в присутствии у человека *духовных состояний*, когда человек, на определенное время, отстраняясь от внешнего мира, полностью сосредотачивается на переосмыслении и переживании познавательных, этических, эстетических вопросов жизни. Методом постижения духовности в этом случае является диалог человека с самим собой, метод «Интервью с самим собой» [14]. На базе экспериментальных данных, полученных по данному методу, Л.М.Попов [15] выделил четыре ступени духовного роста субъекта: способность давать развернутую вербальную самохарактеристику по основным психологическим параметрам (личностные, интеллектуальные, эмоциональные, коммуникативные, метаиндивидуальные); ставить проблемы самому себе по этим же параметрам, т.е. формулировать трудности; находить предполагаемые

пути решения этих проблем, трудностей; создавать банк методов, приемов, способов преодоления собственных проблем.

Третье направление психологии духовности рассматривает духовность как *принцип саморазвития*, самореализации и самоконструирования человека. В этом случае для человека важно определить свое понимание истины, добра, красоты. Показателем стремления личности к саморазвитию является духовное состояние личностной свободы, которое возникает в том случае, если человек осознает наличие внешних возможностей выбора и внутренней готовности осуществить выбор [15].

В рамках четвертого направления духовность выступает как *божественное откровение*, где жизнь представлена с Богом и в Боге. При этом важное значение придается молитве, которая непосредственно связывает человека с Богом в виде словесного или мысленного обращения к нему. Именно в молитве человек раскрывается сам себе, признаваясь в своих грехах и очищаясь от них.

В.Д.Шадриков [22], пытаясь найти ответ на вопрос о назначении человека и путях его развития, считает, что способность субъекта к сопереживанию, сочувствию связана с духовностью, духовными способностями и духовными состояниями человека. При этом духовность может иметь светлую окраску (добро) и темную (зло).

Проблема Добра и Зла является одной из «вечных» проблем в истории человеческой мысли. В силу этого данная проблема нашла свое отражение в психологических исследованиях теоретического и практического плана.

Добро, как правило, - это нравственное выражение того, что способствует счастью людей [17]. По словам И.А.Ильина, чтобы оценить доброту и постигнуть ее культурное значение, надо непременно самому испытать ее: надо воспринять луч чужой доброты и пожить в нем и надо почувствовать, как луч моей доброты овладевает сердцем, словом и делами моей жизни. Напротив, отрицательные явления в общественной и личной жизни людей, силы тормоза и разрушения именуется злом. Однако диалектика истории внутренне противоречива. Зло, по Гегелю, может выступать как форма, в которой

проявляется не только тормозящая, но и движущая сила истории [17]. В силу этого Л.М.Попов [15] стремится рассматривать Добро и Зло как феноменальное соединение нравственного и безнравственного компонентов этического слоя личности, где одно можно оценить только через другое. Именно через эти характеристики в психологической науке и практике можно объяснить, согласно автору диаду «конструктивное - деструктивное», «созидание - разрушение».

Э.Фромм [15] отстаивает идею о том, что Добро естественно присуще человеку и преобладает в нем в том случае, если человек развивается нормально, реализуются его возможности. В свою очередь Зло в человеке возникает тогда, когда отсутствуют надлежащие условия для развития.

Подобная точка зрения представлена в гуманистической психологии А.Маслоу и К.Роджерса. Согласно представителям гуманистического направления, в человеке изначально заложены потенциальные возможности для позитивного роста. Разрушительные силы в человеке не признаются врожденными, они возникают в результате фрустрации или неудовлетворения основных потребностей [15].

М.Люшер связывает основные этические нормы (справедливость, отзывчивость, ответственность, терпимость, искренность, благожелательность) с символикой цветов, отмечая определенное соответствие их десяти библейским заповедям [15, С.26].

Обращаясь к отечественной психологии, необходимо отметить, что проблема Добра и Зла изучена недостаточно. Среди теоретических работ большое значение имеют труды С.Л.Рубинштейна, который подчеркивает мысль, что «добро и зло проявляются только через отношение одной личности к другой», что «этическое деяние существует только в отношении к человеку как личности, отношение к вещам есть лишь действие» [16, С.252-253]. По мнению Рубинштейна, добро и зло являются «функциональными характеристиками» личности, которые проявляются в конкретных отношениях и действиях, направленных на другую личность. А это значит, что лишь

условно можно говорить о преобладании «доброе» и «злого» начала в человеке, потому что они проявляются либо той, либо иной стороной в отношении к другим людям и миру в целом.

Духовность человека тесно связана с его нравственностью, которая формируется вместе с личностью, составляет принцип ее бытия и неотделима от содержания «я» индивида. Согласно Л.М.Аболину и Х.Х.Валиахметову [1], нравственность человека представляет собою внешнюю форму проявления высших духовных (внутренних форм) качеств человека.

Нравственность – исторически сложившаяся система неписанных законов, основная ценностная форма общественного сознания, в которой находят отражение общепринятые нормативы и оценки человеческих поступков [17, С.727]. Психология нравственного развития личности разрабатывалась в большей мере за рубежом, чем в нашей стране. Значительный вклад на разработку проблем нравственного развития личности оказали труды Жана Пиаже, которые вылились в «когнитивную теорию морального развития», создателем которой был американский психолог Лоуренс Кольберг [5]. Л. Кольберг разработал уровни нравственного развития личности: «доморальный уровень», «уровень конвенциональной морали», «уровень автономной морали». На последнем уровне происходит выработка собственных нравственных взглядов, убеждений, идеалов и мотивов нравственного поведения [13]. В свою очередь отечественный психолог А.В.Зосимовский [8] также разработал периодизацию нравственного развития детей, выделив три этапа развития, однако нет принципиального различия между его взглядами и теорией Л.Кольберга. К.Гиллиган попыталась выявить различие в моральном развитии мужчин и женщин, и пришла к выводу, что Пиаже и Кольберг, изучавшие в основном нравственное развитие мальчиков, неправомерно распространили свои выводы на другую половину человечества [15]. По мнению К.Гиллиган, мужчины в своем моральном развитии идут по сути морали прав и долга, женщины же – по сути морали ответственности, обязанностей и сострадания.

С.Л. Рубинштейн также выделяет два типа нравственности, связанные с двумя основными способами существования человека и его отношением к жизни: «нравственность как естественное, природное состояние человека», «как неведение зла» и нравственность на основе рефлексии, сознания, философского осмысления жизни [16].

В.Э. Чудновский понимает нравственно устойчивую личность как «способность человека сохранять и реализовывать в различных условиях личностные позиции, обладать определенным иммунитетом к воздействиям, противоречащим его личностным установкам, взглядам и убеждениям» [21, С. 29].

Краткий обзор литературы по проблеме духовно-нравственного развития человека нацеливает на проведение диагностического исследования человека молодого возраста, так как именно молодое поколение является наиболее сензитивной прослойкой населения, нуждающейся в формировании и развитии их духовно-нравственной культуры.

Цель исследования: выявить соотношение духовно-нравственных качеств человека молодого возраста татарской и русской национальности и выделить те качества, которые составляют его духовный потенциал.

Объект исследования: духовно-нравственные качества человека молодого возраста татарской и русской национальностей.

Предмет исследования: соотношение духовно-нравственных качеств студентов ТГГПУ татарской и русской национальностей.

В процессе работы над темой ставились и решались следующие **задачи:**

- 1) путем литературного анализа обосновать значимость проблемы духовно-нравственного развития человека;
- 2) выявить духовно-нравственные особенности, которые определяют духовный потенциал студентов русской и татарской национальностей;
- 3) изучить соотношение духовно-нравственных качеств студентов обеих национальностей.

Организация и методы исследования: Для реализации сформулированной цели и проверки гипотезы были использованы следующие методики:

- опросник «духовный дифференциал» (Г.А. Аминев в соавт. [3]).

Методика «духовного дифференциала» создавалась на основе концепций о духовной личности и человеке, духовно-нравственных качеств и уровне их развития (Лайтман М. [11], Ф. Хопко [20]). Методика построена на основе принципа семантического дифференциала: духовная сила (ДС); духовная красота как совокупность духовных ценностей (ДК); духовная активность (ДА);

- само- и взаимооценка духовности личности (Г.А. Аминев в соавт. [2]).

Методика само- и взаимооценки духовно-нравственных качеств также создавалась на основе концепций о духовной личности. С помощью этой методики определяются следующие духовно- нравственные особенности : «духовная независимость» (НД), «слабость» (ПЛ); «кроткость» (Кр); «праведность» (Пр); «милосивость» (Мл); «чистота сердца» (ЧС); «миротворчество» (Мт); «правдивость» (Пв); «гонимость»; (Гн);

- методика «ДЗ» (Л.М.Попов в соавт. [15]). Целью данной методики является оценка двух альтернативных черт личности по функциям качеств добра и зла («ДОБРО- ЗЛО»).

В ходе исследования использованы следующие **методы:** 1) теоретический анализ литературы по проблеме духовно-нравственного развития человека в молодом возрасте; 2) приемы психодиагностики; 3) математические и статистические методы обработки результатов.

При обработке результатов исследования применялась программа статистической обработки – статистическое сравнение средних величин, корреляционный анализ и анализ с помощью t –критерия Стьюдента для независимых выборок. Анализ данных проводился с помощью метода корреляционных плеяд.

В исследовании приняли участие 130 человек. Из них 70 человек – студенты ТГГПУ русской и 60 человек – студенты татарской национальности.

Прежде чем перейти к анализу соотношения всех полученных показателей, необходимо охарактеризовать данные по каждому показателю в обеих группах и сопоставить средние данные в группах между собой.

Анализ результатов статистического сопоставления средне групповых показателей выявил, что уровень развития Добра в обеих выборках характеризуется как средний, а это значит, что студенты обеих национальностей нацелены на ценности добра. Также для данных студентов проблемы духовности, нравственности, бережного отношения к другому и к своей духовной сущности являются достаточно значимыми, а это в свою очередь располагает их к добродетельным действиям. Уровень зла в обеих группах также оценивается как средний, это говорит о том, что данные важнейшие характеристики человеческого существования (Попов Л.М. [15]) уравнивают друг друга, создавая баланс в человеке.

Методика «духовный дифференциал» выявила, что высокий уровень развития в обеих выборках имеет такое качество как **духовная красота (ДК)**. Это говорит о том, что студенты ТГГПУ проявляют честность, не сеют раздор между близкими людьми, не лицемерят и не наговаривают на других, стараются вести себя такими, какие они есть в действительности. Умеют сдерживать обещания, верны в любви и в дружбе, не склонны к коварству и лукавству. Также данных испытуемых можно охарактеризовать как заботливых, обходительных в обращении с людьми. При этом они добры не только к близким, но и к чужим людям, особенно доброжелательны к детям. В своих поступках не допускают рукоприкладства, умеют быть благодарными и людям и судьбе. Однако эти данные подвергаются сомнению, поскольку многочисленные наблюдения, а также анализ современных научных и популярных изданий, обзор событий, происходящих в современном обществе (национализм, преступность, жажда власти и материальных благ и т.п.) говорят об обратной тенденции. Это нацеливает на дальнейшее исследование данного вопроса по выявлению того, как в действительности проявляются оцениваемые качества студентов в их поведении и деятельности. Слабое развитие у

студентов обеих национальностей имеет такое качество, как **духовная сила** (ДС), что проявляется в слабости духа, неспособности вынести испытания и трудности, в возможности потерять контроль над чувствами.

Анализ отдельных духовно-нравственных качеств студентов русской и татарской национальности не показал значимых различий в степени их развития. В обеих выборках наибольшее развитие получили такие качества, как благородство (Бл), добродушие (Дб) и стремление к истине (Ис), в меньшей степени проявились мужество (Мс), выдержка (Вы) и скромность (Ск), самый низкий уровень развития получило качество оптимизм (Оп).

В результате анализа данных по самооценке студентами духовно-нравственных качеств, можно охарактеризовать студентов обеих национальностей как миролюбивых и уступчивых, способных внушать спокойствие и уверенность, разрешать возникшие в группе конфликты (Мт). Данные испытуемые оценивают себя свободными от духовных зависимостей, желаний, стяжательства, без спеси, надменности и высокомерия (НД). Независимо от национальности студенты стремятся быть правдивыми, справедливыми и честными, соблюдать правила приличия (Пр). Анализ духовно-нравственных качеств студентов позволяет оценивать их как добрых и благосклонных, умеющих оказывать помощь, человеколюбивых (Мл), а также как сдержанных и умеренных (Кр). Для студентов в меньшей степени характерны «правдивость» (Пв), сочувствие и сострадание (Пл), отзывчивость и милосердие, умение душевно относиться друг к другу (ЧС). Низкий уровень развития получило качество «гонимость» (Гн), что может проявляться в виде слабости духа, отчаянья и пессимизма.

В результате корреляционного анализа по Спирмену для каждой группы испытуемых были получены матрицы, отражающие корреляционную структуру внутренних связей показателей.

В обеих группах обнаружилось статистически значимые связи показателей. В группе студентов татарской национальности 14 показателей имеют статистически значимые связи (рис.1).

Наибольшее количество связей обнаружено по фактору «нравственная красота» (Дк). Данный показатель положительно коррелирует с факторами Дб (0,53 при $p=0,001$), Бл (0,41 при $p=0,05$), Ск (0,40 при $p=0,05$) и отрицательно - с показателями Да (-0,53 при $p=0,001$), Ис (-0,46 при $p=0,05$) и Мс.

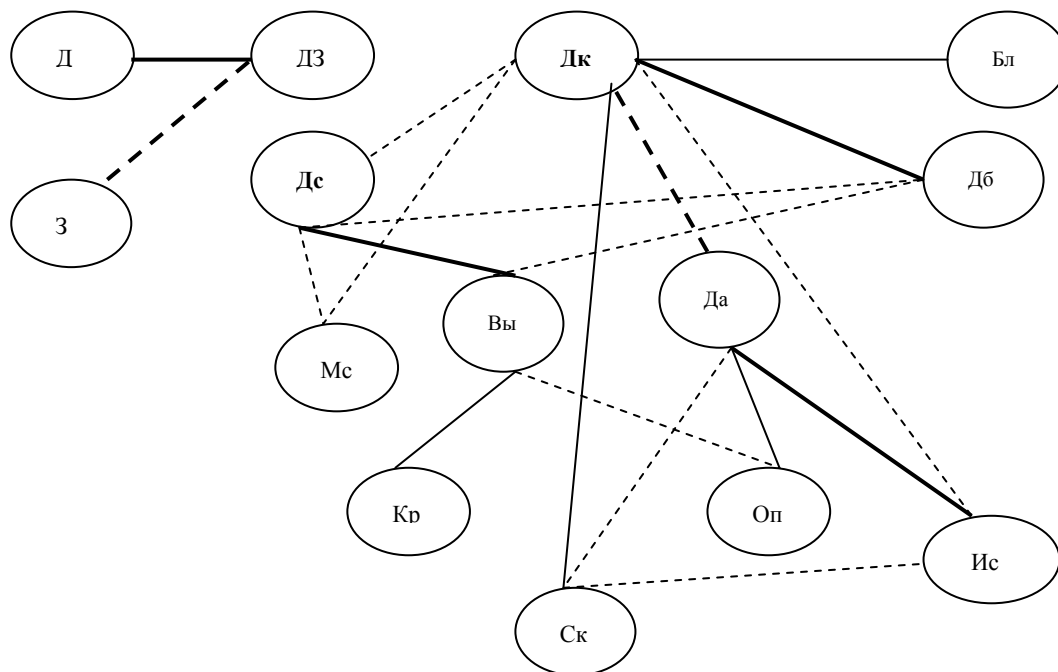

Рис. 1. Корреляционная плеяда показателей студентов татарской национальности

Испытуемые татарской национальности, обладающие нравственной красотой, верные в любви и в дружбе, не нарушающие слово, сдерживающие обещания проявляют в своих поступках благородство и скромность. Они умеют быть заботливыми, добродушными, обходительными в обращении с людьми (Дб). Нравственная красота студентов формируется вследствие активности в духовных поисках (Да). Данные испытуемые считают, что учеба и познание истины – источник счастья, стремятся усвоить наставления морали, обладают мужеством (Мс), также для них характерно стремление к истине (Ис) – об этом свидетельствует положительная связь показателя Да с качеством Ис (0,69 при $p=0,001$). Стремление к истине в свою очередь способствует формированию

сдержанности, терпеливости и стойкости студентов. Высокий уровень развития данных показателей характерен для студентов активных в духовных поисках, о чем свидетельствует отрицательная корреляция между показателями ДА и Ск (-0,41 при $p=0,05$). В свою очередь низкая духовная активность может привести к пессимизму, проявляющемуся в том, что данные студенты не надеются на лучшие перемены, могут впасть в уныние и отчаяние (Оп), оптимистичные же студенты будут проявлять выдержку и терпение. Данные качества являются основой формирования стойкости, способности переносить жизненные трудности (Кр).

Низкий уровень развития духовной силы студентов татарской национальности имеет положительную связь с показателем Вы (0,66 при $p=0,001$), а также отрицательные связи с ДК, Мс и Дб. Слабость духа характерна для студентов с низким уровнем развития выдержки, не сдержанных, не способных вынести трудности и испытания, переносить боль и страдания. Однако высокий уровень развития духовной красоты, благородства и мужества студентов может повлиять на развитие духовной силы.

В группе студентов татарской национальности были обнаружены статистически сильные связи между показателями Д, З и ДЗ ($p=0,001$). Средний уровень Добра студентов татарской национальности положительно влияет на общий уровень развития Добра и Зла в человеке. Однако не обнаружено статистически значимых связей данных показателей с другими духовно-нравственными качествами личности.

В корреляционную плеяду студентов татарской национальности не вошли следующие показатели: «духовная уплощенность» (НД), «слабость» (ПЛ), «праведность» (Пр), «милостивость» (Мл), «чистота сердца» (ЧС), «миротворчество» (Мт), «правдивость» (Пв), «гонимость» (Гн).

В группе студентов русской национальности 20 показателей имеют статистически значимые связи (рис. 2).

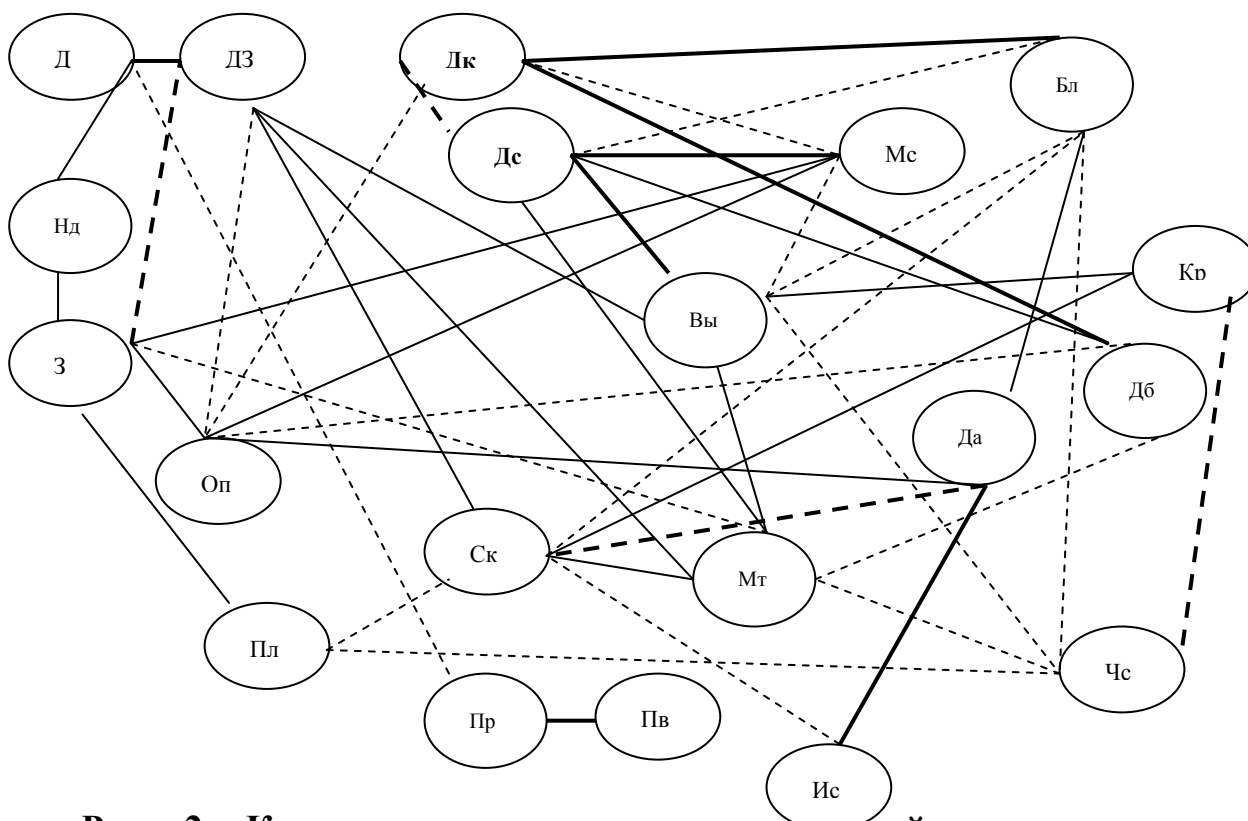

Рис. 2. Корреляционная плеяда показателей студентов русской национальности

Наибольшее количество статистически значимых связей обнаружено по фактору «духовная сила» ДС. Данный показатель положительно коррелирует с «мужеством» (0,50 при $p=0,001$), «выдержкой» (0,52 при $p=0,001$), «добродушием» (0,37 при $p=0,05$), «миротворчеством» (0,33 при $p=0,05$) и отрицательно коррелирует с факторами «духовная красота» (-0,56 при $p=0,001$), «благородство» (-0,47 при $p=0,05$). Духовная слабость студентов русской национальности не может способствовать формированию таких качеств, как мужество, самообладание, добродушие, миролюбивость. Однако такие характеристики, как духовная красота, честность в поступках, стремление к благородным поступкам являются потенциалом для формирования духовной силы.

Анализ корреляционной плеяды в группе испытуемых русской национальности показал, что фактор «духовная красота» имеет такие же

статистически значимые связи, что и в группе студентов татарской национальности.

Для испытуемых русской национальности, обладающих духовной красотой, характерны доброта, умение прощать (Дб), честность и способность сдерживать обещания, верность в любви и в дружбе (Бл). В свою очередь для формирования перечисленных качеств необходимо мужество (Мс) и вера в лучшее (Оп).

Студенты русской национальности, проявляющие активность в духовных поисках, стремятся к приобретению знаний, жизненной мудрости, как студенты татарской национальности считают, что учеба и познание истины - источник счастья. Об этом свидетельствует положительная корреляция между показателями ДА и Ис (0,76 при $p=0,001$). Также данные испытуемые верят, что добро всегда победит зло, красота спасет мир (Оп).

В группе студентов русской национальности, как и в группе студентов татарской национальности, обнаружены значимые статистические связи между показателями Д, З и ДЗ. Однако в корреляционной плеяде данной выборки выявлены связи показателей Д, З и ДЗ с другими духовно-нравственными качествами личности. Уровень Зла и Добра в отдельности положительно влияют на качество «духовная независимость» (НД), что проявляется в стремлении студентов к свободе от духовных зависимостей, желаний и стяжательства. Студенты со средним уровнем развития Зла в меньшей степени могут проявлять сочувствие, отзывчивость и сострадание, в поведении может наблюдаться равнодушие и черствость (Пл). Данные качества могут быть следствием недостаточного развития такого качества, как «чистота сердца» (ЧС). Лишь небольшое количество студентов оценивают себя душевными, искренними и независтливыми. Напротив, отрицательная корреляция показателей Кр, Вы и Бл с фактором ЧС свидетельствует о том, что чистосердечные, дружелюбные, непритворные испытуемые проявляют благородство, скромность, сдержанность, выдержку и стойкость к жизненным трудностям. На развитие этих же качеств положительно влияет фактор ДЗ,

который положительно коррелирует с показателями Вы и Ск. В свою очередь скромность и выдержка студентов-русских способствуют формированию других не менее важных качеств, таких как миролюбие, сговорчивость, уступчивость (Мт). Только благожелательные, не склонные к ссорам, а наоборот внушающие другим спокойствие студенты имеют высокий уровень развития добродушия (Дб) и чистоты сердца (Чс).

Стремление студентов русской национальности быть правдивыми, в поступках придерживаться законности (Пр) нацеливает данных испытуемых на ценности Добра, искореняя в себе качества Зла (насилие, унижение, жестокое обращение), а также призывает к правдивости и беспристрастности в суждениях (Пв).

Корреляционная плеяда студентов русской национальности имеет более целостную форму. В корреляционную плеяду не вошли следующие показатели: «милосивость» (Мл), и «гонимость» (Гн).

Теоретический анализ литературы по вопросу духовно-нравственного развития молодежи показал значимость проблемы духовно-нравственного развития человека.

В результате исследования были выявлены личностные духовно-нравственные качества, которые определяют духовный потенциал студентов ТГГПУ татарской и русской национальностей:

- в обеих группах уровень развития Добра и Зла оценивается как средний, что говорит о сбалансированности качеств Добра и Зла в структуре личности студентов (Попов Л.М.).

- студенты обеих выборок обладают достаточно высоким уровнем развития духовной красоты, слабое развитие у студентов обеих национальностей имеет такое качество, как духовная сила.

- анализ отдельных духовно-нравственных качеств студентов русской и татарской национальности не показал значимых различий в степени их развития. Студенты обеих национальностей обладают благородством, добродушием и стремлением к истине. Меньшее развитие получили такие

качества как мужество, выдержка и скромность, самый низкий уровень развития зафиксирован по качеству оптимизм.

- самооценка личностных духовно-нравственных качеств студентов показала, что испытуемые обеих национальностей можно охарактеризовать как миролюбивых и уступчивых, способных разрешать возникшие в группе конфликты. Данные испытуемые оценивают себя свободными от духовных зависимостей, стремятся быть правдивыми, справедливыми и честными, соблюдать правила приличия. Также их можно оценить как добрых и благосклонных, умеющих оказывать помощь, человеколюбивых, а также как сдержанных и умеренных. В меньшей степени испытуемые проявляют сочувствие и сострадание, отзывчивость и милосердие. Независимо от национальности низкий уровень развития получило качество «гонимость», что может проявляться в виде слабости духа, отчаянья и пессимизма.

Выявлены корреляционные связи между показателями в структуре личности студентов. Наибольшее количество связей в группе студентов татарской национальности наблюдается по качеству «духовная красота», в группе студентов русской национальности - «духовная сила». Анализ корреляционных плеяд показал, что соотношение духовно-нравственных качеств студентов русской национальности имеет более целостный характер (два качества не вошли в корреляционную плеяду: милосивость и гонимость). В группе студентов татарской национальности не имеют статистически значимых связей следующие показатели: духовная уплощенность, слабость, праведность, милосивость, чистота сердца, миротворчество, правдивость, гонимость. Необходимо отметить также то, что развитие духовно-нравственных качеств студентов татарской национальности идет независимо от наличия в структуре их личности ценностей Добра и Зла.

Основываясь на полученных данных, можно сделать вывод, что личностные духовно-нравственные качества студентов ТГГПУ русской национальности в своем развитии имеют более целостную форму, чем духовно-нравственные качества студентов татарской национальности. Исходя из этого,

необходимо отметить, что общий уровень духовно-нравственного развития студентов русской и татарской национальностей можно охарактеризовать как средний. Только сбалансированное соотношение всех положительных и отрицательных качеств студентов может говорить об их высоком уровне духовно-нравственного развития.

Литература

1. Аболин Л.М., Х.Х. Валиахметов. Духовно-нравственное развитие личности в со-бытийной деятельности. – Казань: Изд. «Карпол», 2002. – 230 с.
2. Аминев Г.А. Синектика духовности: традиционные и нетрадиционные подходы. – Уфа: Российское психологическое общество, 1994. – 159 с.
3. Аминев Г.А., Нохотович Г.В. Формирование культурной среды в техническом вузе. – М., 1994. – 36 с.
4. Андреев В.И. Педагогика: Учебный курс для творческого саморазвития. – 3-е изд. – Казань: Центр инновационных технологий, 2003. – 608 с.
5. Вилькеев Д.В. Педагогическая психология: Курс лекций / Казань: Изд-во КГПУ, 2001. – 262 с.
6. Зинченко В.П. Размышление о душе и ее воспитании. РАО., 2001. – 34 с.
7. Знаков В.В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры// Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 104-115.
8. Зосимовский А.В. Возрастные особенности нравственного развития детей. М., 1973.
9. Крымский С.Б. Контуры духовности: новые контексты индивидуальности//Вопр. философ. 1992. № 12 С.21-28.
10. Ксенофонтов В.И. Духовность как экзистенциальная проблема// Философские науки. 1991. № 12 С. 41-52.

11. Лайтман М. Кабала. Тайное еврейское учение. Часть 1-3. – Новосибирск: Интербрук и Ассоциация «спешите делать добро», 1993. – Ч.3. С.11.
12. Общая психология. Словарь. Под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 202 с.
13. Пауэр Ф., Хиггинс Э., Кольберг Л. Подход Лоуренса Кольберга к нравственному воспитанию // Психологический журнал. 1992. № 3.
14. Попов Л.М. Психология самодеятельного творчества студентов. – Казань: Изд-во КГУ, 1990.
15. Попов Л.М., Кашин А.П., Старшинова Т.А. Добро и Зло в психологии человека. - Казань-Нижекамск: Изд. Казан. унив-та, 2000. -176 с.
16. Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена //Историко-философский ежегодник` 92. – М.: Наука. 1994. – С.230-259.
17. Спиркин А.Г. Философия: Учебник. – М.: Гардарики, 1998. – 816 с.
18. Федотова В.Г. Практическое и духовное освоение действительности. – М.: Изд. «Наука», 1992. – 136 с.
19. Франк С.Л. Предмет знания: Душа человека. – М.; Минск: АСТ: Харвест, 2000. – 991 с.
20. Хопко Ф. Основы православия. Перев. с англ. – Минск: «Полифакт», 1991. – 344 с.
21. Чудновский В.А. Нравственная устойчивость личности: Психологические исследования. – М.: Педагогика, 1981.
22. Шадриков В.Д. Духовные способности. М.: Магистр, 1996.
23. Юсупов И.М. Психология взаимопонимания. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1991. – 192 с.

§ 2. МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ.

Вот уже много лет люди пытаются разобраться в «человеческих отношениях». Мы действительно все более и более ощущаем потребность в общении, в установлении гуманных отношений между членами нашего общества. С тех пор, как существует человечество, взаимоотношения людей всегда отражались на их характере, менталитете, развитии, их поведении в обществе, внутри группы и удовольствии или неудовольствии от принадлежности к ней.

Психологические особенности этнических общностей существенно влияют на построение национальных взаимоотношений, организацию деятельности людей, их поведение и общение. Такие факторы как область интересов, потребностей, ценностей, традиций, настроений, чувств, играют существенную роль в развитии национальных отношений, поэтому необходимо знать не только социально-экономические закономерности жизни людей, но и этнопсихологические.

Люди вступают в отношения между собой с самого рождения в рамках семьи, затем в школе, в профессиональной и гражданской жизни. И для того чтобы понять сущность формирования межэтнических отношений, необходимо рассмотреть, что такое этнос и описать этническую структуру общества, далее остановиться на факторах формирования личности в условиях межличностных, а затем и межэтнических отношений.

В то время когда проблемы мироздания не всегда интересуют нас в равной мере и можно жить, никогда не задаваясь вопросом о природе физических явлений, не проходит и дня, чтобы у нас не возникло сознательное или бессознательное желание проникнуть в мотивы действий людей не только нашего окружения, но и людей, которые далеки от нас. Современная психология все больше и больше усваивает два основных метода научного исследования: наблюдение и эксперимент, что в гораздо большей степени

связано с изучением мышления и его законов, чем с изучением человеческой личности.

Личность не есть обогащенный предшествующим опытом индивид. Свойства индивида не переходят в свойства личности. Хотя и трансформированные, они так и остаются индивидными свойствами. Они не определяют складывающейся личности, а составляют предпосылки и условия формирования последней.

Развитие и формирование личности обусловлено разными факторами. От того насколько мы их знаем и учитываем специфику их проявления, зависит эффективность правильного понимания всех индивидуальных и социальных действий и поступков человека. В социальной психологии на формирование и развитие личности человека влияют такие факторы как:

Природно-географическая среда.

Наследственный фактор. Где мы можем говорить об особенностях физиологии высшей нервной деятельности; анатомо-физиологических особенностях, а также о задатках.

Социальный фактор. Макросреда, т.е. общество в совокупности всех его проявлениях. Микросреда, т.е. группа микрогруппа, семья и т.д. Именно в микросреде закладываются важнейшие нравственные и морально-психологические характеристики человека, которые с одной стороны, необходимо принимать во внимание, а с другой - совершенствовать или трансформировать в процессе обучения, воспитания, а так же общественно полезная деятельности.

От того, насколько мы знаем и учитываем специфику и проявления этих факторов, зависит эффективность правильного понимания всех индивидуальных и социальных действий и поступков человека.

Учитывая при этом то, что человек как личность постоянно развивается и совершенствуется, с одной стороны, особенности и уровни его развития, можно постоянно отслеживать и фиксировать, а с другой - в процессе обучения и воспитания человека можно активно влиять на этот процесс.

Прежде чем рассматривать, как же складываются межэтнические отношения и что влияет на качество этих взаимоотношений, хотелось бы кратко рассмотреть то, как вообще формируются межличностные взаимоотношения.

Взаимоотношения человека с окружающими проходят длительный и сложный путь развития. Прежде всего, они зависят от жизненного опыта и поэтому ограничены возрастными возможностями восприятия и понимания себя и друг друга. Поэтому в каждом возрасте свои взаимоотношения, которые по мере взросления со временем изменяются. Взаимоотношения конкретного человека с окружающими людьми зависит не только от его собственной социально-психологической зрелости, но так же от обстоятельств, или социального окружения группы, к которой он принадлежит, группы, в которой он находится в данный момент времени, состояния общества и его собственного положения в данном обществе и среди окружающих людей.

В отношениях человека к окружающим в первую очередь отражается социальная психология референтных для него групп. Человек, как правило, формирует и изменяет свои психологические установки в зависимости от того, какие люди его окружают и как они к нему относятся.

В периоды социально-экономических и политико-идеологических кризисов человеческие отношения обычно обостряются, ухудшаются по сравнению с тем временем, когда общество является более или менее стабильным.

Межличностные отношения могут проявляться открыто в практических действиях и видимых симпатиях или антипатиях, но могут быть скрытыми, причем не только от окружающих, но и от самого человека. В первом случае люди выражают свое отношение в высказываниях, жестах мимике, пантомимике. При скрытых взаимоотношениях – в изменении внутреннего психологического состояния.

Все люди строят свои взаимоотношения по-разному. У одних доминирует открытость, т.е. внешние компоненты отношений, а у других напротив, внутренние, скрытые.

В психологии существует несколько законов, как у человека складываются межличностные взаимоотношения.

1. *закон соответствия отношения мотивации*, т.е. отношение к людям зависит от того, насколько они способствуют или, напротив, препятствуют удовлетворению наших потребностей и интересов.

2. *закон эмоционального соответствия отношений*, наше отношение к окружающим определяется тем, как они относятся к значимым для нас людям.

3. *закон внутреннего настроения и внешнего отношения человек*, т.е. психологическое состояние в данный момент времени.

4. *закон соответствия образа и отношения к человеку*. Отношение к человеку может определяться тем, каков его образ, сложившийся в нашем представлении: положительный или отрицательный.

5. *закон соответствия отношения человека к себе и другим людям*, т. е. похож или не похож на вас и от того, как вы относитесь к себе.

6. *закон соответствия отношения опыту*. Наше отношение к людям может определяться тем, похожи или не похожи они на тех людей, к которым у нас уже сложилось определенное отношение, т.е. вызывать симпатию или антипатию.

Зная эти законы, прежде всего, необходимо осознать действия этих законов, и научиться внимательно, анализировать причины тех или иных межличностных взаимоотношений.

Коротко рассмотрев, как формируются межличностные взаимоотношения, далее мы можем рассмотреть, как же формируются межэтнические взаимоотношения. Здесь в первую очередь хотелось бы обратить внимание на то, что этнос является мезофактором в социализации личности. А социализация личности – это аккумуляция ею в процессе жизни и деятельности опыта социального развития и поведения, накопленного человечеством и

передаваемого через посредство воспитания и обучения, ролевого освоения окружающего мира и общества.

Этнос – это естественно сложившийся коллектив людей со своими стереотипами поведения, противопоставляющий себя всем другим таким же коллективам.

Каждый этнос обладает такой способностью, как саморегуляция, т.е. способностью развиваться в том направлении, чтобы обеспечить себе существование и адаптацию к среде с наименьшими возможными затратами и потерями. Этнические группы определяются, прежде всего, по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми и которые лежат в основе самосознания.

Закономерностями этноса являются:

1. поведенческие модели, которые типичны для всех членов этноса;
2. поведенческие, коммуникативные, ценностные, социально-политические и культурные модели определенных групп внутри этноса. Они регулируют отношения между различными группами вокруг этноса.

Межэтнические отношения, общение сотрудничество, и общественная деятельность оказывают большое влияние на формирование этнопсихологических особенностей людей.

Петренко В.Ф., Алиева Л.А.[11] считают, что усложнение и развитие человеческого общества, взаимопроникновение культур и стилей жизни, необходимость воспитания человека - интернационалиста и одновременно патриота своей страны, создания своей национальной культуры – вопросы, изучение которых требует интеграции и кооперации наук о человеке, а именно гуманитарных наук. На страницах журнала «Советская этнография» подчеркивалась необходимость совместных усилий этнографов, психологов, историков, культурологов, для решения проблем идентификации человека в рамках того или иного этноса, для выделения психологического профиля представителей этноса, в частности для определения понятия «национальный характер».

При имевших место некоторых дискуссионных моментах, участники обсуждения были достаточно единодушны. А именно, что сферу национальной психологии образуют: чувства, переживания, привычки, обычаи, традиции, вкусы, установки и т.д. В них отражены особенности национального бытия, национальной истории, интернациональной связи и взаимодействия. А также, в центре внимания оказываются этнические установки, стереотипы, самосознание. То есть в отнесении к предмету этнопсихологии того, что традиционно принадлежит проблематике обыденного сознания. Это положение наиболее явно содержится в статье Ю.В.Бромля. Прежде всего считает он, это относится, к так называемым «значениям» - стереотипам, фиксирующим типичные для членов этноса «понятия», «знания», «умения», «нормы поведения». Представляя «пограничную» зону общественного сознания (на его обыденном уровне) и бытовой культуры, эти стереотипы выполняют важную функцию в воссоздании характерных для каждого этноса свойств. Важное место в системе стереотипов значений, занимают представления человека об окружающей нас действительности, себе самом, своих отношениях, с этой действительностью и окружающими людьми, т. е. так называемые модели мира».[12]

Важную роль в функционировании этнических общностей играет этническое сознание и самосознание.

Этническое сознание, предполагает идентификацию с историческим прошлым, осознание своих «корней». Мировосприятие и самосознание этнической группы вырабатывается символами общего прошлого – мифов легенд, святынь, эмблем. Нурматов С. выявил различные типы этнического самосознания, которые определяются господствующими идеологическими отношениями людей в данном обществе, а, в конечном счете, условиями их материальной жизни. Нередко сознание этнической принадлежности многозначно. Как объективные основания этнического самосознания, так и его содержание далеко не тождественны на разных этапах общественно-исторического процесса.[8]

Дробижева Л.М., Кузнецов И.М., Кцоева Г.У. рассматривая этническое самосознание, отметили, что этническое самосознание, в широком понимании этого слова, тесно связано, прежде всего, с культурной динамикой этнической общности. С одной стороны, оно является отражением объективно функционирующих признаков нации и фиксируется в соответствующих автостереотипах, этнической идентификации, представлении об общностях исторического прошлого, территориальной общности. С другой стороны этническое самосознание само способно стимулировать развитие культуры народов. Активно влиять на создание духовных ценностей и широкое распространение исторического фонда культуры, поддерживать интерес к созданным на протяжении всей истории народов литературным памятникам, произведениям искусства, обычаям обрядам. Более того, характер развития этнического самосознания во многом определяет полярность межэтнических отношений. Из этого следует, что самостоятельный элемент этнического самосознания, осознанное отношение людей к материальным и духовным ценностям народа, и его достижениям. [14].

Интересен подход к изучению самосознания этноса и этноидентификации, профессора Д.В. Вилькеева он отметил «...в генетическом плане процессу формирования самосознания индивида в родовом обществе предшествовал процесс формирования самосознания всего рода. Сущность родового самосознания заключалась в том, что каждый член общества мысленно не выделял себя из той родовой группы, к которой принадлежал, а, наоборот, отождествлял себя со своей группой. В результате групповое самосознание членов рода не только формировалось раньше индивидуального, но принималось и усваивалось каждым членом рода как свое собственное самосознание, как свое «Я». Далее он отметил, что подобным образом в процессе появления племенных союзов, а затем и этносов формирование самосознания всего племени и этноса предшествовало формированию самосознания отдельных его членов. Так же Вилькеев Д.В. отметил, что образом коллективного идеального «Я» является образ личности,

объединяющий в себе все лучшее качества представителей отдельного народа и создаваемый этим народом. «...Образ коллективного идеального «Я» возникает и исторически формируется в сознании отдельного народа и является центральным компонентом, ядром национального самосознания, трансформируемым в понятие «Мы»». Этот компонент национального самосознания этноса оказывает сильное влияние на формирование национального самосознания каждого члена этноса.[6]

Далее хотелось бы отметить, что этническое сознание выполняет познавательную, защитную, воспитательную, контролирующую функции. Каждому этносу в отдельности характерны некое уникальное, присущее только ему, мироощущение, мышление, поведение, система ценностей, духовное творчество, обусловленное многими факторами. Все это может быть выражено понятиями менталитет.

Основными факторами, определяющими тип менталитета, являются:

1. литература, прочитанная в детстве и юности
2. биологические факторы (уровень физического и психического здоровья)
3. менталитет родителей
4. ТВ, СМИ
5. формы искусства

Особенности менталитета человека наиболее ярко проявляются в стрессовых ситуациях.

Составляющие менталитета этноса:

1. архетипы
2. этнопсихология
3. универсальные ценности
4. общечеловеческие ценности.

Душков Б.А. отметил, что общественные отношения развиваются по объективным законам, детерминируют формирование тех или иных этнических групп и социальное поведение индивидов – членов этнических общностей. Взаимодействие этнопсихологических явлений в процессе общения и

отношений зависит от многих факторов индивидуальной и групповой деятельности людей и может проявляться на разных психических уровнях. [4]

Интересен его подход к проблеме формирования этноисторических типов личности, механизмах этнопсихологических взаимоотношений в этнических группах, а так же к различным формам коллективного общения и их взаимовлияния.

Он рассматривает взаимодействие этнопсихологических особенностей людей в процессе их восприятия друг другом.

Восприятие и понимание людьми одной этнической общности людей другой - весьма специфическое явление, обусловленное как социальными, так и этнопсихологическими факторами. В условиях взаимодействия людей разных этносов складывается своеобразная система восприятий и представлений, которые имеют большое значение для формирования межэтнического сознания и отношений.[3] По этому поводу Бодалев А.А. считает, что немаловажную роль в организации впечатлений о другом человеке или людях, играют собственные представления воспринимающего – его осознанные или не вполне осознанные представления о людях других наций. А так же о том, каков их образ жизни, обычаи, привычки, насколько они добры, отзывчивы, т. е. вся система этнических и психологических свойств, характеризующих воспринимаемый этнос. В то же время, здесь приходится учитывать не только систему знаний об особенностях той или иной общности, но и этнопсихологические качества самих индивидов. Их установки психологической настрой, т.е. закрепленные в памяти определенные системы эталонов восприятия, выработанные в процессе общественно-исторической практики специфические черты людей определенной этнической общности. [10]

Душков Б.А. считает, что память народа сохраняет знания, которые приобретает человек в своем индивидуальном опыте, и дает, возможно, целесообразно их использовать при смене одних поколений другими в

историческом процессе, принимающим у каждого народа различные формы и различное содержание.

Далее Душков Б.А. рассматривает особенности этноса проявляющегося в процессе мышления. Мышление проявляется в языке народа. Диалектический материализм учит, что идеи не существуют, оторвано от языка. В пословицах и поговорках, в крылатых выражениях отражаются мысли народа, его знания и опыт: «Век живи, век учись», «Ученье свет, а не ученье тьма» и т. д. Пословицы отражают национальную культуру специфику языка, т. е. языковые значения, которые передаются из поколения в поколение в виде обобщенных образов, имеющих общие существенные свойства предметов и явлений, а так же связи и отношения между ними.[4]

Если в мышлении народа зафиксировано и отражено познание существенных явлений окружающей действительности, то творческая деятельность отдельных этносов ярко проявляется в функции воображения.

Одной из форм этнопсихологического мировоззрения является фантастическое отображение действительности, возникавшее в сознании первобытного человека, и господствующих над ним внешних сил, при котором земные силы принимают вид неземных (мифология, суеверия и т. д.). Вся мифология преодолевает, подчиняет и преобразовывает силы природы в воображении и при помощи воображения; мифы исчезают с наступлением действительного господства человека над природой. В мифологии отражаются так же нравственные взгляды и эстетическое отношение человека к действительности.

Бромлей Ю.В. отметил, что сложность взаимоотношений возникающих в общественной жизни между людьми этнических общностей, отражают уровни развития чувств народа. Это явление многообразно. Он считает, что нужно различать чувства выступающие в качестве компонентов характера этноса и проявление его в общих моральных качествах, от специфических чувств неразрывно связанных с этническим самосознанием и выражающих

эмоциональное отношение к собственно этнической действительности (к свойствам как своего, так и других этносов).

Если чувства народа отражают различные отношения, переживания исторической действительности, то целенаправленная деятельность людей связана с их волевой активностью, проявляющейся особенно ярко в наиболее тяжелые периоды формирования и развития этнической общности.[1]

Далее хотелось бы остановиться на такой категории в системе этнопсихологических характеристик, как психологический склад. Нередко его отождествляют с понятием характера.

Характер каждой данной этнической общности представляет собой органическое единство общего и особенного. Бромлей Ю. В. по этому поводу отметил, что отдельные качества и свойства характера, тесно переплетаются с другими этнопсихологическими характеристиками, образуя множество связанных между собой компонентов системы психологических особенностей народа, той или иной этнической общности. Однако это не механическая сумма специфических черт. Своеобразие характера этнической общности определяется наиболее типичными для них доминирующими чертами. Если в характере народа проявляются разнообразные качества и черты, присущие тому или иному этносу, то особенности их подчеркивает темперамент отдельных народов.

Говоря о темпераменте отдельных народов, Бромлей Ю.В. обратил внимание на то, что ошибочно было бы абсолютизировать значение темперамента как свойства этноса. Потому, что нельзя забывать, что речь идет всего лишь о преобладающем темпераменте, а так же, что темпераменты соседних этнических общностей обычно весьма близки, и наконец следует учитывать как влияние культурной среды на формирование темперамента, так и воздействие на его проявление других социальных моментов. Из этого следует, что, по-видимому, правильнее говорить не о национальном темпераменте, а о превалировании определенных проявлений различных типах темперамента в той или иной национальной среде.[2]

Такие межэтнические процессы как межэтнические отношения, общение, сотрудничество и общественная деятельность оказывают большое влияние на формирование этнопсихологические особенности людей.

Исторический процесс порождает множество различных форм межэтнического общения, которые опосредовано, связаны между собой. Каждый индивид застает «исторически создавшееся отношение людей к природе и друг другу».

Бахарева Н.В. в своей работе отметила, что фактор национальности, высоко значимый в первые дни общения, выступает на второй план в сравнении с факторами группового взаимодействия, среди которых как наиболее важные выделялись следующие: цель группового взаимодействия, характер групповой деятельности, эффективность взаимодействия. [13]

Далее хотелось бы рассмотреть возникновение межэтнических конфликтов и их предотвращение. Этот вопрос наиболее актуален, так как конфликтные противоборства в нашем государстве резко обострились и умножились, охватив все стороны общественной жизни.

Опыт показывает, что нужен, прежде всего, учет и контроль всей системы факторов, вызывающих и усиливающих агрессивность и конфликтность различного уровня. Для этого следует внимательно учитывать как общую социальную ситуацию, так и «психическую атмосферу», в которой действуют субъекты конфликта. Особого внимания при этом заслуживают их переживания по поводу ситуации зависимости, ущемленности, виновности, в которые они оказываются поставленными в силу тех или иных обстоятельств и причин.

На возникновение межэтнических конфликтов оказывают и такие укоренившиеся личностные качества, как взаимная нетерпимость, недоброжелательность; недоразвитость в качестве самостоятельных субъектов; ограниченность культурного уровня и упрощенность духовного мира, где зачастую эмоции и узкоэгоистические установки превалируют над рассудительностью. Такая личность легко втягивается в различные конфликты или же сама охотно инициирует их. При этом ее «самоопределение» в этих

конфликтах придает им не позитивный, а деструктивный смысл, в плане демократизации общественных процессов и направленности развития самой личности, поскольку не содействует, а препятствует реализации основных демократических принципов: равноправия, взаимного уважения, справедливости, самостоятельности, самоопределения, согласия и содействия. Чтобы реализовать эти принципы, необходимы прямо противоположные личностные качества: терпимость и доброжелательность, развитая самодеятельность и самосознание, высокий культурный уровень и душевная щедрость, позволяющие не только отчетливо осознать и выразить собственные интересы, но и согласовать их с интересами других и объединить для этого совместные усилия. Поэтому без трансформации, «перенастройки» в этом направлении массового сознания и поведения представителей всех основных групп населения нельзя ожидать придания процессу демократизации прочности и основательности, а сопровождающим его конфликтам – позитивного характера и гуманных, цивилизованных форм.

Особое значение имеет психологическая коррекция этнического сознания, национально-культурной идентификации, определение и тренировка осознанности общечеловеческих характеристик, способности к адекватным оценкам других людей, к признанию и принятию различных иных национально-культурных традиций и межгрупповых различий. [9]

В заключении хотелось бы отметить, что специфика психологических особенностей в этнических общностях существенно влияет на построение национальных взаимоотношений, организацию деятельности людей, их поведение и общение. Для успешного решения задач, связанных формированием межэтнических отношений, необходимо знать не только социально-экономические закономерности жизни людей, но и этнопсихологические, например изменения в области интересов, потребностей, ценностей, традиций, настроений, чувств. Эти факторы играют известную роль в развитии национальных отношений. Особенно важным фактором в формировании межэтнических отношениях является учет национальных

особенностей людей. А так же, комплексно рассматривать все аспекты деятельности учебного много интернационального коллектива, позволяющий выделить ряд особенностей. Учитывать эти особенности при обучении и воспитании человека. При формировании языкового общения, при трудностях психологической и социальной совместимости. Выявление новых психологических характеристик и особенностей личности. Создание и развитие этнических традиций. Накопление опыта стрессовых ситуаций. Проявление эмоциональной зрелости. Учет национальных чувств, через которые во многом проявляется отношение людей как к своей, так и к другим нациям, их материальные и духовные ценности и интересы, представляет собой особую важность в воспитании. Поэтому важными практическими проблемами являются изучение вопросов национальных отношений в становлении нового современного общества, в интернациональном воспитании человека, в совершенствовании межэтнических общественных отношений и т.д. Более гуманное (человеческое) общество можно построить только на взаимном уважении, взаимопонимании, на разумной честности и порядочности.

Литература.

1. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М.,1973. с.88
2. *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981г.
3. *Душков Б.А.* Некоторые проблемы интернационального коллектива. – В сб. Психологические и педагогические основы обучения студентов. М. , 1977.
4. *Душков Б.А.* Актуальные проблемы этнической психологии.- Психологический журнал 1981г.
5. *Франси Бо.* Отношения между людьми. С.-Петербург 2003г.
6. *Вилькеев Д.В.* Самосознание этноса и этноидентификация.- В сб. Психологические исследования в педагогическом университете. К., 2004.

7. *Соснин В.А.* Переговоры по урегулированию этнополитического регионального конфликта \\\ Психол. журн. № 6 1993.
8. *Нурматов С.* Национальное самосознание: сущность, типы и тенденции их развития. Автореф. дис. На соискание уч. Ст. канд. Филос. Наук. Ташкент, 1979.
9. Социальная психология \\\ Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова, Л., 1979.
10. *Бодалев А. А.* О разработке психологии познания людьми друг друга. Психол. журн., 1980, т. 1 №1
11. *Петренко В.Ф., Алиева Л.А.* Исследование этнических стереотипов с использованием методики «множественных идентификаций». Психол. Журн. № 6 , Т.8 1987 с. 107-113.
12. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса М ., 1986.
13. *Бахарева Н.В.* Социально-психологическое изучение национальных особенностей. - В кн.: Социальная психология. Л.,1979, с222
14. *Дробижева Л. М., Кузнецов И. М., Кцоева Г.У.* Некоторые проблемы этнопсихологических исследований. Психол. Журн. Т . 9 № 3 1988 с.26- 35.
15. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1982

§ 3. ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ И ПРОИЗВОЛЬНОГО ВНИМАНИЯ В ХОДЕ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Социальный аспект психических состояний является предметом пристального изучения с давних пор. Особую важность в данном контексте приобретает проблема этнических особенностей психических состояний народов, проживающих длительное время на одной территории в условиях интенсивных межнациональных отношений. Эта область исследований является недостаточно разработанной, хотя в данном направлении уже предпринимаются определенные шаги. Казанская школа психических состояний, в русле обозначенной проблемы, основное внимание уделяет различиям между двумя крупными этносами, в силу длительной истории связанных между собой крепкими культурными узами, а именно русскому и татарскому. Среди последних работ следует отметить исследования А.О.Прохорова по семантическим пространствам психических состояний русских и татар [14], в которых было обнаружено значительное совпадение лексических единиц этих народов при описании психических состояний, что может объясняться «...длительной историей совместного проживания, взаимопроникновением и обогащением культур, единым средством общения, которым является русский язык» [14, с.246]. В то же время присутствуют и различия, к примеру, татары преимущественно объясняют психические состояния при помощи описания *физиологических реакций* или *поведения*, а русские — через *физиологические реакции* и *переживания*, кроме того> имеется специфика в проявлении отдельных состояний, а также относительно психических состояний разного уровня интенсивности.

Этническим особенностям переживаний посвящены исследования Л.Р.Фахрутдиновой, результаты которых говорят о качественных различиях в протекании изучаемых явлений у русских и татар. Поскольку переживания выступают опосредующим звеном при взаимодействии состояний и

когнитивной сферы [20], то можно предположить, что в рассматриваемых этнических группах существуют различия и относительно динамики системы «состояния-процессы».

В связи с социальными запросами, вытекающими из условий совместного проживания (например, межнациональные браки, психотерапевтическая помощь, совместное обучение и т. д.), встаёт вопрос о типических проявлениях психических состояний русских и татар, а также механизмах их саморегуляции. Эти проблемы частично затронуты в работе [4], где указывается на различия между двумя группами в проявлении состояний *злость, страх, счастье, любовь* (более свойственным русским), и *состояний весёлость, тоска, депрессия* (которые в большей степени присущи татарам). Особенности саморегуляции двух этнических групп описаны в недавно вышедшей монографии А.О.Прохорова [15] и работе [5]. Обобщая изложенные в них данные, можно сказать, что оба основных этноса, населяющих Татарстан, в основном схожи в применении, как механизмов психологической защиты, так и способов саморегуляции психических состояний. Различия явно выражены лишь в группах с резко выраженной этнокультуральной соотнесенностью. Наиболее популярные защитные механизмы одинаковы и у русских, и у татар: это *отрицание* и *реактивные образования*, которым соответствуют *принятие* и *радость* в качестве основных эмоций, а на уровне личностных черт *доверчивость* и *общительность*. Таким образом, на протяжении веков совместного существования на общей территории оба этноса выработали защитные механизмы и практические единообразные способы регуляции психических состояний (общение, размышления, переключение внимания на деятельность, чтение книг, телевидение, музыка), которые помогают им жить в мире, принимать друг друга, испытывать радость от общения.

Несмотря на успешное изучение рассмотренных вопросов, в литературе практически не встречаются исследования, посвященные этнопсихологическим

различиям в механизмах взаимодействия психических состояний и психических процессов лиц русской и татарской национальности. **Цель** настоящего исследования заключается в изучении динамической системы «состояния-процессы» в плоскости учебной и педагогической деятельности с позиции этнических различий. В качестве процесса рассматривается произвольное внимание на примере перцептивной деятельности (зрительное восприятие).

Следует отметить, что проблема соотношения категорий психических состояний и процессов изучена недостаточно и в общепсихологическом плане, что значительно препятствует целостному взгляду на природу психических явлений. Например, Е.П.Ильин пишет по этому поводу: «Если уж говорить о связи психических состояний с процессами, то следует учитывать, что само состояние является процессом как последовательность когнитивных, аффективных и поведенческих реакций, актуализирующихся в результате воздействия на человека различных стимулов, ситуаций и деятельности» [3, с.36].

Психическое состояние обычно рассматривается как конкретное выражение, определенное соотношение и взаимодействие компонентов психики за определенный период времени, временное состояние этой системы [12]. Психические процессы чаще всего понимаются либо как функции психики, либо как протекающая во времени психическая деятельность [3].

Разницу между этими категориями психического обычно усматривают: во временном аспекте, в большей целостности и устойчивости психических состояний, в обуславливании психических процессов психическими состояниями (способ их организации, уровень и диапазон проявления, закономерности динамики взаимодействия) [2], [6], [12], [17].

Например, С.Л.Рубинштейн говорит, что психическое состояние выступает как способ организации психических процессов в определенный период времени. По мнению В.А.Ганзена, психическое состояние

характеризуется совокупностью одновременно протекающих психических процессов, по отношению к которым психическое состояние является фоном. Между психическими состояниями и процессами существуют сложные взаимоотношения: психические процессы при определенных условиях могут рассматриваться как психические состояния, например, внимание. Кроме того, динамика развертывания психических процессов, в соответствии с условиями деятельности, является одним из факторов возникновения новых психических состояний, которые, в свою очередь, вступают во взаимодействие с фоновым состоянием.

Оба сопоставляемые явления имеют иерархическую структуру, проявляют в процессе функционирования подвижность своей внутренней организации [18]. Внимание является динамической характеристикой протекания познавательной деятельности, включено в деятельность всех познавательных процессов, выполняя при этом функцию их регулирования [1], [2], [16]. Внимание может выступать в качестве фактора, обуславливающего смену эмоционального состояния и, наоборот, эмоциональные состояния влияют на работу внимания [19]. Анализ особенностей внимания с необходимостью должен учитывать деятельность, при которой оно протекает, поскольку каждый вид деятельности предъявляет к вниманию субъекта свои требования и в процессе её реализации формируются именно те свойства внимания, которые этой деятельности благоприятствуют. Данного основополагающего принципа придерживались многие исследователи внимания, например И.В.Страхов [19].

Наше исследование строилось по диахронному принципу: параметры психических состояний и внимания измерялись в начале, середине и конце занятия. Для измерения психического состояния использовалась известная методика «Рельеф психического состояния» А.О.Прохорова [13]. Свойства внимания изучались при помощи следующих методик: устойчивость, сосредоточенность, распределение внимания — корректурная проба Бурдона, переключение внимания - «Сложение чисел с переключением» К.К.Платонова,

избирательность внимания — методика Торндайка, объём внимания — «Бесмысленные слоги» [7], [9], [11].

Всего в экспериментальном исследовании приняло участие 84 человека, из них 45 респондентов татарской национальности и 39 — русской, все испытуемые являются студентами математического факультета КГПУ, средний возраст 18 лет. Исследование проходило в условиях учебной деятельности при интенсивной загруженности произвольного внимания. Статистическая обработка результатов включала в себя метод ранговой корреляции Спирмена, непараметрические критерии Фридмана и Вилкоксона.

Обратимся к результатам. В группе респондентов татарской национальности *в начале занятия* наиболее часто указываются психические состояния: веселость, радость, восторг — 26%; спокойствие, любопытство — 24%; усталость — 36%. *В середине занятия* — возбуждение, злость, напряжение, раздражение, ненависть — 41%; спокойствие — 13%; усталость — 35%. *В конце занятия* — злость, напряжение, раздражение — 19%; спокойствие — 4%; усталость, изнеможение, равнодушие — 70%.

В группе испытуемых русской национальности наиболее высокие распределения психических состояний следующие: *в начале занятия* - радость, счастье - 17%; спокойствие - 22%; усталость, апатия - 34%. *В середине занятия* - возбуждение, злость, напряжение, раздражение - 39%; спокойствие - 22%; усталость - 11%. *В конце занятия* - злость, напряжение, раздражение - 28%; спокойствие - 22%; усталость, изнеможение, равнодушие - 50%.

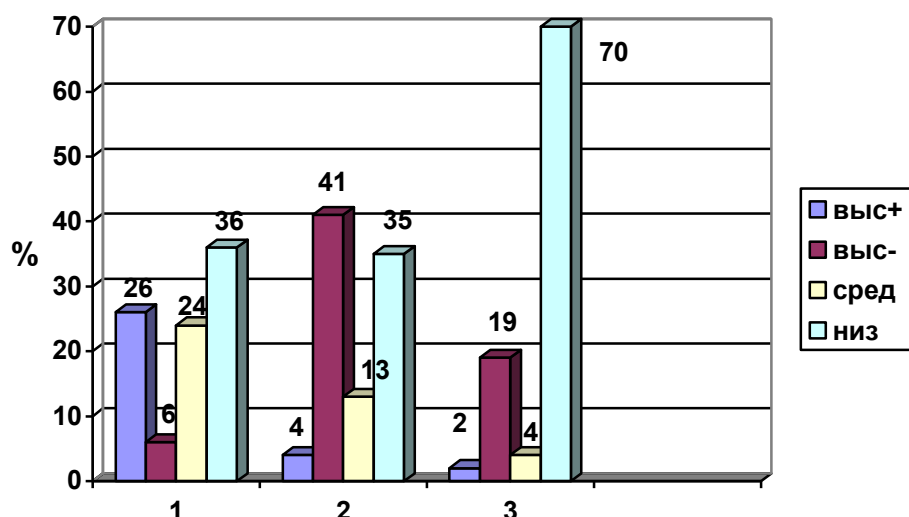

Рис 1 Динамика психических состояний разного уровня интенсивности респондентов татарской национальности

Таким образом, в обеих этнических группах (как видно на рис. 1 и рис. 2) прослеживаются сходные тенденции смены положительных психических состояний высокой степени интенсивности, характерных для ситуации начала занятия, отрицательными состояниями высокой степени интенсивности в середине занятия, которые, в свою очередь, переходят в отрицательные состояния низкого энергетического уровня в конце занятия. Однако в динамике состояний имеются и отличия. В татарской группе в течение занятия происходит падение частоты встречаемости психических состояний оптималь-

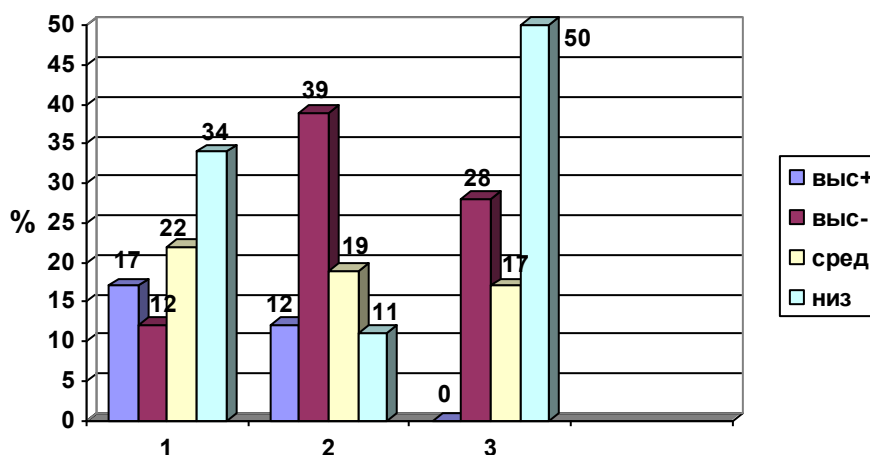

Рис 2 Динамика психических состояний разного уровня интенсивности респондентов русской национальности

ного уровня в 6 раз, тогда как в группе русских испытуемых частота встречаемости состояний среднего уровня интенсивности понижается незначительно. Говорит ли данная динамика о большей психологической устойчивости испытуемых русской национальности в условиях данного исследования? Возможно, здесь проявляются типологические особенности психических состояний, о которых говорилось выше. У русских состояния в большей степени дифференцируются по энергетической составляющей, поэтому их феноменология сильнее связана с интенсивностью психических состояний. У татар же относительно равновесные состояния более близки к положительным состояниям высокого уровня психической активности, например, радости [14]. Указанное соотношение хорошо проиллюстрировано на рис. 1 и рис. 2. Что касается более высоких значений физиологических показателей в татарской группе, то они скорее обусловлены доминированием в «ядерных образованиях» данной этнической группы физиологических реакций, о чём говорилось выше. Аналогичные замечания можно сделать относительно отрицательных состояний высокой психической активности. Так, например, состояние злости, которое относится к отрицательным состояниям высокой интенсивности, более часто встречается среди русских [4], поэтому на приведенных диаграммах русские респонденты имеют несколько более высокие значения по данным состояниям в ходе занятия. Кроме того, различия в состояниях могут быть обусловлены гендерным фактором, который имеет большую вариативность по сравнению с этническим фактором (в группе татарских респондентов на 5% меньше мужчин) [5], уровневыми характеристиками саморегуляции, внимания и т. д.

Анализ суммарных средних показателей психических состояний в обеих этнических группах показывает значительное снижение интенсивности всех его компонентов к концу занятия, хотя в середине занятия и происходит некоторое их повышение за счет увеличения значений физиологического компонента психических состояний (соответственно 7,68; 7,82; 7,49 в татарской группе и 7,23; 7,49; 6,87 — в русской группе), что объясняется преобладанием

отрицательных состояний высокой степени интенсивности, «основное приспособительное значение которых в мобилизации энергии индивида» [3, с.159]. В группе татар наиболее сильная вариативность наблюдается в показателях восприятия, воображения, воли, внимания, координации движений, желудка, грустности, сонливости, тяжести переживаний, а также напряженности поведения, в группе русских — восприятия, представления, мышления, речи, координации движений, двигательной активности, пота, вялости переживаний, напряженности поведения.

Таким образом, обобщая полученные выше данные, можно сказать, что динамика психических состояний русских и татар в ходе учебной деятельности имеет, в общем, схожие характеристики как в отношении типа неравновесности (за исключением состояний оптимального уровня психической активности), так и в отношении вариативности различных компонентов психических состояний. Типичными состояниями в *начале занятия* являются веселость, радость, восторг, спокойствие, любопытство, которые относятся к состояниям удовлетворения. Известно, что в этих состояниях возрастает количество выделяемого желудочного сока, она сопровождается возбуждением двигательных центров, покраснением кожи, улучшением работоспособности [10]. В *середине занятия* преобладают состояния возбуждения, злости, напряжения, раздражения, ненависти (об этих состояниях будет сказано ниже) и в *конце занятия* — усталости, изнеможения, равнодушия. Кроме того, состояние усталости имеет высокие показатели на протяжении всего занятия, поэтому данное состояние можно считать «сквозным». Имеющиеся в литературе сведения говорят, что при усталости (умственном утомлении) резко ухудшается устойчивость ясного видения, снижается концентрация внимания, объём внимания, затрудняется его переключение и распределение, появляются нарушения запоминания, нарушается координация движений, снижается быстрота реагирования. Однако имеются также данные, указывающие на улучшение продуктивности психических процессов [3].

Теперь рассмотрим динамику взаимодействия психических состояний и произвольного внимания в русской и татарской группах. Для анализа корреляционных структур удобно использовать коэффициент включенности (отношение количества значимых корреляций количеству возможных) и коэффициент устойчивости (отношение количества корреляций, значимых на уровне менее 0,01, к общему числу значимых корреляций). Можно предполагать, что вследствие высокого уровня неустойчивых, гибких связей психических процессов с состояниями обеспечивается изменчивость последних, что обеспечивает уравнивание субъекта со средой, наличие относительно устойчивых связей обеспечивает управление психическими процессами и их закрепление в структуре состояний, связанных, в нашем случае, с учебным процессом. Величина коэффициента включенности может указывать на большую значимость того или иного признака в функциональной структуре состояния [12]. Как видно из рис. 3, наиболее высокая устойчивость взаимодействия психических состояний и внимания в татарской группе характерна для ситуации середины занятия, когда преобладают отрицательные состояния высокой интенсивности, на этом этапе и происходит резкое падение показателей сосредоточенности и устойчивости внимания ($p < 0,001$), низкие значения указанных свойств сохраняются до конца исследования. Известно, что сосредоточенность является основным и специфическим признаком внимания [19], динамика показателей данного свойства характеризует энергетическое состояние системы.

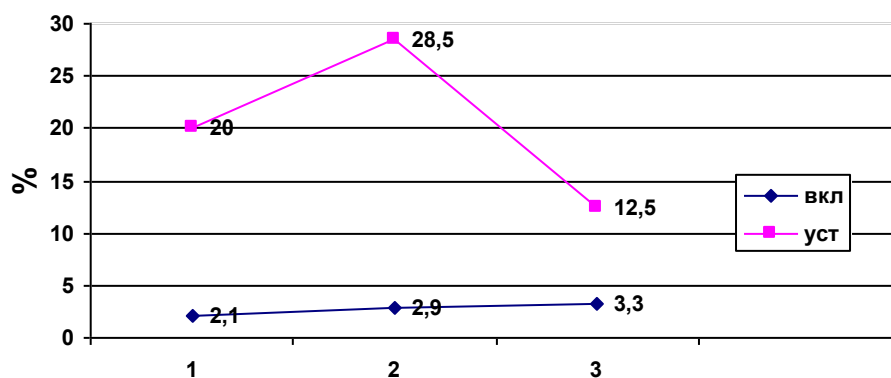

Рис 3 Динамика параметров взаимодействия психических состояний и внимания в татарской группе

Можно предположить, что именно напряженность внимания является причиной актуализации таких психофизиологических состояний как усталость и изнеможение, преобладающих в конце занятия (70%, см. рис. 1). Подтверждением данного предположения является тот факт, что в психологии состояний говорят об операциональной напряженности, если психическая напряженность обусловлена высоким темпом сенсорной или интеллектуальной деятельности. В состоянии напряженности в первую очередь страдают сложные действия и интеллектуальные функции: нарушаются процессы восприятия и мышления, снижается объём памяти и пр. Однако на состояния напряженности влияют также такие факторы, как степень субъективной трудности задачи для человека и типологические особенности проявления свойств нервной системы [8]. Кроме того, в форме гнева, разочарования, досады и других состояний, возникающих в середине занятия, могут проявляться так называемые фрустрационные эмоциональные состояния. В первом случае они могут вызывать у человека раздражительность, злость, упрямство, желание добиться цели во что бы то ни стало (экстрапунитивная форма), во втором случае — тревожность, подавленность (интрапунитивная), в третьем случае — ситуация воспринимается как малозначимая (импунитивная). Проявление фрустрированности в той или иной форме зависит от личностных особенностей человека: лица со слабой нервной системой чаще проявляют интрапунитивную форму фрустрированности, лица с сильной системой — экстрапунитивную форму. Фрустрация может оказывать различное влияние на деятельность человека. В одних случаях, она мобилизует его для достижения цели, повышает силу мотива, в других — демобилизует или провоцирует отказ от деятельности. Все эти факторы могут, как ухудшать, так и улучшать продуктивность психических процессов на протяжении занятия [3]. Подобное происходит и в нашем случае, не все свойства внимания демонстрируют нисходящую динамику, некоторые свойства внимания улучшают свои показатели, например, объём внимания возрастает с середины занятия и эти изменения сохраняются до конца исследования ($p < 0,001$). Распределение внимания улучшается во

втором замере ($p < 0,05$), однако к концу занятия возвращается к исходному уровню. Различия остальных свойств внимания не достигают уровня статистической значимости.

Наибольшую включенность во взаимодействие со стороны психического состояния показывает физиологический компонент (см. рис. 4), этот уровень можно назвать самым напряженным в рассматриваемом взаимодействии. Особенно высокие значения компонента физиологических реакций наблюдается в середине занятия, когда происходит рост показателей неравновесных отрицательных состояний, при этом устанавливаются устойчивые связи с дыханием и кожными ощущениями. Описание этих явлений встречается в научной литературе, например: «Человек при гневe чувствует себя раздраженным, это сопровождается покраснением или побледнением кожи лица, шеи, рук ... дыхание учащенное и глубокое, прекращается секреция желудочного сока ... Оно сопровождается приливом энергии, чувством уверенности в себе» [3, с. 159]. Взаимодействие внимания с психическими состояниями происходит в основном через объём внимания (см. рис. 6).

Со стороны структуры внимания наблюдается резкое понижение, как коэффициента устойчивости, так и включенности с середины занятия и сохранение этой динамики до его завершения (см. рис. 5). В то же время, начиная с середины занятия, можно наблюдать дезинтеграцию структуры внимания, устойчивая связь сохраняется только между устойчивостью и сосре-

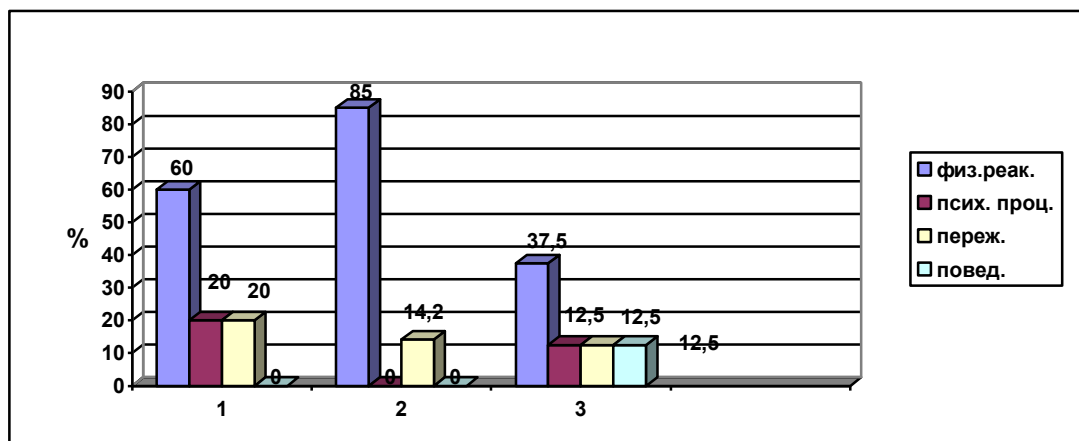

Рис 4 Включенность компонентов психического состояния во взаимодействие со вниманием в татарской группе

доточенностью внимания (см. рис. 6). Это связано со значительным влиянием неравновесных отрицательных состояний на динамические характеристики процессов внимания, что в целом приводит к снижению продуктивности внимания.

Рассмотрим теперь динамику взаимодействия психических состояний и произвольного внимания в русской группе: *в начале занятия* структурирование связей со стороны психических состояний происходит в основном вокруг показателей психических процессов (32,5%) и переживаний (32,5%), со стороны свойств внимания — переключения (66,2%).

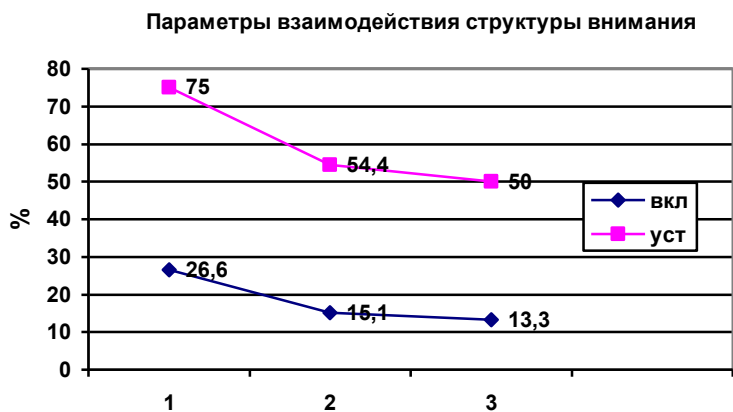
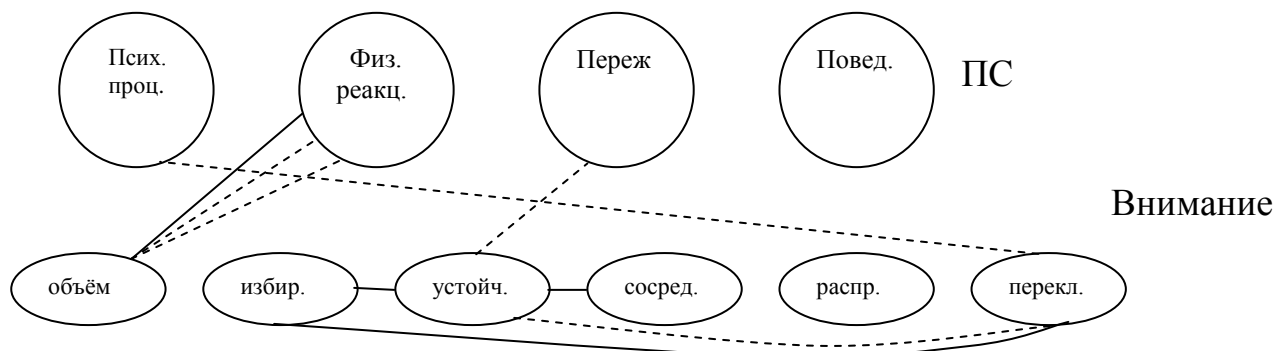
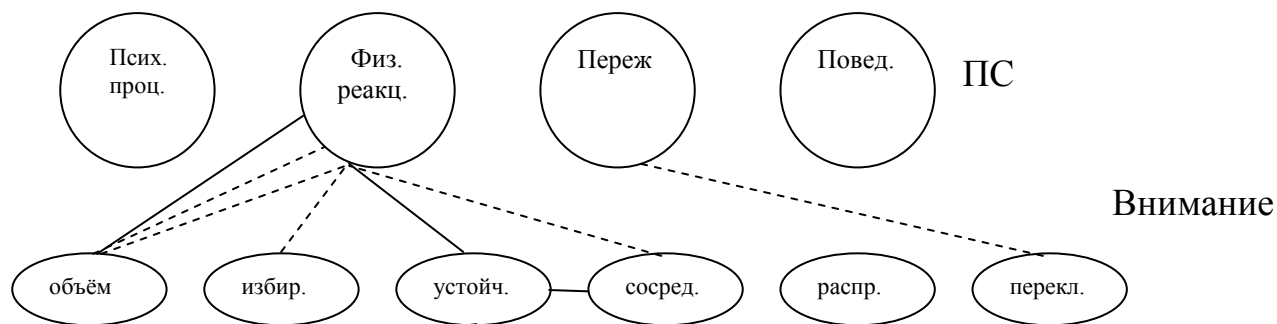

Рис 5 Параметры взаимодействия структуры внимания в татарской группе

Начало занятия (устойчивые связи: объём внимания – желудочные ощущения 0,397; избирательность – устойчивость 0,573; избирательность – переключение 0,600; устойчивость – сосредоточенность 0,663)

Середина занятия (устойчивые связи: объём внимания – дыхание 0,407; устойчивость – кожа 0,402; устойчивость – сосредоточенность 0,799)

Конец занятия (устойчивые связи: объём внимания – дыхание 0,430; устойчивость – сосредоточенность 0,634)

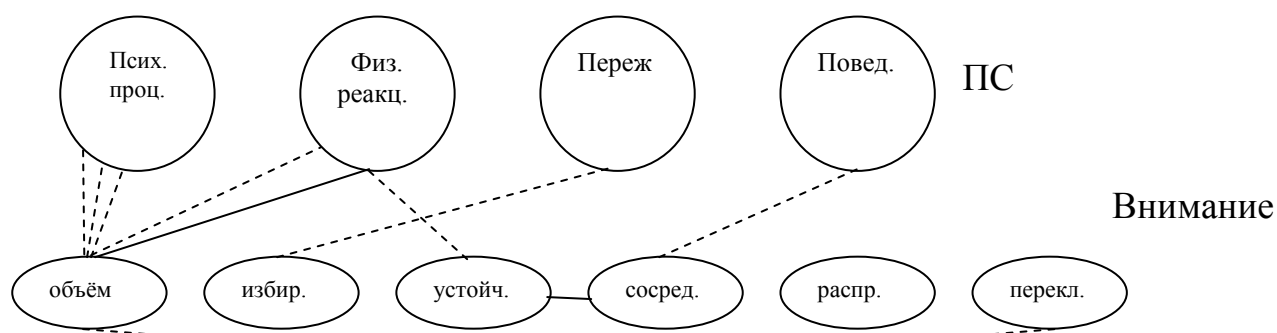

Рис 6 Взаимодействие психических состояний и внимания в ходе учебной деятельности (татарская группа), пунктирной линией показаны неустойчивые связи.

Устойчивые связи образуют пары: переключение внимания – координация движений (0,616), переключение внимания – грустность (0,601). *В середине занятия* взаимосвязь между психическими состояниями и вниманием осуществляется в основном через показатели переживания (43%), поведения (51%), распределения внимания (25%) и переключения (32%), устойчивая связь сохраняется только между сосредоточенностью внимания и устойчивостью.

В конце занятия наибольшее количество корреляций приходится на показатели физиологических реакций (62,5%), распределения (60%) внимания, причем наиболее устойчивая связь наблюдается между распределением внимания и желудочными ощущениями. От начала к концу занятия происходит резкое падение устойчивости взаимодействия психических состояний и внимания (17,6%, 2,4%, 12,5% соответственно), схожая динамика наблюдается

относительно показателя включенности (7,1%, 1,7%, 3,3%). На протяжении занятия значительные изменения претерпевает и структура внимания, коэффициент устойчивости от начала к концу исследования соответственно принимает значения 81,1%, 79,2%, 33,3%, что также свидетельствует об уменьшении продуктивности внимания. Коэффициент включенности принимает соответственно значения 6,6%, 7,4%, 18,2%. Среди показателей внимания в группе студентов русской выборки достоверно различаются показатели сосредоточенности ($p < 0,01$), которая уменьшается с середины занятия и сохраняет свои низкие значения до его завершения, и показатели устойчивости внимания ($p < 0,01$), имеющие аналогичную динамику. Значения прочих свойств внимания также значительно падают от начала к концу занятия, однако указанные различия не достигают уровня статистической значимости.

Сопоставительный анализ полученных данных позволяет заметить как общие закономерности взаимодействия психических состояний и внимания в двух этнических группах, так и различия, а именно:

- 1) Для обеих этнических групп характерны типичные состояния в начале, середине и конце занятия, которые определяют динамику взаимодействия психических состояний и процесса внимания (соответственно: *веселость, радость, восторг, любопытство, спокойствие* — *возбуждение, злость, напряжение, раздражение, ненависть* — *усталость, изнеможение, равнодушие*). Состояние усталости является «сквозным» на протяжении всего исследования. Различия в динамике психических состояний касаются состояний оптимального уровня психической активности, показатели которых в русской группе сохраняют значительное постоянство на протяжении всего занятия, а в группе респондентов татарской национальности претерпевают значительное падение к концу занятия.
- 2) Наблюдается значительное влияние неравновесных отрицательных состояний на динамические характеристики процесса внимания, при этом снижается его продуктивность за счет резкого снижения показателей

устойчивости и *сосредоточенности* с середины занятия, величина этих показателей остается неизменной до конца занятия, что можно объяснить значительным энергетическим истощением испытуемых. Однако в татарской группе наблюдается достоверное повышение показателей *объёма* ($p < 0,001$) и *распределения внимания* ($p < 0,05$) с середины занятия, при этом объём внимания сохраняет высокие показатели до конца занятия, а распределение внимания в третьем измерении возвращается к прежнему уровню. Остальные свойства внимания не показали статистически достоверных различий ни в одной из изучаемых групп.

- 3) Результаты исследования динамической структуры внимания и психических состояний позволяют заметить основные механизмы их взаимодействия: *организации*, *дифференциации* и *дезорганизации*. Процессы организации связаны с конвергенцией отдельных свойств внимания к различным компонентам психических состояний, дезорганизации — с распадом сложившихся связей, дифференциации — с образованием наиболее напряженных звеньев в динамической структуре из разных свойств внимания и компонентов психических состояний в ходе учебной деятельности. Но конкретная реализация данных механизмов различна в группах русской и татарской национальности: для первой характерны резкое падение устойчивости и включенности взаимодействия начиная с середины занятия, динамика этих процессов выражается «*U-образной*» зависимостью; для второй — данная динамика описывается «*∩-образной*» зависимостью, при этом показатели включенности во взаимодействие между психическими состояниями и вниманием изменяются незначительно. Наибольшей напряженностью в структуре психических состояний в татарской группе обладает компонент *физиологических реакций* (на протяжении всего исследования) и компонент *психических процессов* (в конце занятия); в русской группе — *психических процессов* и *переживаний* в начале занятия,

физиологических реакций в конце занятия, в середине занятия доминирующего компонента не выявлено.

- 4) Свойства внимания по-разному включены во взаимодействие с психическими состояниями в интервалах текущего времени, также различна устойчивость их взаимодействия, что обусловлено, вероятно, модальностью текущих состояний, также как и уровневыми характеристиками внимания. В татарской группе наибольшую напряженность взаимодействия на протяжении всего занятия демонстрирует свойство *объёма внимания* ($p < 0,01$), в русской выборке в начале занятия — *переключение внимания* ($p < 0,01$), в середине занятия доминирующего компонента со стороны внимания не выявлено, в конце занятия — *распределение внимания* ($p < 0,01$).

Рассмотрение динамических структур в ходе учебной деятельности с точки зрения этнопсихологических различий имеет важное прикладное значение: появляется возможность выявлять наиболее напряженные звенья взаимодействия между психическими состояниями и процессами. Это позволяет не только судить об изменениях состояний, но и прогнозировать поведение систем с учетом этнического фактора, а также обоснованно формировать необходимые методы самоуправления с целью более эффективной организации учебной деятельности.

Литература

1. Гарбер Е.И. Системно-генетическая психология. — Саратов: Изд-во СГУ, 1998. — 41 с.
2. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. — Л.: ЛГУ, 1984. — 235 с.
3. Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека. — СПб.: Питер, 2005. — 412 с.
4. Ларионова И.Г. Этнические и гендерные особенности психических состояний // Психология психических состояний. — Вып. 5. — Казань: Центр инновационных технологий, 2004. — с. 409-418.
5. Ларионова И.Г. Защитные механизмы и состояния лиц с выраженной этнокультуральной идентичностью. // Психология психических состояний. — Вып. 5. — Казань: Центр инновационных технологий, 2004. — с. 418-423.
6. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. — М.: Просвещение, 1964. — 344 с.
7. Марищук В.А., Блудов Ю.М., Плахтиенко В.А., Серова Л.К. Методики психодиагностики в спорте. — М.: Просвещение, 1990. — 305 с.
8. Наенко Н.И. Психическая напряженность. — М.:, 1976. — 261 с.
9. Платонов К.К. Психологический практикум. — М.: Высшая школа, 1980. — 204 с.
10. Платонов К.И. Слово как физиологический и лечебный фактор. — М.: Высшая школа, 1962. — 171 с.
11. Практикум по общей и экспериментальной психологии. / Под ред. Крылова А.А. — ЛГУ, 1987. — 389 с.
12. Прохоров А.О. Психические состояния и их функции. — Казань, 1994. — 167 с.
13. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 1998. — 152 с.

14. Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. — Дубна: Феникс +, 2002. — 280 с.
15. Прохоров А.О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. — М.: ПЕР СЭ, 2005. — 352 с.
16. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 2002. — 720 с.
17. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. — М.: 1957. — 583 с.
18. Страхов В.И. Вопросы психологии внимания: самонаправленность, динамика и регуляция. — Вып.4. — Саратов, 1992.
19. Страхов И.В. Психология внимания. — Саратов, 1968. — 45 с.
20. Фахрутдинова Л.Р. Информационные взаимоотношения психических процессов, переживаний и психических состояний. // Психология психических состояний. — Вып.4. — Казань: Центр инновационных технологий, 2002. — с.56-71.

§ 4. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ОСНОВНЫХ НАРОДОВ ТАТАРСТАНА

Нами было проведено эмпирическое исследование этноконтактных групп русских и татар, проживающих на территории Республики Татарстан.

В обследовании культурно - ценностных ориентаций основных народов Татарстана приняли участие 821 испытуемых, из них 209 – русские, 387- татары, остальные – представители чувашских и удмуртский этносов. Обследованные были разделены на несколько групп: по социальным слоям - интеллигенция и рабочие в сфере производства, транспорта, торговли; по признаку социализации до 15- летнего возраста в моно – или билингвальной среде; по месту проживания – в сельской или урбанизированной социальной среде. (рис. 1)

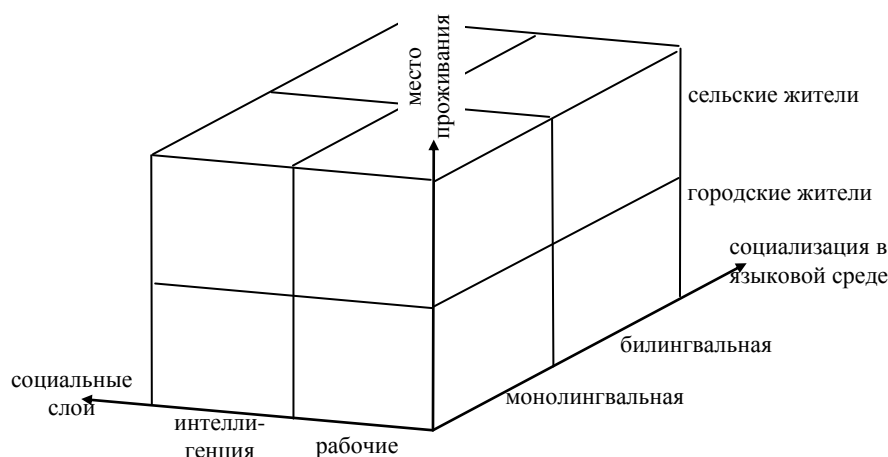

Рис. 1. структура выборки обследованных.

Наиболее обобщающим из всех дифференцированных измерений социокультурных ценностей представляется измерение по оси “коллективизм - индивидуализм”.

Социокультурные размерности, “коллективизм - индивидуализм”, - это общие социокультурные ценности как для культуры в целом, так и для ее отдельных представителей.

Изучение культур в диапазоне различных измерений предполагает выявление набора ценностей, специфичных для каждой культуры. Знание

культурной специфики позволяет прогнозировать индивидуальное групповое поведение в различных этноконтактных ситуациях.

В континууме этой психологической универсалии рассматривались 4 типа групповых ценностных ориентаций.

1. Ориентация на группу – ориентация на себя. В ней представлены такие показатели:

-внутригрупповая (внутриэтническая) поддержка (взаимовыручка - разобщенность);

-подчиненность группе (подчинение - самостоятельность);

-традиционность (верность традициям – разрушение традиций);

2. ориентация на изменение в обществе с показателями:

-открытость переменам – сопротивление им;

-ориентация на перспективу (устремление в прошлое – устремление в будущее);

-степень риска (осторожность – склонность к риску);

3. Направленность на межэтническое взаимодействие с полюсами:

-толерантность – интолерантность (миролюбие - агрессивность);

-эмоциональность (сердечность - холодность);

-мотивация достижения целей (уступчивость - соперничество):

4. ориентация на власть в диапазоне параметров:

-подчинение запретительным и регулирующим стандартам общества (дисциплинированность – своеволие);

-законопослушность – анархия;

-значимость авторитета (уважение власти – недоверие к власти)

На основании результатов экспериментального кросскультурного исследования ценностных ориентаций русских и татар, были получены данные, имеющие статистическую значимость. Эти данные представлены в таблицах с № 1-11.

(полученные значения варьируются по показателям от 0-1).

Для удобства анализа, нам представляется целесообразным интерпретировать данные одновременно по двум составляющим – этнофоры, социализировавшиеся в **билингвальной** и **монолингвальной** среде (БИ и МОНО).

В нашем обследовании испытуемые были разделены на группы: по национальной принадлежности (русские и татары), по социальным слоям (интеллигенция и рабочий класс), по месту социализации (село и город БИ и МОНОлингавлы) и по месту проживания (городское или сельское население).

Рассмотрим и проанализируем в начале данные, полученные в результате использования методики КЦД.

Кросскультурные ценностные ориентации русских и татар, проживающих на территории РТ, рассматривались нами по 4 типам ценностных ориентаций. (для удобства восприятия мы анализируем каждую группу и представляем данные в табличном виде).

Таблица 1.

Ориентация на группу (представители интеллигенции)

показатели	БИлингвалы		МОНОлингвалы	
	русские	татары	Русские	Татары
Внутригрупповая сплоченность	0,5-0,3	0,4-0,2	0,7-0,5	1-0,5
Подчинение-самостоятельность	0,4-0,6	0,4-0,3	0,5-0,5	0,7-0,5
традиционализм	0,4-0,3	0,3-0,1	0,8-0,4	0,7-0,1

Общинность, клановость, коллективизм и внутриэтническая сплоченность проявляются через подчинение этнофора группе, в важности для этнофора одобрения со стороны группы, в ощущении внутри групповой поддержки, в приоритетах межпоколенных связей. Как русская, так и татарская интеллигенция, социализировавшаяся в **билингвальной среде**, невысоко оценивают друг друга по критериям внутринациональной сплоченности.

Это говорит о том, что совместное проживание двух народов, имеющих глубокие исторические культурные корни, многовековые традиции существенно влияют на кросскультурную оценку. Это выражается в

соперничестве между соседствующими нациями, в достижении целей, отношении к власти и расхождении в ценностях жизни и жизненных приоритетах. Все это подсознательно накладывает отпечаток на некое негативное отношение этнических соседей друг к другу. В урбанизированной среде, где царит быстрый и жесткий ритм жизни, постоянная борьба за выживание в условиях мегаполиса, верность традициям, поддержание внутриэтнической сплоченности уходит на второй план.

Постоянное проживание на одной территории двух этносов, видение как положительных так и отрицательных сторон культур, способствует развитию как положительных тесных межэтнических контактов, так и развитию дистанцированности по отношению к соседствующим этноформам другой этнической группы.

Из табличных данных видно, что русские и татары, проживающие в урбанизированной среде, более ориентированы на индивидуализм и не настроены на внутриэтническую групповую сплоченность. Отмечается утрата клановых отношений в результате городского уклада жизни.

Монолингвальная интеллигенция, в отличие от билингвальной, ориентирована на внутриэтническую сплоченность (коллективизм).

Разные культуры формируют разные типы поведения, образа жизни и деятельности. Восточная культура ориентирована, в большинстве случаев, на подчинение личных интересов ценностям группы. Русская же культура формирует личность, которая должна подчинять свои действия и поступки обществу в целом.

Активное возрождение обычаев свидетельствует о тяготении титульного народа Татарстана, прошедших социализацию в монолингвальной среде, к своему историческому прошлому. Связь с ним осуществляется как через религию, так и сохранение национально-культурных ценностей в быту. Русские и татары, проживающие в сельской местности, активно участвуют в поддержании традиций; ориентация на свою этническую группу усилена таким качеством как верность традициям, как у русских, так и у татар.

Городская интеллигенция, социализировавшаяся в **билингвальной среде**, и, независимо от национальной принадлежности, не тяготеет к своему историческому прошлому и поддержанию национальных традиций.

Таблица 2

Ориентация на изменения в обществе

показатели	БИлингвалы		МОНОлингвалы	
	русские	татары	Русские	Татары
Открытость-замкнутость	0,6-0,3	0,4-0,2	0,7-0,2	0,8-0,2
Устремление в прошлое–в будущее	0,3-0,6	0,3-0,4	0,5-0,4	0,5-0,7
Осторожность – склонность к риску	0,7-0,4	0,2-0,4	0,5-0,4	0,4-0,5

Русское население считает, что татары, проживающие на территории РТ, позитивно настроены на изменения в обществе, открыты к переменам и устремлены в будущее. Русские билингвалы видят стремление татар к преобразованию и нововведениям, развитию своей национальной самобытной культуры. Это прослеживается во внедрении татарского самосознания в национальные татарские школы, в ВУЗы, в переименовании улиц, в попытках перевода письменности на латиницу.

Полученные данные говорят о том, что русские, по мнению татары, не стремятся к самосовершенствованию и развитию своей национальной культуры, имея за спиной богатейшую культуру и исторический опыт. Татары, видя и осознавая это, постоянно общаясь с этническими соседями, стремятся к манифестации своих национальных особенностей и национальной принадлежности. Это выражается: в стремлении превзойти русскую культуру, изолируя ее тем самым из СМИ, которые стали основой формирования обновленной общественной жизни татарского народа; в участие татар в органах самоуправления; в создании национальной системы народного образования; в острой национальной самобытности, трудолюбии, ответственности, дисциплинированности, сплоченности, клановости, в силу своего

исторического прошлого; в понимании и осознании того, что Татарстан – историческая и территориальная родина татар. Эта яркая национальная черта зародилась и в дальнейшем закрепились, в основном, в монолингвальной сельской среде.

В отличие от **билингвал**, татары **монолингвы** оценивают русских как более инертных к нововведениям и более подверженных к традиционному укладу жизни.

В Татарстане общая основа континуума ценностных ориентаций городской интеллигенции русских и татар – ориентация на будущее и открытость переменам.

Русские сельчане ориентированы на изменения в обществе больше, чем татары. Хотя татары, по мнению русских, более склонны к риску [Осторожность 0,2 – склонность к риску 0,4]. Об этом свидетельствует стремительный рост в экономике и политике за последние 10-15 лет.

Проживание в монолингвальной среде, условно изолирует сельское население от различных кросскультурных информационных, представляя соседствующую нацию в идеализированном положительном свете. Это видно из полученных данных: люди, проживающие в монолингвальной среде дают более положительную оценку этническому соседу.

Таблица 3

Направленность на взаимодействие

показатели	БИлингвалы		МОНОлингвалы	
	русские	татары	Русские	Татары
Толерантность - интолерантность	0,6-0,3	0,3-0,2	0,7-0,3	0,8-0,3
Эмоциональность Сердечность - холодность	0,5-0,3	0,4-0,2	0,7-0,2	0,4-0,3
Мотивация достижения	0,5-0,5	0,1-0,2	0,4-0,4	0,6-0,5

Анализируя результаты обследования, видно, что русские и татары не ориентированы на положительное межэтническое взаимодействие друг с другом, особенно ярко это выражено у представителей татарской

интеллигенции, в прошлом эмигрировавших из сельской местности, ассимилировавшихся в урбанизированной билингвальной среде и получивших образование в городском высшем учебном заведении. На последнем сороколетнем отрезке новейшей истории Татарстана сельские эмигранты в первом поколении прочно закрепились в городской среде в здравоохранении, культуре, правоохранительных и административных органах.

У представителей **городской билингвальной** интеллигенции наблюдается дистанцированность по отношению друг к другу, нежелание близких этноконтактных связей. С одной стороны, наблюдается внешняя бытовая толерантность, миролюбие и сердечность по отношению к этническому соседу (к русским), в реальности – татары дают низкую оценку русским по показателям межэтнического взаимодействия, определяя их как дистанцированно настроенных по отношению к соседствующей группе, что говорит о скрытом непринятии принципов, жизненных ценностей русских и некой дистанцированности от соседствующей нации.

Таким образом, спектр культурно-ценностных ориентаций этнофора тем шире, чем дальше он находится в билингвальной среде. Монолингвальная сельская интеллигенция более терпима к своим иноязычным соседям, в то время как горожане относятся с «холодком» к представителям иного народа.

Татары считают, что русские не стремятся к достижению своих целей, в различных сферах жизнедеятельности, тем самым показывая, что русские по их мнению пассивны и не ориентированы на положительное соперничество. [мотивация достижения: уступчивость – 0,1 – соперничество – 0,2].

Соперничество же всегда является неотъемлемым атрибутом урбанизации. Это больше касается татар, проживающих в билингвальной среде. По мнению русских, такое качество как соперничество достаточно высоко выражено у представителей татарской национальности.

Жители сел и маленьких городов более склонны к сотрудничеству, чем жители больших городов.

В отличие от представителей русской и татарской **билингвальной** интеллигенции, этнофоры, социализировавшиеся в **монолингвальной** среде более тяготеют к кросскультурному взаимодействию с соседствующим народом. Русские сельские жители более эмоционально настроены на межэтническое общение с соседствующей нацией, что свидетельствует об образованности, высокой культуре и стремлении к «принятию другой культуры» и соседствующей нации. Прошедшие социализацию в монолингвальной среде, где отсутствуют кросскультурные отношения, русские и татарские этнофоры не ощущают и не сталкиваются воочию с межнациональными внутренними конфликтами. Все это ведет к положительному межэтническому взаимодействию и отношению между титульными народами Татарстана.

Таблица 4

Ориентация на власть

показатели	БИлингвалы		МОНОлингвалы	
	русские	татары	Русские	Татары
Дисциплинированность-своеволие	0,5-0,6	0,5-0,2	0,7-0,3	0,8-0,3
Законопослушность - анархия	0.6-0,3	0,4-0.1	0,7-0,2	0,4-0,3
Значимость авторитета-недоверие власти	0,4-0,4	0,4-0.2	0,4-0.4	0,6-0.5

Ориентация на власть и на политически значимые авторитеты наблюдается по оси дисциплинированность и жестокость регулирующих запретных стандартов общества. Особенно бросается в глаза подчинение авторитетам среди представителей интеллигенции в монолингвальной среде. Этому свидетельствует соблюдение этики как внутри этнической группы, так и на бытовом уровне. (Например: почитание старших и высокостатусных лиц, распределение материальных благ и иерархия «почетных» мест на семейных встречах, собраниях, свадьбах и т.д.)

По данным таблиц и после анализа полученных эмпирических данных обследования БИ и МОНОлингвальной интеллигенции, можно сделать выводы:

1. русская и татарская интеллигенция, прошедшая социализацию в билингвальной среде, не ориентирована на поддержание положительных межэтнических отношений, а так же не склонна к тесному межэтническому взаимодействию. Билингвальная интеллигенция, безотносительно к национальной принадлежности, не ориентирована на коллективизм.

2. монолингвальная интеллигенция, независимо от национальной принадлежности, ориентирована на близкое межэтническое общение с соседствующей нацией, ориентирована на коллективизм и стремится к поддержанию положительных теплых межэтнических взаимоотношений с соседствующей нацией.

Представители рабочих (БИлингвалы).

После проведенной нами математической обработки, статистическую значимость имеют только значения кросскультурного исследования отношения русских к татарам.

Первая группа респондентов – русские рабочие, прошедшие социализацию в билингвальной среде, и проживающие в урбанизированной среде.

Таблица 4

Ориентация на группу

показатели	РУС	БИ
	горожане	село
Внутригрупповая сплоченность	0,3-0,3	0,7-0,4
Подчинение-самостоятельность	0,3-0,5	0,4-0,7
традиционализм	0,6-0,3	0,6-0,2

По данным кросскультурного обследования, выяснилось следующее: русской рабочего класса, социализировавшиеся в **билингвальной среде** и проживающие в **сельской местности**, считают, что татары склонны к полюсу

коллективизма, ориентированы на внутригрупповую поддержку, и при этом, достаточно самостоятельны.

Рабочие русской национальности, прошедшие социализацию в билингвальной среде, и проживающие в дальнейшем в полилингвальном обществе, считают, что жизненные устои татар, прочные в селе, в урбанизированной среде теряют свою значимость и внутриэтническую силу. Татары подстраивают свою модель поведения и образ социализации под городской стиль, и этому свидетельствует утрата внутриэтнической сплоченности и потеря внутригруппового коллективизма.

Русские рабочие, проживающие в городской социальной среде, расценивают своего этнического соседа как более ориентированного на индивидуализм и не поддерживающего клановость своего народа. Причиной этому является сельская социализация, где не «царит» городская модель поведения, с жестким ритмом жизни и стремительно меняющимися условиями проживания.

Сельский образ жизни накладывает иной образ поведения. Открытость, доброта, взаимовыручка, поддержание традиций – все это является важным моментом социализации в сельской жизни. **Русские сельские билингвалы**, проживающие на одной ландшафтной территории с татарами, внутриэтническую сплоченность своего этнического соседа, считают, что их взгляды ориентированы на коллективизм, и открыты к межэтническому взаимодействию с соседствующим этносом. Как городская, так и сельская русская прослойка населения, расценивают татар как нацию, сохраняющую свое историческое прошлое и верность традициям.

Безотносительно к месту проживания, русские жители билингвалы видят стремление татар к инновациям в обществе, открытость переменам и ориентацию на перспективы. Жители русских сел отмечают готовность татар к усовершенствованию своего уклада жизни, внедрению инновационных методов производства в сельское хозяйство.

Ориентация на изменения в обществе

показатели	РУС	
	горожане	БИ
Открытость-замкнутость	0,5-0,3	0,6-0,4
Устремление в прошлое–в будущее	0,4-0,4	0,2-0,7
Осторожность-склонность к риску	0,5-0,4	0,5-0,6

Так, русские сельчане, социализировавшиеся в билингвальной среде, расценивают своего этнического соседа, как склонного к инновациям и изменениям в обществе.

Таблица 6.

Направленность русских на межэтническое взаимодействие.

показатели	РУС	
	горожане	БИ
Толерантность-интолерантность	0,5-0,4	0,7-0,4
Эмоциональность	0,7-0,3	0,6-0,4
Мотивация достижения цели	0,3-0,4	0,3-0,6

Переходя к рассмотрению следующей группы респондентов, необходимо отметить следующее: представители русского сельского населения более тяготеют к поддержанию дружеских межэтнических контактов с представителями татарской этно - группы. Этому свидетельствует схожий характер деревенской жизни, общие сельскохозяйственные проблемы и интересы. Русские сельчане открыты к развитию положительных межэтнических отношений с представителями татарской этнической группы.

Это прослеживается по таким показателям таблицы как толерантность – интолерантность. Респонденты этой группы более терпимы к иноязычным соседям, нежели чем представители рабочей группы, проживающие в урбанизированной полилингвальной среде.

В отличие от сельских жителей, городские рабочие относятся с большей дистанцированностью к соседствующему народу. Они видят своих этнических соседей как ориентированных на индивидуализм, не желающих поддерживать клановость своего народа. Прослеживается некая индифферентность к своей национальной принадлежности. Этому свидетельствует обостренный характер урбанизированной среды. Городские жители более индифферентны к соседям, живущим рядом, равнодушны к происходящему вокруг. Все это накладывает отпечаток на межэтническое взаимодействие городских жителей.

Таблица 7

Ориентация на власть

показатели	РУС	БИ
	горожане	село
Дисциплинированность-своеволие	0,4-0,5	0,5-0,7
Законопослушность - анархия	0,4-0,3	0,4-0,3
Значимость авторитета	0,4-0,4	0,4-0,5

В силу различных социальных задач и проблем, стоящих перед рабочим классом, русские не придают значения отношению татар к политической власти. Этому может свидетельствовать следующее: рабочие в основном не участвуют в политических преобразованиях, занятые бытовыми, социальными проблемами. Их отдаленность от политической суеты и дистанцированность от политических баталий и споров – яркое тому свидетельство.

Рабочие, социализировавшиеся в монолингвальной среде.

Таблица 8

Ориентация на группу (представители рабочего класса монолингвалы)

показатели	МОНО	
	Русские село (русские по отношению к татарам)	татары гор. (татары по отношению к русским)
Внутригрупповая сплоченность	0,6-0,3	0,7-0,4
Подчинение-самостоятельность	0,3-0,3	0,4-0,6
традиционализм	0,6-0,2	0,7-0,2

Анализируя результаты обследования культурно – ценностных ориентаций респондентов, социализировавшихся в монолингвальной среде, видно, что безотносительно к национальной принадлежности, представители рабочей группы ориентированы на коллективизм, считают друг друга внутриэтнично сплоченными, готовыми к взаимовыручке [внутриэтническая сплоченность: взаимовыручка – 0,6]. Отношения к людям, разрушающие традиции и не поддерживающие своего исторического прошлого – резко негативное.

Таблица 9

Ориентация на изменения в обществе

показатели	МОНО	
	Русские село	Татары гор
Открытость-замкнутость	0,5-0,3	0,7-0,4
Устремление в прошлое–в будущее	0,6-0,3	0,4-0,6
Осторожность – склонность к риску	1-0,5	0,4-0,4

Татары, представители **рабочего класса**, считают, что русские более ориентированны на будущее, на изменение в обществе и склонны к применению инновационных технологий в развитии будущего. В то же время, **русские** не видят стремления этнических соседей к развитию и внедрению инновационных технологий в повседневную жизнь, считая их ориентированных больше на прошлое, нежели чем на развитие будущего. Об этом говорит осторожность татар к нововведениям, не желание прибегать к рискованным действиям и внедрению инновационных технологий в повседневную жизнь.

Татары более консервативны к переменам, склонны придерживаться устоявшимся традициям, обычаям и «старым» жизненным стереотипам.

Таблица 10

Направление на межэтническое взаимодействие

показатели	МОНОлингвалы	
	Русские село	Татары гор
Толерантность - интолерантность	0,4-0,4	0.7-0,4
Эмоциональность	0,5-0,3	0,5-0,3
Мотивация достижения	0,4-0,4	0,5-0,6

При описании результатов обследования по оси ориентации на межэтническое взаимодействие, видно, что рабочие, прошедшие социализацию в **монолингвальной** среде, терпимее относятся к соседствующему народу, нежели чем рабочие, чья социализация проходила в **билингвальной** среде.

Среди **русских рабочих**, социализировавшихся в **монолингвальной** среде, межэтническая дистанцированность проявляется ярче, чем со стороны татар монолингвалов. **Татары рабочие** более терпимы к соседям и настроены на положительное межэтническое взаимодействие, более непосредственны в общении и в выражении своих чувств. В то время как русские более отдаленны и дистанцированы в кросскультурном общении. По нашим данным видно, что

русское сельское население старается ограничить круг общения в пределах своей этнической группы.

Русские рабочие, прошедшие социализацию в монолингвальной среде, относятся с некой осторожностью к представителям татарской нации, не склонны к поддержанию положительных отношений и более дистанцированы в общении с татарами. Данная группа склонна к этноцентризму, в силу своей монолингвальной социализации. Причинами могут быть нежелание принять, понять другую нацию, т.е. «антикультурная» среда социализации. Татары рабочие монолингвалы, в свою очередь, открыты к позитивным межэтническим контактам с русским этносом, и тяготеют в общении с ними.

Так, после описания результатов, полученных при исследовании культурно – ценностных ориентаций представителей рабочих русской и татарской национальности, проживающих на территории Республики Татарстан, можно сделать следующие выводы:

- в рабочей среде, независимо от национальной принадлежности, этнофоров – билингвалов не наблюдается межэтнической дистанцированности, что говорит об отсутствии каких – либо межэтнических разногласий.

- русские рабочие, прошедшие социализацию в монолингвальной среде, относятся с некой осторожностью к представителям татарской нации, они более дистанцированы во взаимодействии с татарами, и наблюдается тенденция к этноцентризму.

- татары рабочие монолингвалы более открыты позитивным межэтническим контактам с русским этносом, тяготеют к общению с ним.

Выводы по методике «КЦД».

1. Первичная до 15 летнего возраста социализация этнофора в монолингвальной сельской среде накладывает отпечаток на его отношения к представителю соседствующего этноса. В будущем, сельские эмигранты, переселившиеся в урбанизированную полиэтническую среду и получившие образование в высшем учебном заведении, не сокращают межэтническую дистанцированность между этнофорами.

2. спектр культурных ценностей этнофора тем шире, чем дольше он проживает в билингвальной этнической среде. Сельская монолингвальная интеллигенция более терпима к своим иноязычным соседям, в то время как толерантность монолингвальных горожан к представителям соседствующего народа менее выражена.

3. сельские жители, с детства социализировавшиеся в монолингвальной среде, более толерантны к своим иноязычным соседям, чем горожане, выросшие в идентичных монолингвальных условиях. Последние к представителям соседствующего народа относятся более настороженно.

§ 5. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОСНОВНЫХ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Этносоциальные представления могут быть отнесены к групповым представлениям, отличающихся от индивидуальных своей универсальностью, устойчивостью, межпоколенной преемственностью. Они формируются как продукт внутрикультурной социализации и во взаимодействии с соседствующими этносами. Значительная часть этих представлений – результат осознания истории своего народа, его культуры, традиций, государственности. Центральное место среди этносоциальных представлений занимают образы собственной и других этнических групп, которые составляют главное содержание этнической идентичности как когнитивно – мотивационного ядра этнического самосознания и имплицитно представляют отношения субъекта в межэтнических контактах. Этнофор находит свое место в многонациональной среде и вырабатывает модели поведения внутри и вне своей группы. Устойчивость позитивной этноидентичности субъекта создает у него образ психосоциальной безопасности и стабильности существования.

Осознание людьми своей этнической принадлежности значительно варьируется от того, живут ли они в полилингвальной или монолингвальной среде. Ситуация межэтнического общения дает индивиду больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей и других этно групп, что способствует развитию межэтнического понимания и формирования коммуникативных навыков. Отсутствие опыта межэтнического общения обуславливает, с одной стороны, меньшую предрасположенность к подобным контактам, с другой, меньший интерес к собственной этнической принадлежности. Этническая идентичность более четко осознается, а знания о различных группах приобретаются раньше, если человек социализируется в полиэтнической среде.

Для выявления описанного феномена было проведено эмпирическое исследование этноконтактных групп татар и русских, проживающих на

территории Татарстана. В экспериментальном исследовании приняли участие представители обоих народов, сгруппированные по признакам национального и социального статуса, (интеллигенция из сферы здравоохранения и образования, а так же рабочие промышленности, транспорта, торговли), по месту социализации и месту проживания (урбанизированная или сельская среда).

Трансформация этнической идентичности этнофоров оценивалась шкалированной методикой Г.У.Солдатовой (1998) по трем векторам: гипоидентичности (этнонигилизм, этническая индифферентность); гиперидентичность (этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм) и позитивной этнической идентичности. Последняя характеризуется балансом взаимопринятия собственной и соседствующей общности, а потому приобретает статус «нормы».

Осознание людьми своей этнической принадлежности значительно варьируется от того, живут ли они в полиэтнической или моноэтнической среде.

На основании математической обработки, только у одной этногруппы – татар - определились статистически значимые данные, определяющие этническую идентичность. (Результаты проведенного исследования представлены в табл. 1,2.)

Из численных выражений представителей билингвальной прослойки населения видно, что трансформация самосознания у татар ни по одному индикатору не превысила значений позитивной этноидентичности для своего этноса [см. позитивн. Этноидентичн. 0,38-0,40].

Это свидетельствует о том, что у этнофоров, проживающих в билингвальной городской среде, интересы народа, как целого, превалируют над всеми остальными. В тоже время, у городских билингвалов, независимо от социальных слоев, показатели гиперидентичности значительно выше, нежели чем у сельчан. В данном случае, мы имеем ввиду показатели этноизоляции, как у интеллигенции так и у представителей рабочих.

Таблица 1

Показатели этнической идентичности* (ТАТАРЫ билингвалы)

		Гипоидентичность		Позитивная этноидентич	гиперидентичность		
		Этнон игилизм	Этноиндиффер.	норма	Этно-эгоизм	Этно-изоляция	Этно фанатизм
ТАТАРЫ г о р	интелл.	0,15	0,28	0,40	0,19	0,33	0,24
	рабочие	0,15	0,28	0,40	0,19	0,33	0,25
ТАТАРЫ с е л о	интелл.	0,17	0,22	0,39	0,18	0,18	0,22
	рабочие	0,18	0,26	0,38	0,24	0,21	0,25

Данный факт может вызвать напряженность в общении с представителями других этнических групп. Нужно отметить, что крайняя форма гиперидентичности больше всего так же выражена у представителей городской билингвальной среды. В сочетании с этноизоляционизмом это может свидетельствовать о готовности идти на любые действия во имя этнических интересов, отказа в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями другими народами, при этом хороши любые действия, вплоть до ограничений гражданских прав не титульных народов. Этнодоминирующую идентичность и этнофанатизм в быту чаще всего называют национализмом.

Татары сильнее манифестируют свою этническую принадлежность, которая более эмоционально выражается представителями гуманитарной интеллигенции.[см. табл. 1]. Причиной этому является совместная продуктивная деятельность, где этническая принадлежность оказывается подчиненным признаком. Ведущими качествами становятся: профессионализм, личностные ориентации, возраст, социальный статус. Татары исторически отличались национальной сплоченностью, особенно оказавшись в диаспорах вдали от этнотерриториальной родины. В полиэтнических общностях они склонны образовывать кланы по национальному признаку. У татар билингвал, проживающих в урбанизированной среде, гиперидентичность может приобретать признаки этноэгоизма и этноизоляции. Сильная гиперидентичность татар с собственной группой в многонациональной культурной среде может быть связана с тенденцией к сепаратизму с соседствующей нацией, ориентацией на раздельное развитие этнических групп.

Представители татарской нации, проживающие в многонациональной среде, не склонны к яркой манифестации своей этнической принадлежности. В то же время, у сельских татар можно выделить высокий уровень гиперидентичности, проявляющийся в этноэгоизме, этноизоляционизме и этническом фанатизме. Этничность, национальная принадлежность у них рассматривается как нечто важное, безусловное предпочтение своего народа всем остальным. Результатом гиперидентичности является изоляция в общении

с представителями соседствующих этнических групп. Причинами является глубочайший деревенский уклад жизни, отношение к традициям и своему историческому прошлому, что является неотъемлимой частью сельской модели поведения.

На основании проведенного анализа значений представителей татарской национальности, социализировавшихся в билингвальной среде и проживающих в городской и сельской местности, можно сделать вывод о том, что;

1. этнические татары ярче выражают свою этническую принадлежность, социальная и языковая среда при этом в которых проходила их социализация, значения не имеют.

2. ярче манифестируют свою этническую принадлежность две категории населения: сельские татары, разных социальных слоев, и татары – сельские мигранты, причисляющие себе к городской интеллигенции в первом поколении.

Из табличных данных видно, что татары разных социальных слоев, прошедшие социализацию в монолингвальной среде и проживающие в дальнейшем в урбанизированной среде, менее склонны идентифицировать себя как нация. Это говорит о том, что городские этнофоры монолингвалы, проживающие в городской среде, толерантны в отношении к другим этническим группам, и к своей собственной. Позитивная этническая идентичность для данной группы испытуемых одновременно является условием самостоятельного, стабильного существования и условием мирного межкультурного взаимодействия с соседствующей нацией. Татарам монолингвалам этой социальной прослойки, свойственно естественное предпочтение собственных культурных ценностей, при этом они готовы к межэтническим контактам с национальными этническими соседями (см. табл. 2).

Показатели этнической идентичности* (ТАТАРЫ монолингвалы)

		Гипоидентичность		Позитивная этноидентич	гиперидентичность		
		Этнотигилизм	Этноиндиффер.	норма	Этноэгоизм	Этноизоляция	Этнофанатизм
ТАТАРЫ	интелл.	0,1	0,23	0,38	0,10	0,11	0,7
	рабочие	0,09	0,19	0,30	0,14	0,15	0,16
ТАТАРЫ	интелл.	0,19	0,25	0,43	0,25	0,23	0,24
	рабочие	0,18	0,28	0,40	0,24	0,24	0,29

Городские татары - монолингвалы, считающие себя интеллигенцией в первом поколении, более склонны к индифферентному отношению своей национальной принадлежности. Они демонстрируют большее равнодушие к своей этничности, чем представители рабочего класса. Этнические татары склонны скрывать свое национальное происхождение, что прослеживается по показателю этноиндифферентности (0,23). Несмотря на проживание в урбанизированной среде, социализация проходила в сельской местности. Эмигрировавшие из сельской местности и получившие образование в городе, татарские монолингвалы называют себя городской интеллигенцией. В этом просматриваются их тенденции строить взаимоприемлемые отношения с представителями соседствующих народов, заимствовать у них элементы культуры, миропонимания и образа жизни.

Данные обследования показали, что сельские татары, чья социализация прошла в монолингвальной среде, сильнее манифестируют свою национальную этническую принадлежность.

Независимо от социального статуса, представители данной этно - группы склонны к гиперидентичности. Это прослеживается по показателям этноэгоизма, этноизоляциялизма и этнофанатизма. (0,24-0,29), что свидетельствует о явно выраженном сепаратизме татар, об их стремлении к замкнутости и дистанцированности от соседствующих культур. Это отрицательно сказывается на межэтнических взаимоотношениях.

После проведения математической обработки по показателям русских и татар, данные, определяющие этническую принадлежность русского населения, статистически не имеют значения. (статистически не подтвердились). Это говорит о том, что русское население Татарстана индифферентно к своему национальному обозначению независимо от происхождения, социализации и социального статуса. Различий в самоидентификации между социальными слоями русских нет.

Как нам представляется, этому может свидетельствовать следующее. Представители русской национальности рассредоточены по всей земле.

Нередко русское население составляет значительную часть населения различных государств и регионов РФ. Русская нация одна из наиболее урбанизированных, в основном проживает в больших городах. Так, в России 74% составляет городское население, 26%-сельское. Это откладывает свой отпечаток на психологический облик этой нации, специфику их отношений с представителями других этнических общностей. Русские легко легко адаптируются к новому образу жизни, легко ассимилируются в разных частях земного шара. Они так же неплохо подчинены самостоятельной жизни вне этнической группы, что нельзя сказать о представителях татарской национальности. Все это говорит о том, что русские не склонны манифестации свое этнической национальной принадлежности. Имея за спиной богатые исторические русские корни, они не нуждаются к выпячиванию и яркой идентификации себя как нации.

На основании анализа этнической идентичности и данных, представленных в таблицах, можно сделать следующие выводы:

1. русские, проживающие в РТ, независимо от социальных слоев и степени урбанизации, не склонны самоидентифицировать себя как нация (манифестировать, выпячивать свою нацию)
2. самоидентификация ярче проявляется у сельских татар, языковая среда, в которой они социализировались, значение при этом не имеет. как сельские так городские этнофоры, социализировавшиеся в билингвальной среде, подчеркивают свою национальную принадлежность.
3. наиболее агрессивно заявляют о своей национальной принадлежности две категории населения: сельские татары, независимо от социальных слоев, и сельские эмигранты, считающие себя городской интеллигенцией в первом поколении.

Выводы.

1. среди русских Татарстана, независимо от их социального статуса и происхождения, а так же независимо от условий социализации в моно-бilingвальной среде, различий в самоидентификации у русских не существует. (русские Татарстана индифферентны к своему национальному этническому обозначению.)

2. в отличии от русских этнические татары сильнее выражают свою этническую принадлежность, которая представлена у разных слоев в разной степени:

-наиболее выражена у сельских эмигрантов, получившие высшее гуманитарное образование и осевшие в городской среде;

-сельские татары, независимо от представленных ими социальных слоев; языковая среда, в которой они социализировались, не оказывает влияния на их самоидентификацию.

§ 6. ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДЕТЕЙ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ НА ПРИМЕРЕ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Каждый человек как некая индивидуальность включен в свой собственный мир, представляющий собой ареал объективной реальности, всегда различный, обусловленный степенью значимости его объектов, ранжированных в зависимости от общности групповой (семья, коллектив, группа, этнос, государство) принадлежности человека. Мир индивидуальности — это способ организации и развития ее жизнедеятельности, представленный материальными и идеальными объектами той сферы социальной действительности, к которой в той или иной мере индивидуальность себя причисляет. Тем самым индивидуальность является субъектом жизнедеятельности в рамках какой-либо культуры, а значит — системы социальных норм, духовных и материальных ценностей и совокупности отношений.

Осознание собственных этнопсихологических особенностей есть процесс опосредствованного познания самого себя. Формирование индивидуального стиля и познание ребенком самого себя идет от познания окружающего мира, окружающих других, взаимоотношений с ними. Расширяя сферу переносимых на себя этнических свойств и особенностей других, ребенок представляет ее как систему сущностных свойств и поведения применительно как к себе, так и к другим, составляющим некоторое этносоциальное образование. Результатом этого переноса является ощущение себя, представление о себе как об индивиде, похожем на окружающих других. Таким образом, у ребенка дошкольного возраста идет формирование индивидуального стиля, складывается образ самого себя и своего поведения, привязанный к условиям бытия конкретной этносоциальной общности, к которой он себя причисляет.

Далее процесс самопознания переходит в систему познания самого себя («Я» и «не Я»), где происходит проекция фиксированных свойств на качество своего «Я». Анализируя и осмысляя себя (свое «Я»), собственное поведение,

ребенок соотносит его с детерминирующей его мотивацией, обусловленной возлагаемыми на ребенка требованиями этносоциальной общности. В результате данного соотношения происходит осознание самого себя субъектом своей этнической общности, субъектом, наделенным этнической индивидуальностью как некой интегральной целостностью (специфическим сочетанием психологических свойств), реализованной в таких же других, включенных в эту общность, иначе единством внешнего и внутреннего бытия.

Переход из одной системы познания в другую отражает интегральную направленность самосознания, которая выражается процессом перехода от внешних психологических характеристик (этнопсихологических особенностей) самого себя и окружающих других во внутреннее качество, выраженное в ином понятии как этническая индивидуальность (своеобразное, специфическое сочетание психологических свойств).

Индивидуальный стиль деятельности, самопознание в системе соотнесения себя с другими и в системе соотнесения себя с самим собой реализуется непосредственно при взаимоотношениях ребенка с другими детьми в процессе общения и индивидуальной игровой деятельности, являющихся условиями самого процесса самопознания. Только через деятельность и общение, в которые люди вступают для достижения общих целей в совместной деятельности, каждый из них познает окружающую действительность, этническую реальность, а вместе с тем через познание внешнего мира, этнического бытия познает самого себя (1,).

Этничность - это одновременно и рациональное, и иррациональное явление, со всеми присущими ему атрибутами. Только в совокупности всех точек зрения и подходов можно более или менее составить представление об этничности, этносе, приближенное к реальности. Природа этнического феномена настолько сложна и разнообразна, что понимание её в рамках одной методологической модели просто невозможно. «Что касается отечественной теории этноса и западной концепции этничности, то при всей их видимой противоположности они должны иметь точки соприкосновения, так как имеют

дело с одним и тем же социальным феноменом, но проявляются через различные историко-социальные реалии. Это в равной степени относится и к тем концепциям, которые формально не входят в указанные теоретические направления. Только интегрированный подход к изучению феномена этничности приблизит нас, наконец, к более или менее четкому определению предмета изучения» (3, 16).

Проблема развития индивидуального стиля игровой деятельности дошкольников в этнокультурном образовании в научной литературе разработана недостаточно. Имеются лишь единичные исследования, в которых рассматриваются вопросы межэтнического восприятия, стереотипы и автостереотипы, но целостной картины его формирования и возрастной динамики не прослеживается. Мало внимания уделено вопросам формирования индивидуального стиля игровой деятельности в условиях этнокультурного образования в дошкольном возрасте. Между тем, этот старший дошкольный возраст является важным периодом в становлении личности, в появлении предпосылок гражданских качеств, основы мировосприятия и мировоззрения, интенсивном формировании самосознания. В народной педагогике воспитание ребенка рассматривается как передача ему духа народа. Ребенок не впитавший в себя дух своего этноса, теряет свою индивидуальность.

В системе дошкольного воспитания недостаточно уделяется внимания формированию индивидуального стиля игровой деятельности дошкольников, гражданскому воспитанию, формирующему ЭС. Педагоги и родители из-за недостаточных знаний основ истории и культуры своего народа не пытаются привить детям интерес к этим источникам формирования культурно-духовных ценностей. Именно в дошкольном возрасте воспитание детей с позиции национальных, духовно-нравственных ценностей может предотвратить возможное отчуждение детей от этнических идеалов, предотвращение деструктивного формирования этнического самосознания.

На формирование общечеловеческих ценностей в дошкольном возрасте большое влияние оказывает зарубежная культура через средства массовой

информации, телевидение и игрушки. При этом теряются основы для формирования компонентов этнического самосознания.

В психолого-педагогической практике уровень профессиональной компетенции педагогов дошкольных учреждений в вопросах гражданского воспитания недостаточный при наличии обоснованной педагогической направленности на формирование. Анализ анкетирования, изучение документации воспитателей (календарные, тематические планы, дневники наблюдений) показал, что целенаправленной, систематической работы не проводится.

Дошкольный возраст - начальный период становления личности, формирования индивидуального стиля, интенсивного формирования этнического самосознания. Этническое самосознание в дошкольном возрасте понимается как компонент образа «Я», выражающийся в употреблении этнонима, элементарном осознании принадлежности к этнической общности, эмоционально-ценностном отношении к себе и другим, основанный на представлениях о культурно-духовных ценностях народа.

Этническое самосознание развивается вместе с расширением образа «Я» детей, социализацией личности, усвоением духовно-нравственных ценностей. Основными факторами, определяющими формирование индивидуального стиля игровой деятельности детей дошкольного возраста в этнокультурном образовании, выступают родной язык, мышление, этнокультурная специфика.

Основной компонент этнического самосознания как эмоционально-ценностное отношение к себе, основанное на представлениях о культурно-духовной ценности народа может осваиваться детьми через основной вид деятельности в этом возрасте - игру. Именно игра может служить основой для формирования этнического слоя культуры в детском возрасте, создавая предпосылки для становления менталитета.

Пространственно-предметная развивающая среда, учитывающая этнокультурные особенности, является источником психолого-педагогического

влияния, в котором возможна активизация самовыражения детей в игровой деятельности.

Процесс формирования индивидуального стиля игровой деятельности детей дошкольного возраста включает в себя несколько компонентов: эмоциональный, интеллектуальный, когнитивный и поведенческий (В.С. Мерлин, Л.Я. Гозман, В.Н. Мясичев). При этом первый из них становится ведущим, так как на протяжении дошкольного детства, эмоции долгое время остаются генетическими формами регуляции поведения и формирования интеллектуально-познавательной сферы. Именно эмоции в процессе развития личности являются главными регуляторами психического созревания и становления (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.В. Запорожец). Чем глубже и ярче переживания, тем устойчивее и полнее нравственные понятия, чувства, возникающие на их основе. Только пройдя через чувства и эмоциональные переживания ребенка, культура народа может стать для него источником ценностного отношения к окружающему.

Анализ практической работы дошкольных образовательных учреждений Республики Татарстан свидетельствует, что педагогические возможности устного народного творчества недостаточно используются в педагогическом процессе, хотя в образовательных программах предусмотрен национально-региональный компонент. Педагоги испытывают потребность в научно обоснованных рекомендациях.

Таким образом, в современной отечественной дошкольной психологии сформировалось противоречие между необходимостью разработки психолого-педагогических условий формирования индивидуального стиля игровой деятельности, этнического самосознания, этнической идентичности в дошкольном возрасте и недостаточной теоретической и практической разработанностью этой проблемы.

Обращение к философскому знанию, которое послужило одним из важных источников в конструировании целей психолого-педагогического процесса, направленного на формирование индивидуального стиля этнической

идентичности детей старшего дошкольного возраста, позволило уточнить сущность понятия этнического самосознания и этнической идентичности.

Психологические исследования рассматривают этническое самосознание как совокупность когнитивных, эмоционально-оценочных, поведенческих установок личности, связанных с осознанием своей этнической принадлежности. Этническое самосознание представляется как отдельный компонент в самосознании, как часть образа «Я» личности. (В.С. Мерлин, В.С. Мухина, В.В. Столин, И.И. Чеснокова).

В отечественной науке сформировались две тенденции по определению этнического самосознания. Согласно первой, этническое самосознание рассматривается как представление людей об общности происхождения, территории, языка и культуры (А.Г. Агаев, Ю.В. Бромлей, Л.М. Дробижева, В.И. Козлов). Во второй - этническое самосознание рассматривается как двуединый процесс определения и осознания общности «мы» и «они» (А.Д. Бороноев, И.С. Кон, Б.Ф. Поршнев).

В научной литературе больше используется термин «этническая идентичность», заимствованный из западных кросс-культурных научных исследований, и в междисциплинарных исследованиях это понятие рассматривается как тождественное этническому самосознанию. В нашем исследовании мы опираемся на определение В.Ю.Хотинца о том, что этническая идентичность - это когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания, содержащее в себе слой бессознательного, и рассматривается как осознание человека представителем определенной этнической группы, наряду с эмоциональным и ценностным значением, приписываемым этому членству.

Этносоциальные представления членов этнической группы составляют его главное содержание и выражаются в мифах, легендах, сказках, в обыденных формах мышления, которые отличаются универсальностью, устойчивостью, межпоколенно-преемственностью.

Существуют разные подходы к выделению структурных компонентов этнического самосознания, исходящих из его содержательных характеристик:

- представление об общности происхождения всех членов этноса, обозначение себя определенным этнонимом, общность исторических судеб и территории, саиоидентификация (В.Ю. Бромлей);

- осознание национальной принадлежности, авто-гетеростереотипы, ценностное значение и идеологическая нагрузка (Л.М. Дробижева);

- выделение себя как отдельного «Я» и отождествление себя с общностью (А.В. Дашдамиров);

- осознание особенностей этнической культуры и своей этнической общности, психологических особенностей своей этнической общности и тождественности с ней, осознание себя в качестве субъекта своей этнической общности с индивидуальными и этнопсихологическими особенностями, социально-нравственная самооценка этнической реальности (В.А. Вяткин, Ю.В. Хотинец);

- комплекс представлений национальности о себе, осознание национальных интересов, ценностные ориентации и установки по отношению к другим, чувство к Родине, историческая память, чувство гордости за героическое прошлое (М. Мухметбердиев).

Эти подходы позволили выявить сложный, трансформируемый характер этнической идентичности, которая включает взаимообусловленные когнитивный, эмоционально-оценочный, интеллектуальный, поведенческий компоненты.

Относительно сроков формирования этнической идентичности в отечественной и зарубежной психологии существуют также различные точки зрения. Многими авторами (В.А. Вяткин, А.Ф. Дашдамиров, В.Ю. Хотинец и другие) подчеркивается, что подростковый возраст является решающим периодом в развитии, упрочении и закреплении этнической идентичности, а также его трансформации в зависимости от социально-политических, экономических и других условий жизнедеятельности этнической общности.

Некоторые авторы утверждают, что элементарные формы этнического самосознания существуют в дошкольном возрасте и связывают с выделением

своего «Я», процессами идентификации, осознанием своих возможностей, действий и поступков (Е.Н. Акундинова, А.Ф. Дашдамиров, Л.М. Дробижева, И.А. Снежкова, О.Н. Юденко).

Особенности возрастного развития детей позволяют сделать предположение о том, что в старшем дошкольном возрасте начинается формирование элементарных форм этнического самосознания, проявляющиеся в индивидуальном стиле деятельности. Этому способствуют процессы, характеризующие данный возраст: в сфере самопознания происходит накопление знаний о себе и своих возможностях, обогащается образ «Я», значительно увеличивается круг общения, формируется эмоционально-ценностное отношение к себе, становится возможным регулирование своего поведения через отношение к себе, способность планировать и выполнять действие во внутреннем плане.

Как показал анализ психолого-педагогической литературы, индивидуальный стиль деятельности в этнокультурном образовании формируется вместе с ростом самосознания личности, ее социализацией. В процессе социализации ребенка активно включаются факторы национальной культуры, носителями которой являются окружающие люди. В ходе воспитания и обучения люди формируют в ребенке черты, свойства, привычки, отвечающие нормам и требованиям, действующим в рамках данной культуры, системы ценностей и традиций. Осознание этнокультурных особенностей общности обуславливает этническую самоидентификацию в индивидуальном стиле деятельности.

Высокий уровень формирования этнического самосознания может достигаться путем создания педагогических условий, учитывающих возрастные, этнокультурные особенности, мотивационно-потребностную сферу индивидуальной деятельности детей.

Развитие этнического самосознания в индивидуальном стиле деятельности является необходимым условием для нормальной жизнедеятельности дошкольника, так как на его основе идет выработка внутренней культуры,

ценностных ориентиров. Этническое самосознание и как процесс, и как структура формируется в ходе развития предметной деятельности и общения ребенка.

На основе анализа психолого-педагогической литературы установлено, что условиями формирования индивидуального стиля деятельности в условиях этнокультурного образования детей старшего дошкольного возраста являются педагогическая технология по ознакомлению с самым распространенным и массовым жанром устного народного творчества, сказкой, создание развивающей предметно-пространственной среды на основе этнокультурных особенностей.

Представленная статья не решает всех проблем, связанных с формированием индивидуального стиля игровой деятельности ребенка в условиях этнокультурного образования, так как личность модифицируется и трансформируется вместе с изменениями социально-политических и экономических преобразований общества, что обуславливает продолжение исследований в данной области.

Индивид идентифицирует себя не только с этнической общностью, поэтому этничность может иногда находиться и на периферии личностной мотивации. На значимость этнической принадлежности влияют не только объективная социальная реальность (“переходность” общества, этнические конфликты, миграции и т. п.), но и ряд субъективных факторов – уровень образования индивида, например. Значение этнической идентификации в индивидуальном стиле деятельности ситуативно. Как правило, этническое сознание групп и индивида не актуализировано при условиях стабильных этнических отношений или в моноэтнической среде.

Общечеловеческие ценности всегда выступают как необходимый и важнейший элемент национальной культуры. В связи с этим их освоение осуществляется через познание детьми своей этнической самобытности, своеобразия культуры и формирования индивидуального стиля деятельности.

Литература:

1. Вяткин Б. А. Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека/Перм. гос. пед. ун-т.— Пермь, 2000.— 179 с.
2. Вяткин Б. А., Хотинец В. Ю. Этническое самосознание как фактор развития индивидуальности // Психол. журн. 1996. Т. 17. № 5. С. 69 — 75.
3. Зарипов И. Ю. Время искать общий язык (проблемы интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение, 2000, № 2.
4. Михалева О. И. Педагогические условия формирования этнической идентичности детей старшего дошкольного возраста. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Якутск. 2003 г.
5. Решетова Т. Я. Стиливые характеристики психической активности субъекта. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. – Сочи. 2003.
6. Хотинец В. Ю. Роль этнического самосознания в развитии интегральной индивидуальности // Вестн. ПГПУ. Сер. 1. Психология. Пермь: Изд-во ПГПУ, 1995. С. 32 — 44.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время проблема психология взаимоотношения этносов переживает период бурного развития. Реалии нашей жизни стимулировали многочисленные эмпирические исследования, нацеленные на изучение трансформации этнической идентичности, межэтнических отношений, самосознания и т.д. Цель подобных исследований заключается в изучении психологических механизмов формирования этнической толерантности на групповом и личностном уровнях. Особенно эта проблема выступает в условиях многонационального региона, каким является Республика Татарстан.

Осознавая политическую значимость этого вопроса сотрудниками кафедры психологии ТГГПУ и было проведено многоосевое исследование по проблеме психологии взаимоотношения в условиях билингвизма. Так, в статье профессора А.О.Прохорова «Этнокультурные особенности семантических пространств и саморегуляции психических состояний» делается вывод о близости способов саморегуляции психических состояний представителями разных национальностей и о схожих адаптационных процессах. Доцент Л.Р.Фахрутдинова подчеркивает мысль о зависимости переживания, восприятия от национально-культурных теорий формирования личности. В статье профессора Д.В.Вилькеева говорится о самосознании этноса, в частности, татар, выделяются основные составляющие и истоки этого этноса и присущие этому этносу характеристики. Ассистент М.Р.Хайдарова подчеркивает в своей статье «Духовно-нравственные качества студентов ТГГПУ» мысль, что личностные, духовно-нравственные качества студентов ТГГПУ русской национальности в своем развитии имеет более целостную форму, чем духовно-нравственные качества студентов татарской национальности и это необходимо учитывать в учебной и воспитательной работе.

Данная монография – посильный вклад членов кафедры в решении вопроса толерантности в РТ и попытка ответить на вопрос почему в период «парада

суверенитетов» и «брожения умов» этнопсихологическая обстановка в республике оставалась все же относительно спокойной. Спокойствие и стабильность в прошлом и в настоящем в РТ – самое главное политическое достижение внутренней политики, о чем неоднократно подчеркивал в своих выступлениях Президент РТ М.Ш.Шаймиев.

В данной монографии рассмотрены и дальнейшие возможные пути исследования этой важной проблемы (М.Г.Юсупов, С.А.Шмелева, Э.А.Садретдинова), проблема взаимоотношения этносов в современных условиях, что представляется важным и своевременным шагом.

В работе сделана попытка понять и объяснить данную этническую культуру, ее сущность, специфические культурные механизмы регуляции сознания. Кроме того, в монографии прослежены пути взаимопонимания культур на основе общих нравственных ценностей в условиях многонационального региона. (Э.Г.Волчков).

Данная монография может быть интересна всем кто занимается проблемой психологии взаимоотношений в условиях многонациональности и кросскультурной психологией, этническим самосознанием и этнической идентичностью.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЭТНОСОВ В УСЛОВИЯХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА	12
§ 1. Межэтническое общение и дистанцированность титульных народов Татарстана.....	12
§ 2. Истоки менталитета народов Татарстана.....	24
§ 3. Этнокультуральные особенности семантических пространств и саморегуляции психических состояний.....	36
§ 4. Особенности переживаний татар.....	58
§ 5. Самосознание этноса и этноидентификация.....	78
ГЛАВА 2. ПРИКЛАДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОПСИХОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА	98
§ 1. Духовно-нравственные качества студентов ТГГПУ татарской и русской национальности.....	98
§ 2. Формирование межэтнических отношений народов в условиях современной действительности.....	116
§ 3. Этнические особенности взаимоотношений психических состояний и произвольного внимания в ходе учебной деятельности.....	131
§ 4. Эмпирическое изучение культурно-ценностных ориентаций основных народов Татарстана.....	148
§ 5. Эмпирическое изучение этнической идентичности основных народов Республики Татарстан.....	165
§ 6. Особенности взаимоотношений детей в этнокультурной среде на примере игровой деятельности.....	174
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	184